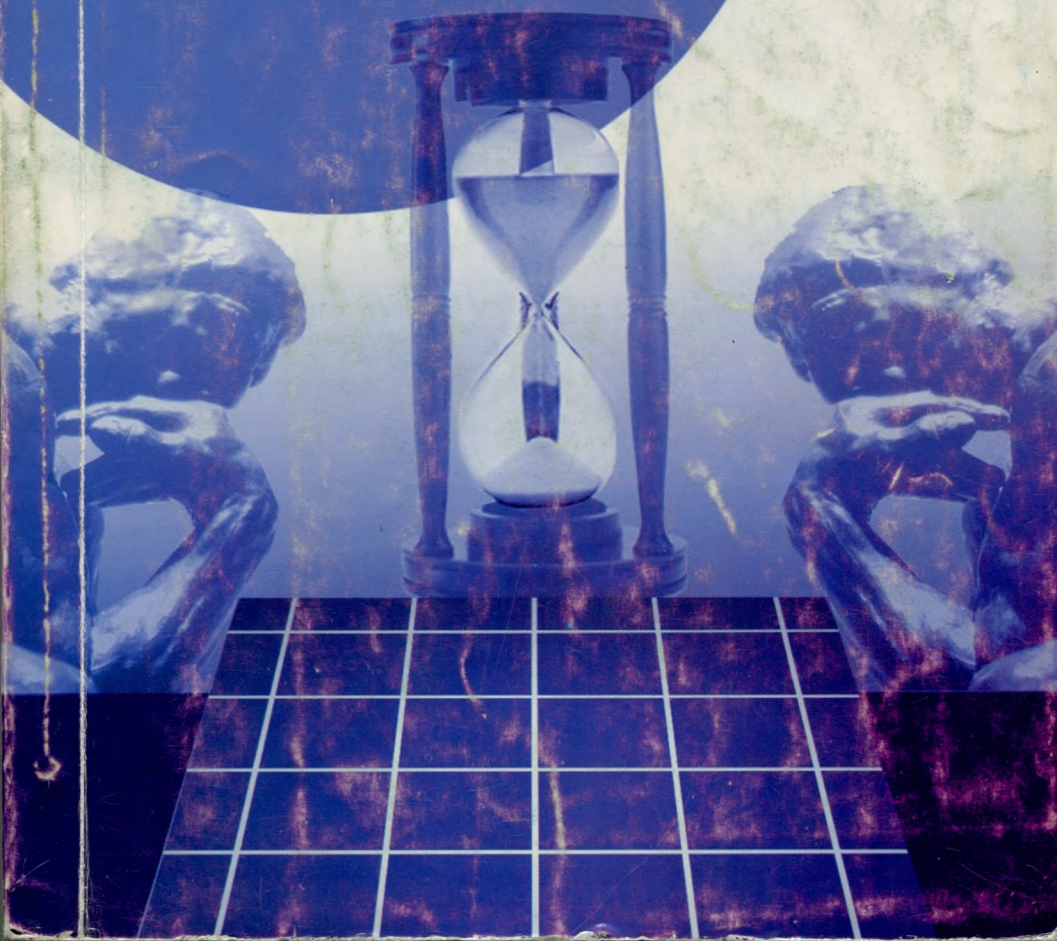

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный журнал

№1, 2002

Учредитель — Кубанский государственный университет

СОДЕРЖАНИЕ

Представление номера 3

МАТЕРИАЛЫ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ

«МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Т.А.Алексеева

Будет ли политическая философия востребована в России? 5

И.В. Юрченко

Полипарадигмальность социально-политического познания 30

А.В. Баранов

Цивилизационный подход в политических исследованиях 44

Е.В. Улько

Количественные методы в социальном познании 64

Е.В. Морозова

Возможности качественных методов в политологии 73

И.В. Самаркина

Контент-анализ в политических исследованиях 82

В.Б. Комаров, Л.Г. Комарова

Мониторинговые исследования в политике 92

В.В. Меньшиков

Методологические аспекты организации научно-исследовательской
работы студентов 100

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

В.П. Окулич-Казарин, В.И. Чистяков

Социально-экономическое развитие региона: проблемы подготовки
руководящих кадров 106

Н.И. Кузьмичева

Роль экономической компоненты в формировании среды
жизнедеятельности человека 119

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

А.А. Бодалев

Об объективных и субъективных факторах, обуславливающих
достижение акме человеком 127

Н.В. Захарюта

Управление интегративным развитием памяти детей (постановка проблемы) 137

КАФЕДРА

Т.Н. Джакубова

Управленческие имитационные игры: теоретический аспект 148

OPERA ASPIRANTI

И.А. Романова

О проблеме бедности в Северо-Кавказском регионе 157

Е.В. Волосенкова

«Ловушки» миграционных теорий 165

РЕЦЕНЗИИ

А.В. Баранов

Поиск концептуальных оснований политической регионалистики 173

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

Местные сообщества: социально-психологические аспекты бытия

личности. Сообщение о работе круглого стола 179

Диссертация в подарок 193

Издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год.

Регистрационное свидетельство Р2829 от 16.03.99

Главный редактор *Е.В. Морозова*, д-р филос.наук, профессор

Редакционная коллегия:

О.А. Оберемко, зам.гл.редактора, канд.социол.наук, доцент;

Г.С. Курбатова, отв.секретарь; *Т.Т. Авдеева*, д-р экон.наук, доц.;

А.М. Ждановский, канд.ист.наук, доц.; *А.А. Лузаков*, канд.психол.наук, доц.;

З.И. Рябикина, д-р психол.наук, проф.; *В.М. Юрченко*, д-р филос.наук, проф.

Адрес редакции: 350040 г.Краснодар, ул.Ставропольская, 149, комн.404-н.

Тел. (8612) 699-563, 699-564

Дизайн художников *М.Н. Марченко, С.Г.Ажгихина*

Оригинал-макет *Л.В. Роман*.

Подписано в печать 22.03.02. Уч.-изд.л. 12,5. Усл.печ.л. 11,6.

Тираж 200 экз. Цена свободная. Заказ № 65

Кубанский государственный университет.

350040 г.Краснодар, ул.Ставропольская, 149.

Типография КубГУ, ул. Октябрьская, 25.

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ НОМЕРА

Номер открывается материалами летней школы, которую провела кафедра политологии и политического управления. Тема школы — «Методология политических исследований». Она проводилась в рамках проекта поддержки кафедр Института «Открытое общество». В подборке представлены доклады и сообщения, передающие многоплановость дискуссии: от проблем востребованности политической философии до эмпирического инструментария познания мира политического. Безусловно, особый интерес читателя вызовет статья доктора философских наук, заведующей кафедрой теории политики МГИМО(У) Т.А. Алексеевой.

Местные сообщества на сей раз исследуются с экономической точки зрения. Н.И. Кузьмичева давно известна как последовательный пропагандист антропоцентрического подхода в государственном и муниципальном управлении. Ее статья посвящена изучению роли экономической компоненты в формировании среды жизнедеятельности человека. В.П. Окулич-Казарин и В.И. Чистяков рассматривают влияние качества руководящих кадров на социально-экономическое развитие региона.

Как человек достигает акме? Чем характеризуется движение к акме в развитии каждого человека? Какие объективные и субъективные факторы влияют на этот процесс? Ответы на эти вопросы читатель найдет в статье академика РАО А.А. Бодалева, а Н.В. Захарюта делится с читателями своим пониманием проблемы развития памяти у детей.

Весьма полезен преподавателям всех специальностей будет материал Т.Н. Джакубовой, помещенный в рубрике «Кафедра». Он выдает большой методический опыт автора, связанный с активизацией учебного процесса через имитационные игры.

Хотя аспиранты И.А. Романова и Е.В. Волосенкова обучаются по разным специальностям (географии и политологии), их первые статьи в рубрике «Opera Aspiranti» объединяет интерес к социальным проблемам Северо-Кавказского региона — проблеме бедности и проблеме миграции.

В журнале помещена рецензия А.В. Баранова на книгу Д.В. Доленко «Политика и территория», информация о конференциях, круглых столах, краевой олимпиаде по обществознанию, успехах наших коллег в разнообразных конкурсах.

Редколлегия

МАТЕРИАЛЫ ЛЕТНЕЙ ШКОЛЫ «МЕТОДОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ»

Будет ли политическая философия востребована в России?

Т.А. Алексеева

Полипарадигмальность социально-политического познания

И.В. Юрченко

Цивилизационный подход в политических исследованиях

Е.В. Улько

Возможности качественных методов в политических исследованиях

Е.В. Морозова

Контент-анализ в политических исследованиях

И.В. Самаркина

Мониторинговые исследования в политике

В.Б. Комаров,

Л.Г. Комарова

Методологические аспекты организации научно-исследовательской работы студентов

В.В. Меньшиков

БУДЕТ ЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ ВОСТРЕБОВАНА В РОССИИ?

Т.А. Алексеева

Есть такой анекдот. Политического теоретика, вечно занятого написанием статей, лекциями и выступлениями на «круглых столах», спросили: «Если ты такой умный, то почему не идешь в политику?».

Его ответ: «Политический мыслитель, желающий стать политиком, подобен жокею, который хочет стать лошадкой».

Однако похоже, что сегодня в нашей стране более чем достаточно лошадей, но имеются перебои с жокеями. Кропотливый труд политического теоретика стал малопривлекателен. И дело, разумеется, не только в финансовом обеспечении. Проблема, на мой взгляд, куда как сложнее.

Тот факт, что политики и политические теоретики отвернулись в последнее время друг от друга, часто объясняют несовпадением в самом характере той или иной профессии. Политиче-

ский мыслитель, как предполагается, должен быть совершенно уверен в своих словах и мнениях. Он не может отступать от собственных теоретических воззрений, т.е. призван верить в то, о чем говорит и пишет. От политика же требуются совершенно иные качества. Политика — это искусство компромисса, искусство возможного. Смена целей и принципов, дружба и сотрудничество со вчерашними врагами, гибкость и увертливость — лишь немногие качества, без которых в политике делать нечего.

Однако в таком объяснении присутствует изрядная доля лукавства. Многие «классики» политической мысли, начиная от Макиавелли и Эдмунда Берка и кончая Чарльзом Мерриамом и Джоном Дьюи, вполне успешно сочетали научную и политическую деятельность. Сегодня дело обстоит иначе. Речь, разумеется, не идет о диссертациях, защищаемых отечественными политиками, за немногими исключениями это — особый жанр.

Нуждается ли общество в философском осмыслении политики? Есть разные мнения. Многие представители естественных наук продолжают считать, что политика — это деятельность, не заслуживающая научного анализа. Другие видят в ней потенциальную возможность объяснения и предсказания путей выхода из кризиса. Третьи отводят ей небольшую площадку, полагая ее почти безвредной, хотя и отнюдь не полезной.

Сталкиваясь с отказами в финансировании со стороны фондов, с сокращением часов, выделяемых на теоретические курсы в программах университетов, с иронией политиков, не понимающих сложного профессионального языка, наблюдая за успехами широко востребованных политехнологов, теоретики и сами начинают сомневаться в не-

обходимости своего продукта. Даже в условиях недоразвитого российского рынка, когда политическая теория, перестав быть идеологией, все же постепенно становится товаром, она вынуждена искать своего потребителя или «заказчика». Производители продукта, однако, не могут диктовать цену своего продукта, она определяется, как известно из курса экономической теории, взаимодействием между производителем и потребителем.

А.Ф. Филиппов, видный социолог, болеющий за судьбу гуманитарного знания в России, с горечью писал о своей науке: «Теоретической социологии в сегодняшней России нет. Нет обширных и постоянных коммуникаций, тематизирующих прежде всего фундаментальную социологическую традицию, нет обширных концептуальных построений (разветвленной теории), нет достаточно самостоятельных последователей (во всяком случае, *круга последователей*) какой-либо признанной западной школы, нет и заметных претензий на создание своего собственного большого теоретического проекта. Не случайно социология не привлекает к себе общественного внимания даже в интеллигентной среде, если, конечно, не считать опросов общественного мнения. Публичное невнимание в социологии — социальный факт, имеющий симптоматическое значение. Речь идет не только о состоянии науки, но и о состоянии общества» [1, с.7—8]. Здесь можно подписаться под каждым словом, тем более что речь идет в нашем случае о политической философии, находящейся как бы во «внутренней иммиграции» по отношению к текущим политическим процессам, что еще более непростительно.

Но, возможно, дело в том, что политическая философия сегодня уже никому не нужна? Попробуем разобрать-

ся в этом вопросе, начав с выяснения, чем же все-таки занимается эта область познания и каково ее предметное поле.

Современная политическая философия представляет собой вполне сложившуюся область политического знания, опирающуюся на относительно длительную традицию развития политической мысли. В англо-американских академических кругах ее часто называют политической теорией. В европейской традиции чаще говорят о политической философии, желая подчеркнуть ее нормативный характер. Дело в том, что границы между двумя дисциплинами во многих случаях размыты, проблемы схожи и методы исследования аналогичны. Однако при всем сходстве двух сфер знания между ними есть и существенные различия. Политическая теория часто включает как эмпирический, так и нормативный подход, и ориентируется скорее на объяснение феноменов, нежели их оценку. Политическая философия, наоборот, прежде всего сфокусирована именно на оценку фактов и явлений. Тем не менее в данной статье я вполне сознательно буду игнорировать различия между ними, имея в виду теоретический уровень осмысления политических феноменов.

Многие исследователи политической мысли считают, что политическая философия и теория отвечают на два вопроса — «кто что получает?» и «кто говорит?». Это не вполне верно, однако с этих вопросов вполне можно начать наши рассуждения. Первый вопрос относится к сфере распределения материальных благ, прав и свобод. На каком основании люди могут владеть собственностью? Какими правами и свободами они должны пользоваться?

Второй вопрос относится к распределению блага несколько иного рода: политической власти. Власть, как из-

вестно, означает способность указывать другим, что они должны делать, и наказывать, если ей не подчиняются. Или, как писал Джон Локк, власть — это право издавать законы, неисполнение которых карается наказанием. Но кто именно должен обладать властью?

Как только мы начинаем размышлять над этими вопросами, появляются трудности. Существуют ли какие-либо серьезные основания для того, чтобы один человек владел большей собственностью, нежели другие? Имеются ли какие-либо законные ограничения для моей свободы? И какого рода отношения связывают политическую власть и экономический успех? Наконец, есть ли какая-нибудь связь между наличием богатства и доступом к власти?

Власть сама по себе весьма загадочна. Если некто имеет надо мной легитимную политическую власть, то, по-видимому, перефразируя Вебера, он обладает способностью принудить меня делать нечто, чем мне заниматься вовсе не хочется. Но как он может узаконить и объяснить сам факт наличия власти надо мной? Да и вообще, почему собственно некто может указывать, что я должна делать? Более того, он грозит мне наказанием, если я не выполню его указание или приказ! Разумеется, есть и другая сторона этого: во что превратится моя жизнь, если в обществе не будет вообще никаких ограничений? Разве я могу быть уверена, что сумею сохранить свою жизнь и собственность, если не будет ни законов, ни милиции, ни власти? Но тогда очевидна логика и в анархистском акцентировании автономии индивида, и в авторитарном убеждении в приоритетной роли государства.

Таким образом, одна из задач политической философии — *определение правильного баланса между автоно-*

мией и авторитетом, или, иными словами, характера распределения политической власти. Здесь весьма важно слово «правильное», так как оно позволяет выделить одну из наиболее характерных черт политической философии. Политическая философия является *нормативной* дисциплиной, т.е. она пытается установить нормы (правила или идеалы). Мы можем противопоставить нормативное *описательному* исследованию, направленному на показ того, как именно обстоят дела. В отличие от него, нормативное исследование говорит о том, как дела *должны* обстоять, дабы они были справедливыми, т.е. правильными с моральной точки зрения. Политику, как известно, можно изучать и в нормативном, и в описательном ключе, или и в том, и в другом одновременно.

Описательными политическими исследованиями занимаются главным образом политологи, социологи и историки. Так, например, политолог может поставить вопрос о том, как распределяются блага в данном обществе. Кто именно владеет богатством в Соединенных Штатах Америки? Кого можно назвать олигархами в России? Кто обладает властью в Белоруссии или на Украине? Подобные вопросы представляют определенный интерес и для политических философов, однако основной интерес для них связан с вопросами другого рода: какое правило или принцип должны управлять распределением благ в данном обществе? При этом благо включает в себя не только собственность, но и власть, права человека и свободы. Политический философ не будет ставить вопрос о том, как именно распределяется собственность, а спросит: «Каково будет справедливое и честное распределение собственности?».

Или точнее: «Какие именно стандарты и нормы должны лежать в основе распределения благ в обществе?».

Поскольку политическая философия, в отличие от политологии, устремлена к должному, к некоему идеалу, то можно сказать, что ее деонтологическая сторона подходит довольно близко к утопии. Очевидно, что проект гражданского общества, предложенный в свое время Джоном Локком, казался тогда нереальным, да и в наши дни не нашел еще своего полного воплощения. Столь же утопичным на грани XVII и XVIII вв. мог показаться и проект правового государства Локка, все еще нереализованный в значительной части и современного мира. Таким образом, политическая теория сплошь и рядом опережает свое время. Разумеется, не каждое пророчество находит воплощение в действительности, но оно может стать основой для формирования новой, более реалистичной теории. Поэтому политическая философия — это не прорицание, не предсказание и не готовая утопическая конструкция, а мысль, указывающая оптимальный, в представлении автора, путь к хорошо организованному обществу, практический идеал, устремленный в будущее.

Философско-теоретическая интерпретация политики есть, по-видимому, высшая форма политического знания, открывающая такие стороны познания, которые зачастую не лежат на поверхности и поэтому оказываются вне сферы внимания или интересов политиков-практиков, да и ученых других политологических специальностей. Иными словами, теория абстрагируется от эмпирического знания, но вечно возвращается к нему, питается им и одновременно воздействует на него (хотя и крайне редко непосредственно). Этот вечный кругооборот спасает политику от двух

угроз, ежеминутно нависающих над ней: от опасности наложения на политическую реальность некоей универсалии, выведенной в иных исторических и социальных обстоятельствах, и опасности мелкоотравчатой рефлексии, не позволяющей вырваться из цепких объятий текущих событий и поверхностных возмущений.

В этой связи встает еще один вопрос: о чем мы собственно говорим — о философии политики или о политической философии? Попробуем разобраться, действительно ли путь рассмотрения политической философии как части философии является тупиковым, как говорит Б. Капустин. На мой взгляд, философия политики (как область философского знания) и политическая философия (как сфера знания политического) не отрицают, а взаимодополняют друг друга.

Когда философ начинает задавать вопросы, он руководствуется не столько позицией скептицизма или критичности, сколько демонстрирует то, что Сократ называл «интеллектуальным эросом», т.е. интерес и устремленность к раскрытию природы, в обсуждаемом случае — мира политического. В этом проявляется приоритетность цели познания окружающих вещей. Он стремится идентифицировать, каким образом политические феномены встраиваются в порядок реальности. Поэтому всегда имеет место неизбежный философский аспект рефлексии политических феноменов, даже если согласиться с Аристотелем, что политика — «практическая» наука, прямо направленная на действие, а не на размышления.

Говорить о философии — значит говорить о познании целого, стремиться к тотальности. Философия политики хочет познать статус и смысл политических явлений, тех

феноменов, которые мы называем политическими. И стремление к познанию политического для философии будет существовать до тех пор, пока наличествует сама философия.

Иное дело политическая философия. Она обращается к политику для того, чтобы убедить его в необходимости самой философии. Политическая философия в этом смысле, как писал Джеймс Шелл, всегда останется в тени Сократа и Христа, не написавших книг, но убитых лучшими государствами своего времени.

В своем знаменитом эссе «Что такое политическая философия?» Лео Штраус ввел ясное различие между политической философией и политической наукой. Аналогичным образом мы должны различать разум и откровение, философию и науку. Следовательно, если мы спрашиваем о месте политической философии в «структуре» реальности, мы исходим из того, что и то, и другое являются политическими явлениями, включая и вопросы о наилучшей форме правления, о человеческом практическом разуме, из которого исходно вытекают все политические феномены.

Предметом политической рефлексии являются человеческие действия, вне зависимости от того, достойны ли они восхваления или осуждения, но они не могут быть осуществлены иначе, как через мышление и выбор. Иными словами, тот факт, что человек по природе своей есть политическое животное, чье полноценное существование невозможно вне полиса, означает, что в отличие от всех прочих существ люди должны действительно действовать, как если бы политические феномены уже существовали. Следовательно, они должны думать, если хотят понимать, на что направлены их действия в существующем порядке ве-

щей. В этом и заключается интеллектуальная ценность моральных добродетелей.

Потенциальная вариабельность человеческого выбора и понимания в каждом благоразумном действии человека означает, что могло бы быть и по-другому. Эта «инаковость», какой бы она ни была, должна быть включена в смысл действия, в то время как само по себе действие не может содержать в себе собственную оценку, указывающую на его место в существующем порядке вещей. В этом заключается главное отличие политических, как и других социальных наук, от других областей познания, чей предмет постоянен и невариабелен. У современных социальных наук нет этого чувства изменяемости. Следовательно, их метод по определению становится редукционистским, т.е. они предполагают, что реальность соответствует тому, чего требуют их методы познания. Классическая политическая наука не предполагала реальности и возможности выразить все богатство мира политического в простых математических формулах, чем увлекаются многие современные политологи.

Аристотель рекомендовал изучать все «движения» — движение звезд, растений, животных. Он также советовал изучать наши собственные «движения». Политическая философия существует в силу наличия определенного «человеческого движения», посредством которого люди взаимодействуют друг с другом с целью достижения общего блага. Политическая философия появляется тогда, когда оказывается необходимым узаконить неполитическое бытие человека перед политиком. Политическая философия существует для того, чтобы объяснить, что существуют вещи, трансцендентные человеку, более высокие, причем от-

нюдь не только политические. В этом смысле, политическая философия указывает на метафизику и откровение, на вопросы, поставленные в политике, но не имеющие ответа в политической жизни. Без такого мышления человек никогда не стал бы тем, чем он является.

Лео Штраус писал в эссе «О классической политической философии», что рискованный статус философии в городе связан с обращением политической добродетели к более высоким вещам, хотя в обычных условиях у политика нет ни времени, ни намерения это делать. Определение «политическая» в применении к философии относится не столько к предмету, сколько к типу отношений. С этой точки зрения «политическая философия» означает главным образом не философское осмысление политики, а политическое, или публичное, общественное рассмотрение философии, или иначе, политическое вступление в философию. Другими словами, это место встречи философии и политики, но на территории политики.

Политическая философия находится между повседневностью политики и чем-то несравненно более высоким. Реальность не будет полной без нее, если под реальностью мы понимаем не только то, что существует в политике, но и его точное понимание. По-видимому, именно эту связь имел в виду Майкл Оакшотт, когда писал, что политическая философия есть «рассмотрение отношений между политикой и вечностью», извечными проблемами бытия человека.

Быть «ценностно-нейтральным», на что претендует политическая наука, означает не до конца понимать то, что исследуется, что должно быть познано. Именно поэтому Л. Штраус думает, что политическая философия, которая

смотрит на реальность, известную нам благодаря практической науке и деятельности, не совместима с современной социальной наукой.

Представитель социальных наук изучает гуманитарные науки, общество людей. Если он хочет быть лояльным по отношению к этой задаче, объясняет в своем эссе «Социальная наука и гуманизм» Л. Штраус, он никогда не должен забывать, что он работает с делами человеческими, с людьми. Он должен рефлексировать по поводу человеческих дел именно как человек, т.е. уделять должное внимание тому факту, что сам он является человеком, и в этом смысле я согласна с профессором Капустиным, это всегда тип самопознания. Однако это не просто рефлексия политической действительности или политической практики. Такая рефлексия означает, что предмет политической философии прошел через тебя и рефлексировал «человека как человека». Это также означает, что подобное исследование признает вещи не человеческие, а находящиеся либо ниже, либо выше человека, т.е. тварей и богов, а не только человека. Место политической философии в структуре реальности находится в той точке, где недочеловеческое, человеческое и трансцендентное встречаются, но встречаются не как враждебные противники, а как части упорядоченного целого. Полис, полагает Лео Штраус, должен выйти за пределы самого себя, или лучше сказать, его содержательное бытие имеет цели, реализуемые через выход за пределы политического. Политическая философия, таким образом, возвращает нас к истинному бытию полиса по отношению к человеку и к его собственной судьбе.

В свете сказанного становится понятной связь политической философии и моральной философии. Назову лишь

два, на мой взгляд, наиболее значимых аспекта. Роберт Нозик, как мне кажется, был прав, когда писал, что моральная философия создает «бэкграунд» и устанавливает границы политической философии. У нас есть моральные обязательства по отношению друг к другу, некоторые из них связаны с нашей ответственностью по отношению к обществу. Политическая философия обращается именно к последним обязанностям, узаконивающим наличие общественных институтов. Разумеется, есть множество подходов, по-разному оценивающих отношения между личными и общественными обязанностями, однако содержание всякой ответственности и различий между частной и общественной ответственностью, на наш взгляд, должны быть определены через обращение к более глубоким моральным принципам.

В то же время любая оценка общественных обязанностей должна быть включена в более широкие моральные рамки, ограничивающие пространство и придающие смысл личной ответственности, тому, что Джон Роулс называет «величайшими ценностями, применимыми к политическим институтам».

Разумеется, перед нами тотчас же встает множество вопросов по поводу отношений между моральной и политической философией, а также о согласии и конфликте, допустимых и терпимых в отношениях между личными и общественными ценностями, ответы на которые отнюдь не очевидны. Но эти проблемы могут быть раскрыты только в конкретных политических теориях, а не разрешены раз и навсегда в нынешней дискуссии.

Теперь о «музейности» и «маргинальности» современной политической философии, о чем сегодня многие гово-

рят и в России, и на Западе. Я бы назвала ее скорее кризисом ожидания. За последнее десятилетие политическая философия изрядно изменила свою содержательную ориентацию. Если четверть века назад наиболее популярной темой политической философии был концептуальный анализ понятий власти, суверенитета, природы права и т.д., то сегодня на первый план, очевидно, выходят идеалы справедливости, свободы, политического сообщества. Интеллектуальный ландшафт в политической философии приобрел иные очертания. Постепенно политические философы отходят от традиции размещения ценностей и подходов линейно, однозначно приписывая ценность справедливости левым, а свободу — правым, со множеством вариантов между ними. Хотя для такого подхода и есть некоторые основания в истории политической мысли Запада, многие мыслители сегодня обращают внимание на то, что разделение на правых и левых обращено преимущественно к государственному управлению и экономике, при фактическом игнорировании проблемы равенства, справедливости и свободы в домашней сфере, где обычно доминируют женщины («личное — это тоже политическое»). Сегодняшняя мысль обратилась и к этой проблеме.

Традиционную картину раньше критиковали также за игнорирование проблемы исторического контекста политической жизни. Поэтому сегодня ставятся вопросы нашего исторического и коммунального «воплощения». Однако по-прежнему предполагается, что каждый из политико-философских подходов опирается на ту или иную универсальную ценность. Можно, например, обратиться к равенству (социализм), свободе (либертаризм), общественному договору (Роулс), общему благу (коммунитаризм), пользе

(утилитаризм) или, наконец, к правам человека (Дворкин). Число универсальных ценностей при этом обнаруживает тенденцию к расширению. Однако умножение потенциально универсальных ценностей поднимает очевидную проблему разработки единственной теории справедливости. Возможный разумный ответ на это может заключаться в отказе от какой-либо «монистической» теории справедливости, так как субординация всех остальных ценностей по отношению к единственной, даже если это справедливость, пахнет фанатизмом.

Но если противоречия между ценностями действительно носят фундаментальный характер? Еще одной традиционной целью политической философии было нахождение связанных и продуманных правил для выбора между конфликтующими политическими ценностями. Но возможно ли определение критерия для установления этих правил каким-то иным образом, нежели нахождение некоей еще более глубокой ценности? Действительно, имел место взрыв интереса к нахождению единой теории справедливости, но эта цель начала восприниматься как недостижимая.

Череда имен и течений, как может показаться, создают слишком пеструю картину современной политико-философской мысли на Западе, однако сегодня нет направлений, заслуживающих *исключительного внимания*. Очевидно, что разные подходы к осмыслению политических проблем не образуют единства. Отсутствие безоговорочных теоретических лидеров, острое неприятие известных школ друг другом, слишком хорошо известны и вряд ли нуждаются в повторении. Не спасает ситуацию и обращение к классическим работам в качестве основного теорети-

ческого ресурса. Вопрос об идейной преемственности как минимум спорен. К тому же преподавание истории политической мысли отнюдь не предполагает автоматически ее развития. Кроме того, наверное, не следует забывать, что классические труды до своего признания в этом качестве, выбивались из основного потока политико-философской мысли. Возможно, мы просто находимся сегодня в ожидании некоего нового поворота политической философии. Это, на мой взгляд, одна из сегодняшних ее «болевых» точек, так сказать, содержательного характера.

Однако кризисность положения политической философии связана отнюдь не только с излишним плюрализмом, скорее напоминающим разброд и шатания. Существуют и другие не менее серьезные «болячки». Многие ученые писали об упадке политической философии после Джона Роулса и Роберта Нозика. И хотя выводы их существенно различаются, тема продолжает по-прежнему занимать важное место в потоке литературы. Многие из авторов соглашались с тем, что политическая философия в последнее десятилетие увлеклась сугубо теоретическими и методологическими вопросами, фактически устранившись от реальных политических споров и дискуссий, проходящих в обществе.

Еще сравнительно недавно политические мыслители, например, Джон Дьюи, Чарльз Мерриам и другие, пытались совмещать научную карьеру с активным участием в политике. Это позволяло им видеть на практике реальные политические проблемы и их последствия. Современные политические мыслители предпочитают шараться в сторону от политики, разрушающей их элегантные теоретические построения. Иными словами, политическая философия

фия начинает приобретать ярко выраженный схоластический характер.

Тому есть несколько причин. Назову лишь две. Одна из них связана с завершением институционализации политической философии, утвердившей ее научную идентичность и тем самым сместившей фокус ее интереса к методам и технологиям исследования за счет реальных кризисов и острых политических проблем.

Другая, по-видимому, предстает как «отоваривание» политической философии (Фредерик Джемесон), т.е. ориентация творца некоего текста не на фактическую ценность своего продукта, а на его рыночную стоимость. А это означает, что политический философ думает сначала о том, как будет продаваться его книга, найдется ли заказчик на его «изделие», достаточно ли количество его публикаций для получения следующей степени или звания (в США, например, критерий качества научных работ, по данным социологов, стоит только на пятом месте), а не о разрешении реальных проблем политической жизни.

«Отоваривание» культуры в условиях позднего капитализма выражается, прежде всего, в том, что искусство перестает служить искусству, наука — познанию. Они уже не являются формой сопротивления существующему порядку, что было весьма типично для культуры и науки эпохи промышленного капитализма. Они служат рынку и обмену. Как следствие, подлинная политическая, социальная и культурная деятельность, в свое время способная оказывать сопротивление капитализму и его логике (а не в этом ли традиционно заключалось призвание интеллигенции?), сегодня уже не может этого делать, поскольку сама оказалась вовлеченной в транснациональную сеть капита-

ла, превратившись в товар для потребления на рынке. Политическую философию и политологию, подобно другим видам культурного производства, рыночная сеть сумела захватить прежде всего в силу потери ими «утопического жеста». Капитализм стал рассматриваться многими политическим философами чуть ли не как высшая стадия развития человеческого общества. Поэтому появление, а главное, шумиха вокруг известной статьи Фрэнсиса Фукуямы о «конце истории», наступившем-де в связи с окончательной и всеобщей победой либеральных ценностей, — диагноз не столько состояния общества, сколько современного гуманитарного знания.

«Отоваривание» политической науки не только лишает ее способности к созданию пространства для аутентичного политического дискурса и критичности, но и уничтожает ее открытый характер и традиционную способность к созданию «больших проектов», имеющих утопическую составляющую, т.е. то, чем политическая мысль занималась как минимум с начала позднего Модерна.

За последнее десятилетие американская политическая мысль фактически отошла от первоначальных демократических импульсов, что делало столь привлекательными работы Роберта Даля, Габриэля Алмонда, Джона Роулса, Роберта Нозика и многих других. Политическое сообщество быстро приобретает черты закрытости, приверженности собственным узким и сугубо эгоистическим целям. Между тем число проблем, нуждающихся в осмыслении на уровне абстракции, более высоком, нежели теории среднего уровня, множится чуть ли не в геометрической прогрессии. Однако с развитием институционализации и профессионализации, похоже, политическая мысль утрачивает интерес

к служению общественному благу, заботясь преимущественно о собственном процветании на профессиональном рынке.

Размышляя о положении в отечественной политической философии, наверное, следовало бы принять во внимание происходящее в американской политической науке, поскольку в современном взаимозависимом мире ее влияние на тенденции в развитии политической мысли других стран нельзя недооценивать. Тем не менее списывать нашу неспособность подготовить собственный фундаментальный политологический проект только на американское влияние было бы совершенно неправильно. Даже с учетом кризисных импульсов со стороны американского политологического сообщества, у нас есть собственные причины для неуспеха.

По сравнению с США полного «отоваривания» политической философии в России все еще не произошло. И не только потому, что в отличие от политических технологий ее крайне трудно «продать» на российском рынке в силу незрелости общественного сознания, недоразвитости самого рынка, а также технической невозможности перевода профессионального текста на язык, доступный потенциальным заказчикам. У нас нет «отоваривания», кроме того, и в силу малочисленности сообщества политических философов и отсутствия установленных правил. Таким образом, источники наших слабостей все же следует искать в чем-то другом.

Политическая философия во всем богатстве ее традиций и школ пока еще нами не освоена. И учимся, надо сказать, мы неважно. Мы так и не поняли, что при подготовке политолога, например, в Институте политических наук

Парижа почти три года отводятся на изучение истории политических учений. И вовсе не потому, что все французы хотят стать мыслителями, а не политическими консультантами. Там читаются курсы, отведенные отдельным мыслителям, студент как бы погружается в творческую лабораторию ученого и философа, учится у него ставить и формулировать проблему, аргументировать свою точку зрения, или, как говорят политические философы, «узаконивать» свой подход. Мы же продолжаем «выбирать тему» исследования, не пытаюсь разрешить проблему, и мучаемся с разделом методологии в автореферате, что неизбежно обрекает многие научные работы на компиляцию и описательность.

Иными словами, мы продолжаем готовить «образованщину», что-то слышавшую о Вебере или Марксе, но знакомую с ними в лучшем случае по отрывкам из хрестоматий. Напомню лишь, что еще великий русский педагог К.Д. Ушинский в прошлом веке предупреждал о бессмысленности изучения литературы «в отрывках». Но это с полным основанием можно сказать и о политической философии и теории.

В сфере политической философии и теории научного сообщества пока что нет. Отдельные теоретики разрознены, почти нет сложившихся школ и методологических направлений. И это на фоне крайне фрагментарных переводов современных классиков политической мысли, появляющихся в неприлично малом количестве на полках книжных магазинов, и при слабом знании иностранных языков!

Между тем опасность такого положения не нуждается в дополнительной аргументации. Напомню лишь слова

М.А. Бакунина, писавшего еще в 1867 г.: «... в политике не может быть честной и полезной практической деятельности без теории и ясно определенной цели. В противном случае, сколь мы не воодушевлены самыми широкими и свободолюбивыми чувствами, мы могли бы прийти к совершенно противоположным практическим результатам: мы могли бы начать с республиканскими, демократическими и социалистическими убеждениями, а кончить как бисмаркианцы или бонапартисты». Такой негативный опыт, на мой взгляд, у России уже был.

К тому же, и это, по-видимому, самое главное, в обществе, переживающем кризис морали, востребованность политической философии неизбежно весьма ограничена, хотя потребность в ней исключительно велика. Именно в отсутствии политической философии и заключается трагизм положения не только самого политологического сообщества, но и общества, почти неспособного к собственной теоретической рефлексии.

В 1953 г. Дэвид Истон, в ту пору молодой профессор университета Чикаго, опубликовал книгу «Политическая система: исследование состояния политической науки» [3]. В этой работе он попытался доказать, что стабильность республики зависит от состояния политической науки в стране. Если политическая наука строится на здоровых основаниях и указывает путь к созданию здорового общества, она служит делу справедливости. В исследовании политического сообщества, полагал Истон, политическая теория, моральная и причинно-следственная, играет определяющую роль; любое крупное теоретическое достижение, по его мнению, в «нормальных условиях будет связано с моральными взглядами теоретика» [3, с.232]. Поэтому

политическая философия — одна из главных наук, созданных человечеством. При этом правильное понимание концентрации ценностей остается сферой морально сознающих окружающий мир политических теоретиков (об этом писал, например, Юрген Хабермас и другие мыслители), т.е. политических философов мало заботит народная оценка. Сходным образом к этой проблеме подходили и другие теоретики XX в. Причем речь идет именно о понимании, а не о деятельности по концентрации ценностей. Еще Макс Вебер полагал, что легитимность власти с точки зрения социальных наук — вопрос принятия ее со стороны населения. Условия или причины этого принятия не играют какой-либо роли для понимания.

Подлинной целью политической философии должно стать превращение в инструмент, с помощью которого, по словам Д. Истона, «образованные и умные индивиды направляют свои мысли в реальном направлении событий и вскрывают полный смысл оценочных моральных соображений» [3, с.234]. Во многих случаях «оценочные моральные соображения» в современной политической теории оказались утраченными, имеет место уход в сторону историзма, и она нередко подменяется историей политических учений. Как следствие, политическая философия за последние десятилетия во многом перестала выполнять свою основную задачу, поскольку позволила людям исповедовать системы ценностей, которые они понимают не полностью, т.е. живут неосмысленной жизнью, против чего в свое время предупреждал еще Сократ. Иными словами, основной задачей политической философии следует считать «моральное разъяснение». Следствием отказа от этого и становится «моральный конформизм», пассивность

по отношению к истории, уверенность, что в конце концов она оправдает любые наши действия. Эта пассивность исключительно опасна в современном мире, когда этические стандарты оказываются размытыми, а всепроницаемость власти — очевидна.

Французский мыслитель Мишель Фуко доказывал последнюю мысль через идею дисциплинарного общества. Такое общество находит свое выражение прежде всего в том, что граждане все больше и больше входят в те роли, которые требуются от них в процессе упорядочивания мира. Однако анализ Фуко не сводится только к утверждению, что люди формируются и ограничиваются структурами общества. По его мнению, это отнюдь не заговор и не стремление власти к манипулированию гражданами, а сама природа и логика всех современных обществ. Нормальный современный индивид, таким образом, мыслит о себе как о естественном продукте и верит в то, что существующие правила позволяют сохранять единство общества. Поэтому современный индивид, по Фуко, — сторонник прав человека, стремящийся познать собственный интерес, имеющий цели и т.д., однако каждый из данных видов деятельности является следствием воздействия дисциплины на общество. Дисциплина не только ограничивает активность индивидов, она одновременно и конструирует. Она воплощает в себе системные ценности. Значит, самость — это дисциплинированная и одновременно дисциплинирующая душа. Но так ли это? Другие авторы, например, уже цитированный нами Истон, полагают, что именно этого и не хватает в современном обществе. По мнению Фуко, общество может стать гражданским только в силу нашего сопротивления ему. Однако другие теоретики скорее скло-

няются к тому, что Конолли называет «плюралистическим агонизмом», т.е. к утверждению, что подлинно человеческое общество не должно быть систематизированным, а призвано допускать противоречия, иррациональность, разнообразие [2]. Иными словами, все более ясной становилась необходимость в подлинно демократической политической теории, обращенной не только к механизмам власти, но и к «узам общества», как из называл Эмерсон.

Возвращение политической философии к исследованию мира политического после нескольких десятилетий господства позитивизма Истон назвал ее «омолаживанием» [2, с.314]. Близкие идеи спустя два десятилетия высказал и Юрген Хабермас. По его мнению, роль философа заключается в том, чтобы быть «стражем рациональности»: «что моральная теория должна делать и что ей следует доверять — это определить универсальное ядро нашей моральной интуиции и тем самым преодолеть ценностный скептицизм» [4, с.211]. Политический философ отнюдь не должен иметь ответы на все вопросы, его обязанность — поддерживать убеждение, что ответы, какими бы они ни были, должны обладать качествами рациональности. С точки зрения Исто́на, на Западе в целом растет разочарование в научном разуме. Весьма вероятно, мы находимся в начале длительного периода упадка веры человека в разум, ибо после взрыва ядерной бомбы в Хиросиме «мы больше уже не можем доверять самим себе». Можем ли мы доверять разуму после событий 11 сентября в Америке, когда пассажирские самолеты были направлены на здания Всемирного торгового центра и Пентагона? Может быть, более прав консервативный мыслитель Майкл Оакшотт, утверждающий, что «разум должен быть подчинен предрас-

судкам»? [3, с.5, 7, 16]. Все эти темы нуждаются в осмыслении, ибо без ответов на поставленные вопросы ни о каком цивилизованном будущем говорить не приходится.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Филиппов А. Теоретическая социология // Теория общества. Фундаментальные проблемы / Под ред. А.Ф. Филиппова. М., 1999.
2. Connolly W. *The Ethos of Pluralization*. Minneapolis, 1995.
3. Easton D. *The Political System* // *An Inquiry in the State of Political Science*. Chicago, 1953.
4. Habermas J. *Moral Consciousness and Communicative Action*. Cambridge, 1991.

Копилка мудрых мыслей

Философия одного века — это здравый смысл следующего.

Г.У. Бичер

Неверно, будто политика есть искусство возможного. Политика — это выбор между гибельным и неприятным.

Д.К. Гэлбрейт

Иные рождаются великими, другие достигают величия, а третьи нанимают специалистов по связям с общественностью.

Д. Бурстин

ПОЛИПАРАДИГМАЛЬНОСТЬ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ

И.В. Юрченко

Теоретико-методологические проблемы социальных и политических исследований связаны с понятием «парадигма», которое широко используется учёными, но отношение к нему неоднозначно. Как известно, Т. Кун, предложивший концепцию научных революций как смены *парадигм*¹, считал, что в социальных науках его употреблять не следует. Есть точка зрения, согласно которой Т. Кун сформулировал само понятие парадигмы для того, чтобы чётко определить кардинальные различия между естественными и социальными науками. Причина, побудившая Куна это сделать, состояла в отсутствии теоретического консенсуса во всех без исключения социальных дисциплинах. Если кому-то «захочется утвердить свою теорию или концептуальную модель в качестве революционного достижения, то он должен знать, что всегда найдутся и другие, кто не пойдёт под её знаменами» [3, с. 120]

Итак, существуют ли в социальных науках примеры парадигмальных *сдвигов*, подобных тем, которые совершили Коперник, Ньютон, Дарвин, и можно ли назвать теории Р. Дарендорфа или т. Парсона парадигмами?

Если исходить из того, что понятие «научная парадигма» в социальном познании применяется для обозначения наиболее общих представлений с характере социальной реальности, некий общий принцип объяснения этой реаль-

¹ Т.е. исходных концептуальных схем, способов постановки проблем и методов исследования, господствующих в науке в определённый исторический период.

ности, на который ориентируются исследователи, то можно констатировать, что социальные и политические науки имеют характерную особенность — являются полипарадигмальными.

Вероятно, Т. Кун именно по причине наличия разных, а порой и противоположных подходов, которые сосуществовали, взаимодополняя друг друга, считал невозможным использование категории «парадигма» как системы общих представлений о социальной реальности.

Как отмечает академик В.А. Ядов, в отечественном обществознании наличествует несколько теоретических направлений: марксизм (экономический детерминизм), позитивизм, феноменологическое направление, субъективная школа и философия православия (акцентирующая внимание на особенности российского менталитета и культуры).

Одним из перспективных направлений является «социология социальных изменений. В центре теоретического анализа — *социальный субъект и социальное культурное пространство (поле)*. Социальный субъект может действовать рационально (теория рационального выбора) и нерационально (под влиянием эмоций, предрассудков), способен и не способен предвидеть последствия своих действий.

Социокультурное поле может быть рассмотрено через определенные аспекты: идеи, идеологии, мифы, утопии, ценности [6, с.17].

Однако некоторые отечественные учёные (Ю.Г. Волков, И.В. Мостовая) считают, что в социальном познании, как и в естественном, происходила *смена общенаучных парадигм* (классической → модернистской → постмодернистской) в соответствии с концепцией Томаса Куна, т.е. основополагающие *методологические установки*

познавательной деятельности *менялись* потому, что полученная совокупность научных данных переставала вписываться в рамки объяснительных возможностей прежней парадигмы.

Так как общество нельзя просто рассматривать как природный объект, поскольку развитие социальной системы отличается *субъективностью*, методика, техника и инструментарий познания зависят от позиции (знаний, предубеждений и заблуждений) познающего субъекта. Исследователь не может полагать, что его представления о рациональности, норме и культуре единственно верные, а посему, не посягая на истину, он может лишь делать точные наблюдения за изменениями социальной реальности и «играть» интерпретациями (объяснениями происходящего).

Сегодня мы не можем дать однозначный ответ на вопрос, *какая объяснительная модель общественного развития верна*: парадигма социологизма или психологизма, конфликта или консенсуса, парадигма «социальных фактов» или бихевиоризм. Продолжается известное противопоставление по линии: глобализация и регионализм. Как отмечают отдельные авторитетные мыслители, глобализация социальных процессов привела к тому, что заканчивается история отдельных государств и начинается всемирная история, где отдельные народы образуют подсистемы более общих региональных и глобальной систем (Ф. Фукуяма, И. Валлерштейн и др.)

Осознание того, что науки о природе и науки о культуре нетождественны по принципиальным методологическим основаниям, привело к распаду в социальных науках позитивисты, с одной стороны, и феноменологи, герменевтики — с другой.

В.А. Ядов выделяет две стратегические тенденции преодоления современного кризиса познания. Первую он обозначил как «методологическое отступление» — переход от жёстких подходов традиционной науки к гибким качественным методам (полипарадигмальность). Вторая тенденция называется автором «теоретическое наступление» — создание новой глобальной теории (метатеории) общества как целостной системы мирового социума.

Однако теоретико-методологическая разноголосица характерна не только для нынешнего этапа, но и для предыдущих.

Методологический плюрализм предполагает становление нового стиля системного изучения социально-политической реальности. Как известно, монопарадигмальность была характерна для советской социально-политической науки (исторический материализм).

Нельзя не согласиться с Р. Дж. Далтоном, который считает, что за последние 10 лет «социальные науки достигли больших успехов в сборе эмпирических доказательств тезиса, например, о соответствии политики и культуры, и в сборе данных о политических убеждениях граждан в странах нарождающейся демократии. Однако успехи эмпирических исследований не сопровождаются соответствующими теоретическими инновациями... и политологам следует сделать нечто большее, нежели сбор новых данных по старым проблемам» [7, с.334].

Политические и культурные процессы образуют новые смысловые цепочки. Структуру ее звеньев необходимо рассматривать не только привычными, хорошо известными методами, но и с помощью новых подходов.

В последнее время уделяется внимание новым направлениям исследований: политической лингвистике, политической герменевтике, политической морфологии. Х.Р. Алкер в своём учебнике «Политическая наука» (1975) предлагает новые направления феноменологических и интерпретационных основ политической методологии, пишет о психометрии и эконометрии.

Творческие методологические подходы позволяют продвигаться вперёд в таких областях, как политическая психология и социология, вычислительная лингвистика, когнитивистика и *политический дискурсивный анализ*, лингвистические исследования, лингвистический анализ [7, с.772].

Серьезного внимания заслуживает вопрос о соотношении стабильности и социальных перемен, о политическом традиционализме и модернизации. Эта проблема может изучаться на основе различных концептуальных подходов, в том числе — институционального.

Если человеческое существование помещено в контекст порядка и управления, тогда возникает вопрос: откуда берётся существующая в реальности стабильность социального порядка? Можно сказать, что «свойственная биологической природе человеческого существования открытость миру всегда трансформируется социальным порядком в относительную закрытость миру. Несмотря на то, что эта закрытость никогда не может приблизиться к закрытости животного существования хотя бы только потому, что она создана человеком и имеет «искусственный» характер, тем не менее в большинстве случаев она в состоянии обеспечить управление и стабильность большей части человеческого поведения» [2, с.87—88].

Процесс институционализации — это и есть конструирование социальной реальности. Социальный порядок — это человеческий продукт, точнее, непрерывное человеческое производство. Социальный порядок существует как продукт человеческой деятельности. Человек стремится обеспечить стабильность окружения для своего поведения. Необходимость в социальном порядке возникает из биологической и социальной природы человека.

Всякая человеческая деятельность подвергается хабиитуализации (т.е. опривычиванию). Любое действие, которое часто повторяется, становится образцом. Наиболее важная часть хабиитуализации человеческой деятельности сопряжена с процессом институционализации. «Институционализация имеет место везде, где осуществляется взаимная типизация опривыченных действий... Иначе говоря, любая такая типизация есть институт» [2, с.92].

Институционализация предполагает, что действия определённого типа должны совершаться деятелем соответствующего типа. Например, политический законодательный институт устанавливает правило, согласно которому законы должны приниматься особым способом, в особых обстоятельствах и делать это должны определённого типа люди (кто избран депутатами парламента).

Важнейшее свойство институционализации — историчность, так как взаимные типизации действий не могут быть созданы моментально, они создаются в ходе общей истории. Институты всегда имеют историю, продуктом которой они являются. Кроме того, институты уже благодаря самому факту их существования контролируют человеческое поведение.

Институциональный мир воспринимается в качестве объективной реальности. Социальные институты предстают перед индивидом как неоспоримые социальные факты. В этом отношении институты оказываются для индивида внешними, имеющими принудительный характер, сохраняющими свою реальность независимо от того, нравится ли она ему или нет.

Итак, парадоксальность процесса институционализации заключается в том, что объективность институционального мира — это сконструированная человеком (т.е. субъектом) объективность. Парадокс состоит в том, что человек создаёт мир, который затем воспринимается как нечто совсем иное, чем человеческий продукт. Объективированный социальный мир переводится в сознание в ходе социализации.

Необходимо выделить взаимосвязь трёх диалектических моментов политической реальности, каждый из них соответствует существенной характеристике политического мира. Общество — человеческий продукт. Общество — объективная реальность. Человек — социальный продукт. Анализ политической жизни, являющейся частью социального мира, который исключает хотя бы один из этих трёх моментов, будет неполным и искажённым.

Чем более поведение институционализировано, тем более предсказуемым, а значит, и контролируемым оно становится.

В последнее время возобновились дискуссии о модернизации и транзитологии.

Так, Б.Г. Капустин на основе анализа исключительно западной постсоветологии попытался показать, что «транзитологическая» парадигма, как и теория модернизации,

«выявили своё интеллектуальное банкротство и политическую иррелевантность». «Транзитологическая» парадигма трактуется им как рассмотрение общества в качестве переходного, как «не пропущенная через критическое вопрошание о том, *какого рода* переход имеет место, идёт ли движение к хаосу, архаике, неким желанным (для кого-то) «образцам», либо к чему-то не имеющему аналогов в истории. Или же, если речь идёт о самовоспроизводящемся обществе, *какое и системное ли* состояние воспроизводится?» [5, с.6—7].

Многие политики и теоретики отмечают, что в России выхолащивается содержание выборов: дискредитируется и ликвидируется политическая конкуренция, осуществляется сговор элит, отсутствует реальная оппозиция. Происходит концентрация власти. Это приводит к политической апатии и массовому абсентеизму, недоверию к институту выборов, что влечет за собой использование других средств политической борьбы (например, подкуп избирателей в Якутии — всем, кто пришел на избирательные участки, выдавали социальный талон помощи с обещанием простить долги по коммунальным платежам).

Ещё Гегель обращал внимание на интересную закономерность, проявляющуюся в общественном развитии: люди стремятся к благим целям, пытаются выбирать оптимальные средства, но история как бы «смеется» над людьми и, как правило, общество приходит не к тому состоянию, которое моделировалось в социальном проекте, а к совершенно иному, прямо противоположному. И тогда наступает разочарование, политическая апатия, массовый абсентеизм.

Значительное внимание анализу парадоксов уделяли Б. Рассел, Г. Фреге и А. Уайтхед. Считая, что парадоксы коренятся в логике языка, они пришли к выводу, что «общая причина парадоксов — порочный круг, в который увлекают неправильно образованные всеобщности» [4, с.227, 448].

Порой в одни и те же понятия люди вкладывают совершенно разные смыслы. Понимание демократии, свободы и равенства либералами и социалистами по существу противоположное, несовместимое, взаимоисключающее. Как показывает историческая практика в нашей стране, и те и другие стремятся к буквальному осуществлению этих лозунгов, но результат оказывается и для либералов, и для социалистов далёким от идеала.

Кризис среды обитания человека, истощение невозобновляемых природных ресурсов, духовная деградация людей выдвигают на повестку дня новые *парадигмы общественного и частного экономического поведения*, освоить которые помимо государства, без опоры на его всеобщий интерес и всеобщую волю невозможно.

Сейчас модернизация не может и не должна сводиться к либерализации (как это было раньше). По мнению отдельных специалистов по государственному управлению, сегодня необходимы «новые парадигмы мышления и поведения».

«Несмотря на длительную историю государственности, человечество только *подступает* к познанию и практическому построению демократического, рационального и эффективного государственного управления. Ибо впервые оно подходит к такому состоянию, когда повсеместно *решаемые проблемы* (и обеспечивающие их процессы)

вышли за локальные (национальные или территориальные) границы и *приобрели глобальный масштаб*. А глобальные решения могут быть только *государственными и межгосударственными...*» [1, с.51, 372].

Наиболее важной проблемой любого политологического исследования является выяснение специфики политического. Возможно, это главный методологический аспект, которому было посвящено немало интересных работ. В данном случае хотелось бы высказать предположение, что *политическое есть социальное, проявляющееся в связи с отношениями зависимости*, а поэтому политическое имманентно (внутренне присуще) обществу.

Сложилось мнение, что модернизация (и экономическая, и политическая) есть некое освобождение от диктата, т.е. тенденция к независимости. Наблюдения говорят об обратном: зависимость в процессе модернизации не ослабевает, она приобретает иные очертания, порой даже более изощрённые. Данные выводы, правда, вытекают из анализа российской политической модернизации, однако это не является определённой цивилизационной спецификой, характерной только для России. Например, М. Вебер использовал образ «железной клетки», а М. Фуко — «надзирателя и надзираемых» для характеристики современного им общества.

Итак, можно предположить, что в условиях *политической модернизации* образуется некая «цепь зависимостей», проявляющаяся, например, и в способах манипуляции массовым сознанием, и в политическом отчуждении, несмотря на всеобщие выборы, свободу слова, многопартийность и т.п.

Цели политической науки как самостоятельной дисциплины определяются интересом к политике во всём много-

образии её проявлений. Есть много подходов к определению понятия «политика», одно из которых приводится в книге «Политическая наука: новые направления»: «Наиболее точно политику можно охарактеризовать как *ограниченное применение социальной власти*». В соответствии с этим, изучение политики обозначается как *изучение природы и источников этих ограничений и техники применения социальной власти в рамках данных ограничений*.

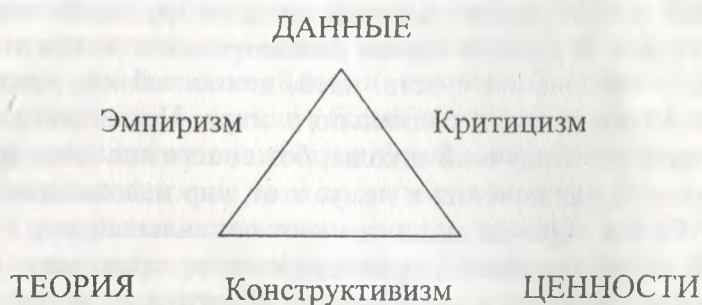
Определение политики через понятие *ограничений* подчёркивает, что неограниченная власть является не более чем обычной грубой силой и не имеет никакого отношения к политической власти [7, с.33—34].

Сущность политики состоит именно в ограничениях, налагаемых на политических деятелей, и в тех стратегических манёврах, которые предпринимаются для того, чтобы не выходить за очерченные ими пределы. Именно анализ этих ограничений — откуда они возникают, как действуют, какие шаги могут предпринимать политические агенты, не выходя за их рамки, — и лежит в основе изучения политики.

Необходимо в этой связи упомянуть о русской «субъективной школе», сложившейся во второй половине XIX в., общепризнанным лидером которой был Н.К. Михайловский. Он попытался сформулировать своё понимание познавательного процесса в области социальных наук, исходя из того, что строгое, методологически выдержанное научное знание даёт нам истины условные, относительные. Это объясняется природой человеческих когнитивных способностей и исторически ограниченными условиями существования человека.

Субъективный метод не просто вскрывает причины и необходимость исследуемого процесса, но и оценивает его с точки зрения желательности, полезности, справедливости, идеала. В данном случае рассматривался метод понимания и объяснения чувств, идей, ценностей как важнейшей составной части социального мира. По мнению сторонников этой научной школы, без сопереживания, субъективного подключения к нему, этот мир невозможно понять. Таким образом люди познают социальный мир с позиций своей групповой принадлежности, оценивают мир только через эту принадлежность, с учётом её интересов. Данный подход принципиально отличается от методологии М. Вебера, который считал, что исследователь должен быть максимально объективным, нейтральным по отношению к предмету исследования и использовать метод «отношения к ценности», но не оценки изучаемых процессов. Необходимо учитывать, что существует два аспекта формулирования закономерностей, оказывающих влияние на логику объяснения природы социальных и политических явлений. — онтологический и деонтологический.

Возвращаясь к тенденциям развития социального познания, определенным В.А. Ядовым, можно сказать, что полипарадигмальность обусловлена разными способами восприятия действительности и построения научной картины мира, соответствующей той или иной объяснительной модели. А относительно второй тенденции (создание так называемой метатеории) интересной представляется интегральная концепция социальных наук Гальтунга:

Автор предлагает несколько стадий последовательного осмысления связи между эмпирическими данными и соответствующими ценностями. Это позволяет понять, почему эмпирический мир таков, каким он является, и предвидеть его возможное развитие. При этом создается модель, образ предпочтительного будущего и определяется потенциальная возможность его достижения через выработку и анализ предложений по проведению изменений. Таким образом, речь идет о «творении реальности» или «исправлении реальности». В этом случае наука и политика объединяются в своем стремлении к достижению более высокой степени соответствия между наблюдаемым, предвидимым и предпочтительным [7, с.776].

Таким образом, рассмотренные теоретические подходы подтверждают специфику социального и политического познания как полипарадигмального, развивающегося на основе различных, взаимодополняющих друг друга, концептуальных моделей.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления. М., 1997.
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995.
3. Доган М. Политическая наука и другие социальные науки // Политическая наука: новые направления. М., 1999.
4. История философии: Запад—Россия—Восток. Кн.3. Философия XIX—XX вв. М., 1999.
5. Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. №4.
6. Политическая наука в России. М., 2000.
7. Политическая наука: новые направления. М., 1999.

Копилка мудрых мыслей

Философия имеет дело с проблемами двух видов: решаемыми, которые все тривиальны, и нетривиальными, которые все нерешаемы.

С. Канфер

На высокую башню можно подняться по винтовой лестнице.

Ф. Бэкон

Вечная трагедия науки: уродливые факты убивают красивые гипотезы.

Т. Гексли

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

А.В. Баранов

Данная тема актуальна в нескольких аспектах. Во-первых, человечество на рубеже XX—XXI вв. переживает качественные глобальные трансформации настолько глубинного свойства, что многие исследователи вводят для определения текущего периода понятия «постсовременность», «постмодерн», «постцивилизация» [12; 18]. Сдвиги подобной степени системности можно адекватно осмыслить, только перейдя от эмпирических описаний и случайных догадок к макрополитическому анализу. Одной из предельно общих категорий такого анализа может быть «цивилизация», что подтвердили в своих работах И. Валлерстайн, С. Хантингтон, А.И. Неклесса, Б.С. Ерасов, А.С. Ахиезер и многие другие исследователи современного мира как глобальной системы [3; 13; 18; 8; 1; 28].

Во-вторых, цивилизационный подход часто упоминается как дань прикладных аналитиков и публицистов вынужденной наукообразности изложения. Еще чаще подход декларируется в диссертациях и монографиях. Увы, редко можно найти работы, в которых глубокое знание цивилизационных теорий сочетается с их корректным и практически полезным применением в политических исследованиях. Видимо, сказывается стереотип советского обществоведения — «узкотемье», при котором теоретические обобщения лишь комментируют априорно заданные выводы. К тому же междисциплинарность воспринимается многими политологами на постсоветском пространстве как но-

вомодное поветрие, а не потребность в адекватном осмыслении реальности. Цивилизация, как и другие макросоциологические термины, может быть адекватно определена только междисциплинарно, системно. Политологу, экономисту, психологу и иже с ними не следует бояться обвинений в историзме цивилизационного анализа. Ведь любое общественное, в том числе и политическое явление развивается во времени и пространстве. Собственно, современность можно истолковать в данном контексте как текущую историю, а диахронный ряд событий и процессов — как проявление диалектического развития человечества.

В-третьих, тема неявно предполагает ценностный выбор докладчика, неизбежный в связи с множественностью концепций цивилизаций. Плюрализм концепций ведет к вероятностности выводов. Например, бесспорный факт глобального лидерства США и (шире) стран постиндустриального Севера планеты в современном мире может интерпретироваться в несовместимых между собой идеологических и этических системах ценностей. У многих исследователей (Ф. Фукуяма, Е.Т. Гайдар, А.С. Ахиезер и др.) возникла эйфория «глобализма», породившая оптимистические представления о всемирной победе либеральной цивилизации, о грядущей «смене цивилизационной идентичности» незападных стран [32, с.290—310; 5; 2, с.51—64]. На наш взгляд, современное состояние мира не дает доказательств подобных радужных надежд. Напротив, только признание «многосоставности» человечества, вбирающего в себя самобытные «миры» — цивилизации со своей собственной логикой и направленностью развития может дать реалистичную оценку и прогноз глобальной

политики. Попытки действовать, опираясь на экономические, военные и информационные превосходящие ресурсы, ничего не дадут при игнорировании цивилизационных факторов («почвы») политики.

Цель доклада — обосновать предметное поле и основные процедуры применения цивилизационного подхода в политических исследованиях. Следовательно, нужно решить ряд взаимосвязанных задач:

- дать авторскую трактовку сущности, признаков и классификации термина «цивилизация»;

- раскрыть специфику политического «измерения» цивилизации применительно к современному обществу;

- оценить научные традиции применения цивилизационного подхода в отдельных субдисциплинах политического профиля.

Исходный смысл понятия «цивилизация», впервые употребленного в научном контексте в политических трудах середины XVIII в., откровенно этноцентричен. Цивилизация воспринималась В.Р. Мирабо, П.А. Гольбахом, Ж.А. Кондорсе как итог Просвещения — как общество, ставшее высококультурным и нравственным. Такой стадийный уровень присущ-де только западному обществу, идущему по пути прогресса и определяющему «столбовую дорогу» человечества. Остальные ареалы — Россия, Азия, Африка, Латинская Америка — высокомерно именовались «неисторическими народами», способными лишь заимствовать с запозданием «передовые» достижения Запада [27, с.8—25; 32, с.38—48, 57—99]. Только эпоха романтизма влечет за собой осторожное признание множественности цивилизаций в трудах Ф. Гизо, Г. Бокля.

Со второй половины XIX в. формируются две отчетливо выраженные парадигмы исследования цивилизаций. Одна из них, совершенствуя доводы европоцентризма, выразилась в теориях «стадий роста» единой мировой цивилизации (О. Конт, Г. Спенсер, У. Ростоу, О. Тоффлер, Ш. Эйзенштадт) [32, с.116—130; 26; 45; 30; 38]. Своеобразие «незападных миров» объяснялось в категориях «отсталости», «эшелонов/волн модернизации» и т.п. Другая парадигма проявилась в теориях самобытных локальных цивилизаций (И.Г. Гердер, Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон) [32, с.49—56, 158—186, 220—231; 7; 43]. Согласно ним, человечество — это сложная макросистема («мир миров»), обособленными самобытными элементами которой являются локальные цивилизации. Каждая из последних — самоорганизованная общность, исторически выработавшая неповторимую совокупность ценностей и традиций. Этим вызван особый путь развития цивилизаций, циклический по своей траектории. Контакты «миров» считаются в данной парадигме преимущественно пагубными, так как они порождают взаимное обеднение (энтропию), а значит, упадок всех участников контакта, либо поглощение соперниц наиболее сильной цивилизацией.

Скептическое отношение практикующих политиков и экспертов к цивилизационному анализу современности во многом вызвано противоречивостью словоупотреблений термина за 250 лет его научного бытования. Сейчас наиболее употребительны две трактовки цивилизации. Первая, применяемая чаще всего в культурологии, объясняет термин как особую систему материальных и духовных ценностей общества либо социальной группы; как уровень/этап

развития культуры, более высокий в сравнении с догосударственным «варварством» [27, с.27—33, 19—25]. Вторая трактовка свободна от эволюционизма и редукционизма, она основана на социокультурном системном анализе [7; 27, с.36—78, 29]. Согласно этой трактовке, цивилизация — это макросоциальная общность людей, объединенных мировоззрением («духовным ядром»). Данная социокультурная система имеет неповторимое сочетание качественных проявлений «духовного ядра»: знаний, ценностей, ориентаций и способов деятельности людей по экзистенциальным для данного общества вопросам (о смысле жизни, об устройстве природы и общества, о важнейших категориях бытия и сознания, о добре и зле и т.д.). Своеобразное «духовное ядро» составляет важнейший структурообразующий фактор. От него зависят способ взаимодействия данного общества с природой, экономическая, социальная, политическая, правовая, духовно-культурная подсистемы социума. Тип жизнедеятельности, присущий отдельной цивилизации, отличает ее от других. Разумеется, самобытность (идентичность) цивилизации — явление историческое, подверженное порой весьма стремительным изменениям. Но «духовное ядро» остается устойчивым, за исключением крайних ситуаций системного кризиса. Ядро сообщает определенную преемственность, устойчивость различным подсистемам общества, в том числе и политической.

«Духовное ядро» цивилизации включает в себя, согласно Э. Шилзу, следующие компоненты: общую «картину мира»; смысловую трактовку жизни и смерти, добра и зла, успеха и неуспеха; религиозные ценности; осмысление власти и права; понимание соотношения «индивид — группа — общество — человечество». На основе данной

«центральной», осевой совокупности ценностей исторически складываются и передаются от поколения к поколению социокультурные традиции. Они проявляются повседневно в форме менталитета — установок и стереотипов социальной деятельности [27, с.162—165, 171—175]. «Ядро» цивилизации взаимосвязано с «периферийными» подсистемами ценностей, которые обеспечивают возникновение и адаптацию новшеств в пределах «поля притяжения» традиции. Конечно, «ядро» цивилизации исторически изменчиво, в каждом конкретном случае оно имеет своеобразное содержание и разную степень однородности.

Распространена типология цивилизаций в зависимости от содержания смыслового «ядра». Так, доиндустриальные общества осмысливаются как «ценностные», в них духовная компонента «ядра» господствовала над экономической, политической и социальной. Капитализм может быть истолкован как «экономическая» цивилизация, а нынешние высокоразвитые общества — как информационные.

Часто цивилизации имеют «многосоставное» или даже расколотое «ядро» базовых ценностей, что детально интерпретировано на российском материале А.С. Ахиезером [2, с.51—64; 1, Т.1., с.141—142].

«Духовное ядро» цивилизации выполняет такие функции, как воспроизводство самобытной (идентичной) традиции; интеграция и структурирование общества; адаптация новшеств к преобладающей системе ценностей. Значение политической компоненты «ядра» — в том, что именно она обеспечивает принятие стратегических решений и управляет их реализацией во всех областях (подсистемах) общества.

Поверхностное убеждение мыслителей века Просвещения во всемирном единстве политических принципов цивилизации давно уже не рассматривается всерьез. С. Хантингтон резонно отмечает: «Выживание Запада зависит от способности американцев утвердить свою западную идентичность и способности Запада принять свою цивилизацию как уникальную, а не универсальную...» [27, с.509—514]. Предотвращение мировой войны требует, по его мнению, поддерживать «многоцивилизационный характер мировой политики». Попытки насадить «цивилизационный универсализм» на почве глобализаций разрушают механизмы саморегуляции обществ, выработанные в течение многих веков [27, с.509—517]. Другой, более актуальный вопрос: сводится ли наблюдаемая «палитра» политических признаков бытия к антитезе «Восток — Запад» (застой — динамика, сакральность — светскость, коллективизм — индивидуализм, бесправие — юридизм и т.д.)? Или существует дифференцированное множество социокультурных макросистем, показатели политических ценностей которых не сводимы к бинарным оппозициям «Восток — Запад»? Ответ может дать только создание специальных теорий локальных цивилизаций как на уровне объяснения их уникальных исторических структур, так и на уровне сравнительного анализа их развития и взаимодействий.

Абстрагируясь от весомых конкретно-исторических различий в развитии стран Европы и Америки, можно определить политические константы западной цивилизации. Это — индивидуализм и антропоцентризм, верховенство закона во всех сферах жизни, демократия, дуализм общества и государства, плюрализм. «Генотип» данного образа жизни зародился в античной Греции, а к XX в. политиче-

ский строй Запада приобрел зрелые и концептуально оформленные черты. Важное условие его успеха на протяжении многих веков — экспансионизм, стремление Запада к мировому господству. Будучи многие века христианскими (деление на католический и протестанский мир все же субцивилизационно по значимости), современные общества Запада все более становятся религиозно эклектичными, что весомо влияет на смысл и формы политической деятельности. А.И. Неклесса прав, определяя современный Запад как постхристианскую, неоязыческую цивилизацию, «четвертый Рим» [18, с.42].

Совокупный Восток качественно более мозаичен, чем Запад. Предельно общие черты восточных цивилизаций — корпоративизм и социоцентризм, этико-религиозный детерминизм поведения, нерасчлененность общества и государства, самодостаточность (в контрасте с агрессивным колониализмом Запада). Самобытный тип развития — преимущественно циклический, а не прогрессирующий. Но данный «генотип» испытал многократные деформирующие воздействия в эпоху Нового и Новейшего времени. В итоге появились модели «догоняющего» зависимого развития, «колониальной демократии», «принуждения к прогрессу» и т.д. Одни группы стран смогли успешно синтезировать самобытные и западные политические ценности (Япония, Южная Корея, Индия), что зависело более всего от сходства религиозных и этнических систем. Другие сообщества, и их большинство, не смогли создать органический симбиоз традиций и переживают затяжной кризис идентичности (Тропическая Африка, исламский мир и т.д.). Теоретически эти процессы объяснены в концепциях модернизации незападных обществ

(С. Эйзенштадт, А. Лейпхарт и др.), а также в мир-системном анализе (И. Валлерстайн) [39; 14; 3; 42].

Политический «генотип» российской цивилизации многократно исследовался как в философской, так и в исторической, государствоведческой, психологической научных парадигмах [41, vol.II, p.4; 44, p.203]. Сформировались две структурообразующие, наиболее системные концепции проблемы.

Одна из них истолковывает политическое пространство России как «исторический конгломерат народов, относящихся к разным типам развития, объединенных мощным, централизованным государством с великорусским ядром». Россия воспринимается как несамостоятельное пространство, как периферия Запада и Востока — «дрейфующее общество». А.С. Ахиезер расценивает историческую динамику России как «глобальный инверсионный цикл», т.е. попросту шараханье из крайности в крайность — от восточной соборности к западному индивидуализму. Медиация (гармоничный синтез полярных ценностей) очень редка и представляет краткий эпизод в инверсионном цикле, причем страна не может ни вернуться к традиционному типу общества, ни совершить прорыв к либеральной (западной) цивилизации — к глобальному будущему [1; 2].

Противоположная парадигма может быть названа россиецентричной. Она основана на принципах преемственности исторического пути страны, выявления внутренних факторов идентичности, осмысления России как геополитической закономерности евразийского пространства [36; 8, с.65—74]. Идентичность России трактуется либо этноцентрично (на основе восточнославянской системы ценно-

стей), либо синтезно (на основе имперского симбиоза традиций). На наш взгляд, последняя из названных трактовок ближе к истине. Но следует также подчеркнуть преобладающую роль славянского «ядра» в феномене российского общества.

Политическая «матрица» российского общества включает в себя систему идей и ценностей, выросших на почве православного мировоззрения: соборность, гармоническое единство духовной и светской власти (симфонию), морализм права, «добротолубие». В конкретно-исторических исследованиях убедительно доказано, что данный ценностный выбор не был произвольной случайностью, а диктовался естественно-экологическими условиями бытия в континентальной Евразии [24; 22]. Становится понятной положительная сочетаемость православного, исламского и буддистского мировоззрений в Российской империи. Ведь конфликты между ними были преходящими и локальными, а большей частью объяснялись геополитическим давлением внешних цивилизаций. В то же время проявлялся устойчивый сущностный конфликт между менталитетами русских и поляков на почве ценностных противоречий православия и католичества. Как видим, близкое этническое родство играло сугубо подчиненную роль в сравнении с цивилизационным фактором.

Таким образом, генетически политическая «матрица» России ближе традиционалистскому восточному архетипу. В основе строения политической структуры лежит у нас не самоорганизованное гражданское общество, как на Западе, а «государство правды», контролирующее основные потоки власти и собственности. Именно такая организация политики обеспечивала самостоятельность России в ряду го-

сударств Евразии, создавала условия выживания и интеграции общества [16, с.33, 54, 69—70; 38, с.45, 51—57]. Территориальное расширение Российского государства нельзя адекватно объяснить в рамках концепции колониализма, применимой к западным политиям. Для России присоединение Сибири, Поволжья, Кавказа и других территорий было установлением естественного контроля над своей цивилизационной нишей — континентальным северо-востоком Евразии. Расширение стратегически диктовалось целью защиты от опустошительных набегов кочевников, противостояния агрессивному натиску Османской империи и т.д. Между Россией и традиционным Востоком сложилась определенная комплиментарность. Именно этим объясняется успешность российских завоеваний на Востоке. И напротив, как только властвующая элита забывала о цивилизационных императивах политики и пыталась закрепить за страной «инородные тела» — части западной цивилизации (Польшу, Финляндию, Прибалтику). Россию ждал медленный, но неотвратимый откат на континентальное пространство.

Современная политическая динамика цивилизаций системно интерпретируется с помощью типологии общественного развития. Можно выделить следующие дихотомичные типы: циклическое либо прогрессирующее/регрессирующее развитие; реформы либо революции; модернизация либо архаизация. Вопреки широко распространенным заблуждениям, тип развития современных обществ внутренне неоднороден, что побуждает наиболее прозорливых исследователей говорить об «эклектическом мире» (В.Л. Цымбурский), о «глобальной смуте» (А.И. Неклесса), о «множественных современностях»

(Б.Г. Капустин) [34, с.186; 18. с.37; 12, с.6—26]. Поэтому обострилась проблема познавательной ценности привычных категорий и терминов, характеризующих смысл и траекторию общественного развития. Закономерно, что дискуссия сосредоточилась вокруг концепций модернизации, впервые выдвинутых в работах 1950—1960-х гг. (Р. Арон, У. Ростоу, Ш. Эйзенштадт, С. Блэк) [27, с.207—213, 237—240].

В узком первоначальном смысле термин «модернизация» означал прогрессирующее развитие западной цивилизации, распространяющей своей «эталонный» путь роста на остальной мир. В более широком и идеологически нейтральном смысле модернизация понималась как длительный переход от традиционного общества к современному, от аграрного состояния — к индустриальному.

Данный процесс комплексен, охватывает все сферы и проявления общественной жизни. В частности, в политической сфере утверждается правовое государство на основе гражданского общества, верховенства законов, равенства возможностей всех индивидов. Но эти инновации могут идти и укореняться только на почве экономических перемен: универсализации рынка и товарно-денежных отношений, роста производительности труда, научно-технического прогресса, индустриализации. Социальное измерение модернизации включает в себя переход от сословной к классовой модели стратификации, рост мобильности, повышение уровня жизни, внедрение социального обеспечения для масс. Духовно-культурное измерение перемен — утверждение индивидуализма, секуляризация, всеобщая образованность, научное мировоззрение. Начав-

шись на северо-западе Европы в XV—XVI вв., модернизация приобрела глобальный размах, но все еще далека от завершения на периферии мирового капитализма. Для стран Запада с рубежа 1980—1990-х гг. можно говорить о постмодернизации.

Исходные принципы теорий модернизации страдали упрощенной, одномерной трактовкой прогресса и вестернизаторством. Поэтому еще в конце 1960-х гг. потребовался глубинный пересмотр всей парадигмы. Ш. Эйзенштадт был вынужден признать, что разрушение традиционной социетальной системы само по себе не ведет к жизнеспособности новой. Напротив, часто разрыв многовековых отношений и структур вызывает дезинтеграцию и хаос. Новая, западная по корням система ценностей насаждается в своих внешних проявлениях, но вступает в конфликт с «цивилизационным ядром» данного общества и поэтому может отторгаться [42, с.99, 58—59]. Ф. Риггс обратил внимание на «переходное общество», которое способно долго сохранять самобытные механизмы регуляции в ходе перемен извне. Опыт России и многих стран Востока доказывает, что подобное переходное состояние может длиться веками [15, с.173; 46, р.23]. Этот вывод коррелирует с обоснованной в российском обществоведении теорией многоукладности.

Начав с признания многообразия вариантов модернизации в странах различного уровня развития (трех «эшелонов» модернизации), авторы данной теории были вынуждены пересмотреть отношение к локальным системам ценностей. Ш. Эйзенштадт, Р. Арон, О. Тоффлер, Г. Мюрдаль, А. Турэн признали эффективность и инновационные способности реформируемых незападных обществ, которые

могут стать основой жизнеспособного синтеза национальных и общемировых ценностей [9, с.126—133]. Ф. Бродель считает, что по-детски наивно думать, будто модернизация устранил «плюрализм исторических культур». Напротив, она усилит их и уменьшит силы Запада [27, с.480—484]. Отсюда — концепция «модернизации в обход modernity», т.е. на самобытной незападной основе, созданная в середине 1980-х гг. Ш. Эйзенштадтом, С. Хантингтоном и др. Непоследовательность этого истолкования вопроса — в недооценке западными исследователями потенциала самобытных моделей развития, что проявилось в термине «контрмодернизация» (по-советски, по-ирански, по-китайски и т.д.). Все же обновленные трактовки модернизации к началу 1990-х гг. признали цивилизационную самобытность основой пути преобразований, подчеркнули роль социокультурных факторов обновления, учли длительность и дискретный цикл модернизации в незападных обществах.

Качественные сдвиги во всей системе обществ Запада, совпавшие во времени с крахом социалистической альтернативы в СССР и Восточной Европе, вызвали рецидив представлений об исключительности и эталонности вестернизации. В течение 1990-х гг. укоренились концепции, противоречивые в деталях и ценностных ориентациях, но сходные в понимании сущности глобализации [11, с.131—139; 31; 35; 6]. Последняя определяется как процесс интеграции человечества во всех сферах жизни на основе информационных технологий, транснациональных финансовых и экономических институтов, синкретизма социокультурных новшеств.

В политическом измерении глобализация означает преобладание наднациональных форм власти, организованных в рамках западных (точнее — североамериканских) ценностей. Современные технологии коммуникации делают избыточными формы демократии и гражданского общества, выработанные в эпоху Модерна. А.И. Неклесса и ряд других аналитиков с тревогой цитируют циничные предсказания З. Бжезинского о замещении публичной демократии на «все более контролируемое и направляемое общество, в котором будет господствовать элита... Освобожденная от сдерживающего влияния традиционных либеральных ценностей, эта элита не будет колебаться при достижении своих политических целей, применяя новейшие достижения современных технологий для воздействия на поведение общества и удержания его под строгим надзором и контролем» [40, р.252]. Во внешней политике глобализация проявляется в установлении глобального военно-стратегического и дипломатического господства Запада, в настойчивой геостратегической экспансии НАТО в глубь Евразии. Очень важно отличать объективные процессы общественного развития, одной из макротенденций которых действительно является глобализация (наряду и вопреки защите самобытности крупнейших государств мира), от идеологического и пиаровского обеспечения экспансии Запада [37, с.160—164; 21, с.31—42; 10]. Характерно, что агрессивная риторика в пользу отмирания национальных государств под предлогом гуманитарной интервенции и прав человека идет вразрез с усилением государства в США, особенно его репрессивных и военных функций. Поэтому вызов глобализма должен быть осмыс-

лен в категориях междивизиационного диалога, а не фатального триумфа некоего идеала общественного строя.

Многие исследователи (С. Хантингтон, В.Л. Иноземцев, А. Ниязи и др.) считают глобальную победу Запада в соперничестве цивилизаций мнимой, оценивают XXI в. как время грядущего заката Америки. Все чаще звучат аргументированные мнения о чрезмерных перегрузках экономики «вашингтонского консенсуса», о грядущем кризисе «виртуальной экономики». Демографический баланс в ближайшие полвека — безусловно в пользу глобального Юга, особенно Африки, Азии, исламского Леванта. По мнению Б.Г. Капустина, разочарование элит новых индустриальных стран в моделях вестернизации почти наверняка подтолкнет их на путь национализма, милитаризма и возрождения религиозной идентичности [43, p.78; 11, с.131—139; 19, с.12]. Сам ареал западной цивилизации может не выдержать сверхнапряжения «имперского бремени» и размежеваться по культурно-историческим границам на геоэкономические группы стран. Космополитический проект в особенности грозит Европе расколом государств на политические регионы, что уже намечилось после Маастрихтских соглашений.

Какова же роль России в этих эпохальных сдвигах цивилизационного масштаба? Метод сценарного прогнозирования позволяет выделить ряд альтернатив. Путь безоглядной вестернизации может дать России только шаткую «колонизальную демократию» и функцию сырьевого придатка постиндустриального центра планеты. К тому же этот вариант чреват расколом и архаизацией России. Другой сценарий — «самостояние» нашей страны в мире, для чего нужен недостающий политический субъект — националь-

но ответственный крупный бизнес в союзе с сильным государством. При всей желательности данный вариант вряд ли реален в ближайшие годы. Скорее всего сбудется промежуточный сценарий — прерывистый цикл реформ и контрреформ с целью не выйти из глобальной «мир-системы» Запада, а обрести в ней сравнительно обеспеченное полупериферийное место.

В заключение можно сделать выводы о сфере применения и эвристическом потенциале цивилизационного подхода.

Зародившись в качестве философской рефлексии об исключительности Европы, термин «цивилизация» постепенно обрел смысл, прямо противоположный исходному. Ныне цивилизация трактуется как предельно широкая социокультурная система, присущая надэтническому и надгосударственному сообществу в силу самобытности его системы мировоззрения. Политические идеалы, ценности и ориентации деятельности входят как неотъемлемый компонент в «духовное ядро» каждой цивилизации. Этим определяется соотношение цивилизационного подхода с другими исследовательскими стратегиями: историко-нарративной, публично-правовой, социологической, культурологической и политологической. Образно говоря, цивилизационный подход позволяет выявить «черты вечного» в преходящем политическом процессе, дает возможность сравнить проявление преемственности и новшеств в политических фактах и явлениях.

Цивилизационный подход применим, вероятно, во всех субдисциплинах и на всех уровнях политических исследований. Автор сделал попытку кратко обозначить те отрасли политической науки, в которых цивилизационный

подход дал наиболее зримые плоды либо вызвал актуальные и глобально значимые дискуссии. Это — цивилизационная компонента политических учений и политической философии; социокультурный контекст политических решений; анализ типов власти и политических систем; центр-периферийное территориальное взаимодействие; глобальные факторы развития мировой политики и международных отношений. Особого углубленного исследования требует такой вопрос, как влияние цивилизационной идентичности на политическое сознание и культуру, на семиотическое поле макросообществ.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ахиезер А.С. *Россия: Критика исторического опыта*. М., 1991. Т.1.
2. Ахиезер А.С. *Социокультурная динамика России: К методологии исследования* // Полис. 1991. №5.
3. *В поисках своего пути: Россия между Европой и Азией*. М., 1997.
4. Валлерстайн И. *Анализ мировых систем и ситуация в современном мире*. СПб., 2001.
5. Гайдар Е.Т. *Государство и эволюция*. М., 1994.
6. *Глобальное сообщество: новая система координат*. СПб., 2000.
7. Данилевский Н.Я. *Россия и Европа*. М., 1997.
8. Ерасов Б.С. *Социокультурные и геополитические принципы евразийства* // Полис. 2001. №5.
9. Зарубина Н.Н. *Социокультурные факторы хозяйственного развития: М. Вебер и современные теории модернизации*. СПб., 1998.
10. Земляной С.Н. *Новый космополитизм и знамена времени* // Независимая газета. 2002. 16 янв.

11. Иноземцев В.А., Кузнецова Е.С. Глобальный конфликт XXI в. // Полис. 2001. №6.
12. Капустин Б.Г. Конец «транзитологии»? : О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия // Полис. 2001. №4.
13. Красильщиков В.А., Зиборов Г. М., Рябов А.В. Шанс на обновление России (зарубежный опыт модернизации и российские перспективы) // Мир России. 1993. №1.
14. Лейпхарт А. Демократия в многосоставных обществах. М., 1997.
15. Лурье С.В. Историческая этнология. М., 1997.
16. Моцелков Е.Н. Переходные процессы в России. М., 1996.
17. Неклесса А.И. Конец цивилизации, или Зигзаг истории // Знамя. 1998. №1.
18. Неклесса А.И. A la carte // Полис. 2001. №3.
19. Ниязи А. Американская трагедия и будущее человечества // Независимая газета. 2001. 2 нояб.
20. Орлова И.Б. Евразийская цивилизация. М., 1998.
21. Павловский С.В. О социокультурном аспекте процесса глобализации // Глобализация и регионализм: Черноморский регион. Балканы. М., 2001.
22. Платонов О.А. Русская цивилизация. М., 1997.
23. Савицкая Т.Е. Глобализация-2 // Полис. 2001. №5.
24. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 1997.
25. Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. Брянск, 1996.
26. Спенсер Г. Опыт философии, общественные и политические. М., 1999.
27. Сравнительное изучение цивилизаций / Сост. Б.С. Ерасов. М., 1998.
28. Сухоруков В.Д. Макроструктурные параметры геопро- странственных систем (экономическое, социальное и политическое измерение): Дис. ... д-ра геогр. наук. СПб., 1999.
29. Тойнби А. Постигание истории. М., 1991.

30. Тоффлер О. Шок будущего. М., 1997.
31. Уткин А.И. Глобализация: процесс и осмысление. М., 2001.
32. Фукуяма Ф. Конец истории? // *Философия истории*. М., 1995.
33. Хантингтон С. Запад уникален, но не универсален // *Мировая экономика и международные отношения*. 1997. №8.
34. Цымбурский В.Л. Сколько цивилизаций? // *Pro et contra*. 2000. Т.5. №3.
35. Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России. М., 1999.
36. Шаповалов В.Ф. Россиеведение. М., 2001.
37. Шепелев М.А., Бариская А.Т., Шмелева М.И. Цивилизационное измерение геоэкономики // *Полис*. 2001. №3.
38. Шутов А.Ю. Политический процесс. М., 1994.
39. Эйзенштадт С. Революция и трансформация общества: сравнительный анализ цивилизаций. М., 1997.
40. Brzezinski Z. *Between Two Ages: Americas Role in the Techno-tronic Era*. N.Y., 1976.
41. Eisenstadt S.N. *Patterns of Modernity*. N.Y., 1987. Vol.II.
42. Eisenstadt S.N. *Tradition, Change and Modernity*. N.Y., 1973.
43. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remarking of the World Order*. N.Y., 1996.
44. Laue Th. von. *The World Revolution of Westernization: The Twentieth Century in Global Perspective*. N.Y., 1987.
45. Rostow W. *The Non-Communist Manifesto*. N.Y., 1960.
46. Shanin T. *Russia as a "Developing Society": The Root of Otherness* Basingstoke. L., 1985. Vol.1.

КОЛИЧЕСТВЕННЫЕ МЕТОДЫ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

Е.В. Улько

В контексте обсуждения проблем методологии социально-политических, психологических исследований уместно обратиться к вопросу использования количественных методов.

К сожалению, довольно часто приходится сталкиваться с ситуацией, когда количественные методы для студентов-гуманитариев окрашены негативными ассоциациями с математикой, которую они стремились избежать даже при поступлении в вуз. И в дальнейшем обучении, при написании курсовых и дипломных работ некоторые студенты стараются избегать количественных методов в своих исследованиях. Такое отношение может ограничивать возможности исследователя в области социальных наук. Существенной частью профессионализации будущего специалиста является обучение его основам математических методов, формирование способности мыслить статистически.

В описании, объяснении и понимании социальной политической реальности исследователь сталкивается с проблемами различного рода, и возможность применения количественных методов всегда определяется тем, с каким именно предметом исследования он имеет дело, каковы поставленные цели и задачи конкретной работы.

Часто в политическом исследовании мы встречаемся с уникальными историко-политическими явлениями, которые специфичны и единственны, и стратегия их объяснения направлена на выявление тонкого механизма проявляющихся закономерностей. Понимание явлений социально-

политической жизни общества нередко требует рассмотрения специфики локальных сообществ, обыденного представления людей о социально-политической жизни, изучения индивидуальных смыслов человеческого поведения. В этих случаях наиболее адекватны качественные методы, направленные на изучение субъективных аспектов реальной политической практики людей.

Однако целый ряд вопросов связан с массовыми явлениями, рассматривающими надиндивидуальные социальные структуры и институты. В этих случаях делать обоснованные утверждения или прогнозы невозможно без применения количественных методов. Применение математического статистического аппарата необходимо, когда надо сравнить данные, полученные в группах, сформированных по определенному критерию, чтобы найти черты различия между ними, выявить динамику отдельных показателей, предсказать определенные факты на основе выводов, к которым приводят полученные результаты. Иначе в большинстве случаев выводы будут иметь интуитивный описательный характер и не смогут стать базой для сопоставления с результатами других исследований.

Понятие «количественные методы» относится не только к сбору и обработке эмпирических данных, но и к самой интерпретации полученных результатов, тесно связанной с содержательной стороной, отражающей методологическую установку организации всего исследования. Таким образом, можно говорить о качественной и количественной стратегии исследования, определяющей разные подходы к осмыслению социальной реальности. Однако как отмечает известный отечественный социолог В.А. Ядов, отличительной характеристикой развития социального знания со-

временного мирового научного сообщества является признание необходимости «объединения усилий сторонников разных теоретико-методологических парадигм, разных подходов» и вытекающей из этого факта «интеграции жесткой (количественной) и гибкой (качественной) методологий эмпирического исследования» (Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 1999. С.5).

Рассмотрим наиболее общие задачи, которые решают различные разделы математической статистики, *Описательная статистика* дает возможность представить сжатую и концентрированную характеристику изучаемого явления, позволяет описывать, подытоживать и воспроизводить в виде таблиц, графиков или числовых показателей полученные в ходе исследования данные. Средняя величина заработной платы у различных профессиональных групп, уровень безработицы среди различных возрастных категорий, процент экономистов и юристов в высших уровнях иерархии власти — все это примеры статистической информации подобного рода. Однако группировка данных — не просто технический прием, позволяющий представить первичные данные в удобном и компактном виде. Это глубоко осмысленное действие, позволяющее уже на первом этапе обработки данных выявить существенные закономерности и связи между явлениями. Грамотно выбранный способ группировки данных, отвечающий требованиям поставленной задачи и соответствующий содержанию изучаемого явления, позволяет исследователю существенно продвинуться на пути решения интересующей его проблемы.

Часто в ходе социально-политического исследования мы не можем охватить всю совокупность интересующих

нас людей, скажем, всех студентов края или всех пенсионеров города. Тогда мы имеем дело с выборкой, репрезентативно представляющей всю генеральную совокупность. Задача *индуктивной статистики* — определить, можно ли и с какой долей вероятности результаты, полученные на выборке, распространить на более широкую группу. Используя методы индуктивной статистики — методы проверки статистических гипотез, мы имеем возможность по предварительному социальному опросу судить с определенной степенью достоверности об итогах предстоящих выборов. Исследователь на основании результатов проведенного выборочного исследования может обоснованно ответить на вопрос о наличии отличий между политическими установками у людей различной этнической принадлежности.

Еще одна группа наиболее общих задач в социальных исследованиях — поиск взаимосвязей между различными признаками. Связана ли политическая активность людей с возрастом, полом, уровнем образования, местом проживания? Соответствует ли образ политического лидера в глазах молодежи тому, что думают о нем люди среднего и старшего возрастов? Совпадают ли представления о том, что должно измениться в городе, у его рядовых жителей и представителей власти? Такой ряд вопросов требует специальных количественных процедур. Проведение *корреляционного анализа* данных позволяет узнать, насколько связаны между собой две переменные, можно ли по значению одной из них предсказать возможные значения другой.

Из того факта, что интересующие социально-политического исследователя явления сложны и полидетерминированы, логично вытекает следующая типичная

группа задач — анализ многомерных взаимосвязей и взаимозависимостей. Применение различных процедур *многомерного анализа* данных направлено на поиск скрытой структуры взаимосвязей множества переменных.

Определяя наиболее общие и часто встречающиеся задачи, встающие перед социальным исследователем, мы соотнесли их решение с содержанием основных разделов математической статистики.

После того как нами освещен круг проблем, решение которых требует использования количественных методов, остановимся на вопросе соотнесения количественных и качественных стратегий исследования.

Каждый социальный объект или процесс имеет множество признаков. Применительно к цели исследования нас будут интересовать далеко не все из них. Этапом, предваряющим измерительные процедуры, всегда является качественный анализ интересующего нас объекта. Необходимо обоснованно выделить те качественные признаки или свойства, которые впоследствии можно будет выразить количественно, чтобы с полученными данными произвести статистические математические процедуры. Например, если исследователя интересует вопрос о специфике влияния политической рекламы на потенциального избирателя в зависимости от используемого вида печатных средств массовой информации, ему необходимо провести значительную предварительную работу. Формируя модель экспериментального исследования, нужно, во-первых, выделить те виды печатных средств, влияние которых будет сравниваться. Во-вторых, следует предварительно сформулировать возможные результаты этого влияния — признаки объекта (например, расширение осведомленности, созда-

ние благоприятного отношения, изменения в мотивации и т.п.). Естественно, количественно могут быть выражены лишь те признаки, которые вариативны, т.е. величина признака должна изменяться от одного объекта исследования к другому. Далее необходимо разработать методическую процедуру, в результате применения которой выделенный признак будет измерен — выражен количественно в определенной шкале. Впоследствии, собрав эмпирические данные, можно применять соответствующие задаче приемы математических статистических вычислений.

В результате мы сформируем числовую модель измеряемого объекта по ряду выделенных нами свойств. Эта модель может иметь как объяснительную, так и прогностическую силу. Однако реальность всегда богаче любых, даже самых эффективных моделей. Всегда остается вероятность того, что не все значимые признаки были учтены, а отсутствие существенной части системы влияет на содержание отношений между ее элементами и отражается на всей системе.

Полученная числовая модель, отдельные количественные показатели не являются конечной целью применения количественных методов. Результаты этого этапа исследования требуют последующего качественного анализа и интерпретации. Таким образом, качественные и количественные стратегии исследования тесно связаны между собой, взаимодополняют и не исключают друг друга. Применение количественных методов само по себе не является показателем научности и эвристичности получаемых выводов. Без творческой искры исследователя, без его создающего начала нет нового знания. Но умелое использование математического статистического аппарата дает воз-

возможность доказательно подтверждать отмечаемые закономерности, глубоко и тонко анализировать исследуемое явление, выявлять связи и отношения.

Еще одна важная проблема, с которой сталкивается исследователь, использующий количественные методы, — измерение выделяемых в социальном объекте признаков. В социальных политологических исследованиях мы имеем дело с особыми объектами, существенная часть признаков которых носит достаточно сложный для количественного выражения характер. Мы легко можем подсчитать количество проголосовавших по отдельным регионам, измерить возраст в годах, заработок в денежных единицах. Но измерить установки людей, их мнение и отношение избирателей, выявить, какие аргументы оказывают большее влияние на их отношение к тому или иному кандидату, достаточно сложно. Настроение людей, социально-психологические характеристики не являются эпифеноменом социально-экономической ситуации в стране, это существенная и во многих случаях определяющая часть политической картины. Сложность самого объекта объясняет и сложность подбора инструмента его измерения. Социальные измерения часто называют квалитетическими, т.е. условно количественными аналогами качественных отношений. Поэтому проблема первичного измерения — это своего рода подбор или создание с учетом определенных правил измерительного эталона в каждом конкретном случае.

В социальных исследованиях используют такие виды измерительных шкал, как номинальная, порядковая, интервальная и шкала отношений. Вид шкалы зависит от цели исследования, характеристики измеряемого свойства, процедуры измерения. Предположим, нам необходимо из-

мерить степень поддержки различных акций протеста (митинги, блокирование дорог, погромы и т.п.) людьми разных социальных групп. Этот признак у каждого человека можно выразить количественно с помощью определенной измерительной шкалы. Используя номинальную шкалу, мы можем присвоить одинаковый числовой показатель людям, имеющим сходную позицию. Например, 1 — тем, кто ответил «не поддерживаю», а 0 — тем, кто ответил «поддерживаю». В этом случае обозначения 1 и 0 у испытуемого не имеют количественного смысла, а лишь позволяют отметить принадлежность к определенной группе. Если вопрос формулируется: «В какой степени Вы одобряете...», то можно выразить количественно меру поддержки, ориентируясь на упорядоченный ряд ответов: «совершенно не одобряю» — 1, «в основном не одобряю» — 2, «затрудняюсь сказать» — 3, «одобряю в основном» — 4, «полностью одобряю» — 5. В этом случае числовые показатели представляют собой упорядоченный ряд, классифицирующий выражение признака по принципу «больше—меньше». Если для выяснения степени поддержки разработать специальную процедуру измерения с определенной единицей измерения, то выраженные в этих единицах величины будут отнесены к интервальной шкале. Шкала отношений, близка интервальной шкале, но имеет абсолютный нуль. Следует отметить, что в социальных исследованиях интервальные шкалы и шкалы отношений встречаются довольно редко, так как трудно создать процедуры измерения, удовлетворяющие важному требованию равенства единиц (т.е. в реальных опросниках один балл по одному пункту может быть не равен одному баллу по другому пункту опросника).

Для того чтобы количественные методы, используемые исследователем в работе, были адекватными и обоснованными, а полученные на их основе результаты точными, надежными и устойчивыми, следует тщательно подходить к процедуре измерения, подбору способов измерения и последующих процедур количественной обработки данных. Знания и умения в этой области необходимы специалистам в области политологии, психологии, государственного муниципального управления и социальной работы. Лучшая гарантия успеха социального исследования — обоснованное и умелое сочетание возможностей качественной и количественной стратегий, примененных в соответствии с поставленными задачами.

Копилка мудрых мыслей

Законы математики, имеющие какое-либо отношение к реальному миру, ненадежны; а надежные математические законы не имеют отношения к реальному миру.

А. Эйнштейн

Статистика учит нас, что из тех, кто имеет привычку есть, очень мало кто выживает.

У.У. Грин

ВОЗМОЖНОСТИ КАЧЕСТВЕННЫХ МЕТОДОВ В ПОЛИТОЛОГИИ

Е. В. Морозова

«Если что-то нельзя посчитать, значит, этого нет», — такую фразу бросил уважаемый профессор студентке на защите курсовой работы о мемуарах как источниках исследования политики. Приведенные слова — своеобразный лозунг того этапа в развитии политической науки, когда три четверти публикаций в ведущих политологических журналах опирались на количественные методы анализа.

Иногда вера исследователей в способность математической модели не только логически объяснить объект — политическую реальность, но и рационально его упорядочить доходила до абсурда, а в памяти читателя всплывал уже забытый образ «политической машины» со множеством «приводных ремней».

Характерно, что в это время качественные подходы выживали в советологии, чему можно найти два объяснения: невозможность провести массовые опросы в советском политическом пространстве и невозможность объяснить многие реалии в рамках сложившегося категориального аппарата. А. Браун в книге «Советская политика и политическая наука» (1974) заявил, что научный анализ политической культуры населения СССР невозможен без таких источников, как художественная литература, мемуары, исторические сочинения и др. [8, с.89—104].

В определенной степени проявилось разочарование в массовом эмпиризме количественных исследований, абстрагированных от своих источников, в теориях макроуровня, не объясняющих «человеческую сущность» политиче-

ских явлений и процессов. Схожее движение наблюдалось и в других социальных науках. В социологии, как считает В. Семенова, настал период гуманизации, «переориентации от рационального познания глобальных проблем к познанию и пониманию локальных сообществ, специфики меньшинств и каждодневной социальной практики людей» [7, с.387].

В отличие от количественных методов, выдвинутых позитивистской школой, качественные опираются на такие теоретические основы как символический интеракционизм (Дж. Мид, Ю. Хабермас) и «понимающую» социологию (Г. Зиммель, М. Вебер). Они имеют общую стратегию — открытый, поисковый и неструктурированный характер анализа проблемной ситуации.

К достоинствам качественных методов Ф. Дивайн относит вовлеченность исследователя в политический контекст объекта исследования [9, с.137], Л. Харрисон — то, что они позволяют людям свободно обсуждать события в их терминах, говорить своим языком [11, с.75]. Качественные методы дают возможность приблизиться к адекватному пониманию смыслов, которые люди вкладывают в различные суждения и действия, познать субъективный аспект реальной практики политических отношений. Логика действий исследователя отражена в таблице, заимствованной у В.А. Ядова [7, с.407].

Содержание и последовательность операций в количественном и качественном исследованиях

Количественные методы	Качественные методы
<i>Г и п о т е з ы</i>	
Осуществляется проверка гипотез, которые формулируются в программе до начала сбора данных	Значения фактов, явлений осмысливаются после «погружения» исследователя в данные
<i>К о н ц е п ц и и (п о н я т и я)</i>	
Формулируются из теорий и переводятся на язык операций с данными	Концепции — результат последовательного обобщения терминологических «гнезд» (таксонов) живого языка, тем, понятий
<i>И з м е р и т е л ь н ы е п р о ц е д у р ы</i>	
Инструменты измерения разрабатываются и проверяются в пилотаже, обычно формализируются	Измерительные инструменты формулируются в результате полевого исследования; часто являются специфическими, отражают индивидуальный исследовательский подход
<i>П р е д с т а в л е н и е д а н н ы х</i>	
Представлены в виде статистических распределений, шкальных показателей, результатов измерения взаимосвязей	Представлены в виде высказываний, фрагментов документов, наблюдений, транскриптов ¹
<i>Т е о р и и</i>	
Гипотетико-дедуктивные, казуальные	Могут быть как казуальными, так и интерпретативными, преимущественно индуктивными
<i>П р о ц е д у р ы</i>	
Стандартизованы, предполагается их дублирование	Процедуры дублируются редко
<i>А н а л и з</i>	
Осуществляется статистическими методами	Производится путем выделения тем или обобщения идей из собранных свидетельств; организация данных нацелена на получение целостной картины

¹ Транскрипт — текст речевой информации, сохраняющий все оттенки речи.

Существует несколько проблемных полей политологии, в изучении которых использование качественных методов является приоритетным. Среди них можно выделить следующие:

1) новые политические явления или процессы, не получившие массового распространения, особенно в условиях политических трансформаций;

2) ретроспективные политические исследования¹;

3) исследование политического лидерства и политических элит, проблем их социализации и политической карьеры, структуры личности и т.д.

Безусловно полезными качественные методы могут оказаться в изучении субъективных факторов различных политических феноменов. Процесс принятия политических решений можно исследовать, используя процедуры моделирования, но оценить влияние тех или иных политических деятелей на принятие конкретных политических решений без качественных методов анализа трудно.

В данном выступлении мы дадим лишь краткую характеристику основных разновидностей качественных методов, но надеемся, что приведенная библиография поможет слушателям школы самостоятельно продолжить знакомство с ними.

Интервью отличается от массового опроса «включенностью» интервьюера в ситуацию, что таит возможности «реактивности» респондента.

¹ Ж.-М. Денкэн призывает политологов обратиться к опыту историков, добывающихся понимания позиции людей прошлого: «...политическая культура римской олигархии может быть описана, хотя нельзя послать вопросник сенаторам и консулам» [4, с. 74].

Стедвард называет интервью «средством доставки исследовательской темы в жизненное пространство» [12, с.151].

Этот метод не требует больших материальных затрат, но затраты исследователя — интеллектуальные и моральные — поистине колоссальны. «Он должен сочетать в себе способность к комбинированию абстрактного и конкретного; широкую социологическую и общекультурную эрудицию и умение сопоставлять различные источники информации; сочетать функции интервьюера, социального психотерапевта и аналитика; обладать научной интуицией и воображением; способностью применять как логику здравого смысла, так и логику индуктивную; наконец, он не может добиться успеха без знания макросоциологических теорий и подходов, равно как и частных микротеорий» [7, с.408].

В зависимости от целей исследования различают интервью:

1) нарративное (свободное повествование о жизни респондента без всякого вмешательства со стороны интервьюера;

2) полуструктурированное (свободная беседа обусловлена перечнем обязательных аспектов, относительно которых должна быть получена информация); вариантом полуструктурированного является также биографическое интервью;

3) лейтмотивное (позволяет проследить динамику одного и того же аспекта политической деятельности индивида на протяжении различных этапов его жизни);

4) фокусированное (направлено на получение максимальной информации об одной жизненной ситуации).

Достойные примеры использования интервью можно найти в книге «Российская элита: психологические портреты» (М., 2000); в работе Н. Лапиной и А. Чириковой «Стратегии региональных элит: экономика, модели власти, политический выбор» (М., 2000). На основе полуструктурированных интервью были выполнены два крупных региональных проекта — «Стратегии адаптации вынужденных переселенцев» и «Политические лидеры местных сообществ» [см. 5; 6].

Метод фокус-группы — это по сути групповая дискуссия, в процессе которой выявляются различия в понимании политических процессов и явлений определенными группами людей. Этот метод может использоваться на различных стадиях исследования: для формулировки проблемы, для развития индикаторов сбора данных и, наконец, для получения самих данных. Модератор, т.е. ведущий дискуссии, тщательно продумывает вопросы и направляет разговор в нужное русло. Не только содержание разговора, но и поведение участников тщательно анализируется в соответствии с задачами исследования¹.

О роли фокус-групп в изменении стратегии лейбористской партии Великобритании рассказала Л. Харрисон [11, с. 76]. В 1992 г. анализ фокус-групп показал стойкое отторжение электоратом лейбористов как партии старомодной, не учитывающей возросшего благосостояния избирателей. Следствием стало изменение программных установок и имиджа партии, а затем победа на парламентских выборах 1997 г. Фокус-группы становятся методом апробации «произведений» политической рекламы, спосо-

¹ Подробнее о фокус-группах см. [1].

бом изучения реакции на «вброс» информации. Они незаменимы в исследовании мотивов политического поведения.

*Case-study*¹ применяется, когда объектом исследования выступает уникальный политический феномен. Специфика метода состоит в глубинном изучении своеобразия объекта, его структуры, а проблема сопоставления с другими случаями уходит на второй план. В то же время case-study могут обогатить знания о мире политики лишь в том случае, если они предполагают интерпретацию отдельного случая в терминах достаточно широких теоретических концепций.

Р. Хейг и его соавторы, характеризуя выдающуюся роль case-study для сравнительно-политологических исследований, выделяют следующие типы case-study:

1) репрезентативные (представляющие категорию типичного, например, демократический транзит в Польше);

2) прототипические (в качестве примера приводится «Демократия в Америке» Токвиля);

3) девиантные (представляющие исключение из правил);

4) критические (проверяющие теорию в наименее благоприятных обстоятельствах; пример — демократизация в Саудовской Аравии);

5) архетипические (создающие новые категории политического — например, Великая французская революция) [10, с.277].

Мемуары, биографии и автобиографии не только содержат интерпретацию политических событий и опыта через личное восприятие, но и обладают важной ролью «пу-

¹ Дословный перевод: «исследование случая».

теводителя по источникам». Они дают возможность понять причинные и логические связи событий и тот психологический фон, без которого многие документы могут оказаться непонятыми или понятыми неправильно.

Наиболее уязвимая сторона качественных методов — проблема надежности данных. Часто достоверность интервью, автобиографий, мемуаров ограничена влиянием субъективных интересов респондента.

Для того чтобы повысить надежность данных, важно сравнить их с другими источниками информации (прежде всего количественными). При выявлении противоречий в высказываниях необходимо получить уточняющую информацию. Следует также сопоставлять описания с реальными фактами, которые могут быть документально подтверждены.

Несмотря на существенные ограничения, качественные методы обладают огромным потенциалом. Они могут быть не только ценным дополнением количественных исследований, но и единственным основанием для важных выводов. Чем больше разнообразных источников информации будет подключено, тем больше уверенность в надежности сформулированных исследователем заключений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Белановский С.А. Метод фокус-групп. М., 2001.
2. Биографический метод в изучении постсоциалистических обществ. СПб., 1997.
3. Богомолова Н.Н., Фоломеева Т.В. Фокус-группы как метод социально-психологического исследования: Учеб. пособие. М., 1997.
4. Денкэн Ж.-М. Политическая наука. М., 1993.

5. *Оберемко О.А., Кириченко М.М. Политико-правовой контекст вынужденной миграции на Кубани // Человек. Сообщество. Управление. 2000. № 3/4.*
6. *Юрченко В.М., Морозова Е.В., Самаркина И.В., Мирошниченко И.В. Политические лидеры местных сообществ // Человек. Сообщество. Управление. 2001. № 2.*
7. *Ядов В.А. Стратегия социологического исследования. М., 2001.*
8. *Brown A. Soviet Politics and Political Science. NY., 1974.*
9. *Devine F. Qualitative Analysis // Theory and Methods of Political Science. L., 1995.*
10. *Haguk K., Harrop M., Breslin Sh. Comparative Government and Politics: An Introduction. Houndmills. N.Y., 1998.*
11. *Harrison L. Political Research: An Introduction. L.; N.Y., 2001.*
12. *Stedwards G. On the Record: An Introduction to Interviewing // Surviving the Research Process in Politics / Ed. by P. Burnham. L., 1997.*

Копилка мудрых мыслей

Мемуары — публичная исповедь в грехах своих ближних.

NN

Прошлое — родина души человека. Иногда нами овладевает тоска по чувствам, которые мы никогда не испытывали. Даже тоска по былой скорби.

Г. Гейне

Слова Павла о Петре говорят нам более о Павле, чем о Петре.

Б. Спиноза

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ В ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

И.В. Самаркина

Контент-анализ, т.е. *систематическая числовая обработка, оценка и интерпретация формы и содержания информационного источника*, становится сегодня весьма востребованным методом политических исследований [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7]. Его процедура довольно подробно описана в политологической и социологической литературе. Контент-анализ (анализ содержания) — это «один из методов изучения документов, используемых в различных социальных исследованиях...» [1]. Следует отметить, что сегодня понятие «документ» трактуется очень широко и включает не только текст, рукопись, но и фотографии, рисунки, видеоматериалы.

Метод контент-анализа позволяет усилить достоинства и минимизировать недостатки качественного и количественного методов анализа, широко применяемых в исследованиях политических явлений и процессов. Например, в 1950-е гг. западные аналитики на основе количественного анализа статей газеты «Правда» обнаружили резкое снижение числа ссылок на И.В. Сталина. Они сделали закономерный вывод, что последователи Сталина стремятся дистанцироваться от него. Однако качественный анализ мог бы привести к аналогичному выводу на основе единственного факта, что в публичной речи одного из партийных функционеров, посвященной победе СССР в Великой Отечественной войне, Сталин вообще не был упомянут. Прежде такое было бы немыслимо.

Применение контент-анализа связано с рядом необходимых условий, без соблюдения которых применение этого метода вряд ли будет целесообразным. Во-первых, изучаемые качественные характеристики должны носить однопорядковый характер и появляться в тексте с достаточной частотой; во-вторых, изучаемого текстового материала должно быть настолько много, что его невозможно охватить без суммарных оценок, особенно, когда он носит несистематизированный характер [1].

Особенность контент-анализа как метода исследования социальных явлений состоит в том, что он позволяет не только выявить связь текста исследуемого документа с некоей надтекстовой реальностью, но и выйти за рамки количественного анализа текста и сделать выводы, касающиеся в целом процесса коммуникации. Изучение политических процессов зачастую предполагает анализ именно политической коммуникации, т.е. источника коммуникации, самого сообщения, реципиента, каналов и результата процесса коммуникации (алгоритм анализа заимствован из модели анализа массовой коммуникации Г. Лассуэла [4]). Таким образом, использование метода предполагает несколько этапов.

На *первом этапе* определяются теоретические основы исследования, формулируются рабочие гипотезы, создается категориальный аппарат, оговариваются качественные и количественные единицы контент-анализа.

На *втором этапе* разрабатывается кодировочная инструкция. Категории и подкатегории контент-анализа соотносятся с конкретными содержательными элементами текста. На этом этапе составляется соответствующий словарь индикаторов категорий. Все категории и подкатего-

рии кодируются. Результатом работы на этом этапе является таблица (чаще электронная) с закодированной информацией и словарем индикаторов категорий.

На *третьем этапе* проводится пилотажная (пробная) кодировка части текста с целью апробации методики, изложенной в кодировочной инструкции. После проведения пилотажного исследования в кодировочную инструкцию вносятся изменения, связанные с уточнением индикаторов категорий и подкатегорий.

На *четвертом этапе* исследования кодируется весь массив исследуемого текста. Осуществляется так называемый процесс квантификации, т.е. перевод в цифровое выражение всей совокупности исследуемых текстов. Проводится регистрация частоты и объема упоминания категорий и подкатегорий в специальной таблице.

Пятый этап включает в себя статистическую обработку полученных количественных данных при помощи специальных программ (например, SPSS.10 — Statistical Package for Social Science).

На *шестом этапе* полученные данные интерпретируются в русле поставленных в начале исследования целей и задач.

Однако возможны различные пути формализации и использования количественных показателей, полученных на 1—4-х этапах анализа. *Использование простых частот* было первым этапом в развитии контент-анализа. Внимание исследователей сосредоточилось на подсчете частот появления в текстах различных слов или тем. Г.Г. Почепцов считает, что контент-анализ зародился в XVIII в., когда в Швеции частота появления тем, связан-

ных с Христом, использовалась для принятия решения о еретичности книги.

Однако гораздо более информативны не абсолютные, а *относительные частоты*, которые вычисляются как отношение абсолютной частоты к длине анализируемого текста. В зависимости от того, что является переменной содержания, под длиной текста может пониматься количество слов в нем, количество предложений, абзацев и пр. В качестве реального примера такого анализа текстов можно привести анализ президентских посланий стране, с которыми обратился Б. Клинтон в 1994 и 1995 гг. Эти послания содержат от 7000 до 10000 слов. Были сформированы категории слов, относящихся к экономике, бюджету страны, образованию, преступности, вопросам семьи, международным делам, социальной помощи и др. По изменению относительных частот в посланиях 1994 и 1995 гг. были сделаны выводы об изменении политики государства в различных областях. Все указанные темы нашли отражение в обоих посланиях, но одним из них уделялось больше внимания, а другим меньше. Например, в послании 1995 г. больше говорилось об образовании, семье, меньше — о преступности, международных делах, социальной помощи. Это позволило судить о приоритетах правительства США.

Под *категорией* понимается набор слов, объединенных по определенному основанию. Можно сказать, что посредством категорий в контент-анализе представлены определенные концептуальные образования. Так, в случае с посланиями Б. Клинтона была образована категория *экономика*, в которую входили слова *экономика*, *безработица*, *инфляция*. В категорию *семья* входили слова *ребенок*,

семья, родители, мать, отец. Именно учет частот встречаемости категорий, а не отдельных слов, дает возможность судить о внимании, уделенном в послании тем или иным вопросам. Очевидно, что от качества составления таких категорий во многом зависит качество результатов анализа. Контент-анализ текстов с использованием категорий иногда называют *концептуальным анализом*. Сфера его применения довольно широка. Например, есть два или более текстов, которые необходимо сравнить в отношении нагрузки на определенные категории. Концептуальный анализ помогает выяснить, какое внимание уделяют две разные газеты определенным темам. Если эти газеты рассчитаны на одну аудиторию, то существенное различие в частотах позволит судить о различиях в политике, проводимой людьми, стоящими за ними. Концептуальный анализ также позволяет проследить динамику изменения нагрузки на определенные категории. Например, выяснить частоту упоминания темы внешнего долга России в фиксированном наборе центральных газет на протяжении какого-то времени и соотнести ее с колебаниями курса доллара путем простого корреляционного анализа. Из истории разведки известно, как по изменению в специальной литературе частоты упоминания определенных научных тем и фамилий ученых делались достоверные выводы об успехах, достигнутых в конкретных областях исследований.

Иногда в распоряжении исследователя не несколько текстов, а только один. Например, имеется текст выступления депутата Думы и требуется оценить, насколько оно агрессивно. Для этого создается категория агрессивно окрашенной лексики. Очевидно, что для ответа на вопрос о степени потребуется некоторая норма, своеобразная нуле-

вая отметка агрессивности (относительная частота употребления агрессивно окрашенных слов средним носителем русского языка). Помощь в этом могут оказать частотные словари. Сравнение относительной частоты употребления агрессивно окрашенной лексики в выступлении депутата с частотой ее употребления средним носителем русского языка позволяет сделать вывод о степени агрессивности исследуемого объекта. Но и это еще не все. Небольшие отклонения частот в большую или меньшую сторону могут быть следствием случайных колебаний. На вопрос о значимости отклонения частот позволяет ответить статистическая оценка, известная под названием z-score и вычисляемая по формуле $(N - E) / (\text{стандартное отклонение})$, где N — количество слов данной категории, реально встретившихся в тексте; E — ожидаемое число вхождений слов данной категории в текст. Величина E рассчитывается путем умножения нормальной частоты категории на число слов в анализируемом тексте. В случае, если объектом анализа является выступление профессионального военного, норма для него будет отличаться от нормы для среднего человека. Поэтому для оценки уровня агрессивности профессионального военного требуются другие нормы, которые могут быть получены путем дополнительной статистической обработки представительной выборки текстов, характерных для военной среды.

Развитие контент-анализа привело к созданию более «тонкого» анализа текстов: вместо простого анализа наличия или отсутствия категорий используется анализ связей между ними. Для этого исследователи обращают внимание на совместную встречаемость слов различных категорий. Например, для каждого предложения текста выясняется,

слова каких категорий в нем встречаются. После этого подсчитывается обычный коэффициент корреляции, который показывает силу связи между категориями и знак этой связи. Может оказаться, что для некоторых категорий наблюдается тенденция их совместного употребления, а для других — наоборот. Изучение связей между категориями значительно расширяет круг задач, которые может решать контент-анализ.

Представим, что перед нами стоит задача проанализировать статью о геополитическом положении Кубани. Для этого мы отметили в тексте все предложения, в которые входит слово *Кубань (Краснодарский край)*, и составили статистику слов из этих предложений. Можно предположить, что частотными в этих предложениях окажутся слова: многонациональный регион, порты, курорты, сельское хозяйство, казаки и т.д. Таким образом, наш формальный метод анализа текстов позволил выделить существенные признаки, характеризующие регион. В англоязычной литературе такие контексты употребления слов называют *collocations*. Ценность описанного метода анализа текстов очевидна, так как позволяет на основе формальных методов извлекать из текстовых массивов содержательную информацию.

Метод нахождения контекстов употребления слов (*collocations*) допускает дальнейшее развитие. Выбрав предложения, в которых встречается конкретное слово или категория, мы получили некоторую подвыборку текста, к которой также применимы все методы контент-анализа. Т.е. контексты употребления слов и категорий в свою очередь могут быть подвергнуты контент-анализу — выяснению простых частот категорий, относительных частот,

оценок категорий относительно нормы и т.д. Если выразиться образно, то *контекстный анализ* позволяет выделить в тексте несколько тематических нитей и анализировать их отдельно. Очевиден огромный потенциал контекстного анализа при мониторинге больших объемов информации, так как он позволяет полностью автоматизировать весь процесс сбора информации.

Использование метода контент-анализа предполагает знакомство исследователя с простейшими статистическими процедурами. Как правило, для обработки данных используется в первую очередь описательная статистика¹. Она помогает оценить различия между двумя или несколькими распределениями, что позволяет проверить, насколько эти различия могут быть экстраполированы на популяцию, из которой взяты выборки. Процедура получения распределений (frequencies) дает возможность проанализировать основные статистические характеристики случайной переменной: перечень значений, принимаемых переменной, и частотное распределение (в числовом виде и в процентах), т.е. сколько раз переменная принимала каждое из этих значений. Для анализа также используется средняя

¹ Описательная статистика позволяет описывать, подытоживать и воспроизводить в виде таблиц или графиков данные того или иного распределения (построение распределения — это разделение первичных данных, на классы и категории с целью получить обобщенную упорядоченную картину, необходимую для их анализа), вычислять среднюю величину (т.е. показатель разброса данных, соответствующий средней арифметической абсолютных значений всех отклонений данных выборки от средней арифметической) для данного распределения и его размах и дисперсию.

частота упоминания переменной¹ и сумма всех значений переменной (sum).

Для того чтобы оценить значимость различий, применяется индуктивная статистика. Достоверность различий между распределениями проверяется выдвижением гипотез и их статистической проверкой. Нулевой гипотезой называют предположение, согласно которому различие между распределениями недостоверно, тогда как альтернативная гипотеза утверждает противоположное.

Задача индуктивной статистики — проверка того, можно ли распространить результаты, полученные на данной выборке (небольшое количество элементов, отобранных с помощью научных методов так, чтобы она была репрезентативной, т.е. отражала всю популяцию в целом), на всю популяцию (вся изучаемая совокупность), из которой взята эта выборка.

Для анализа вариаций, т.е. отклонений переменных от средней величины и оценки значимости отличий этих отклонений, можно использовать процедуры One way ANOVA и Bonferroni Test (в программном обеспечении SPSS.10).

В гуманитарных науках принято считать, что граница между выборками отражает действительную границу между соответствующими популяциями лишь в том случае, если вероятность ошибки для этого утверждения не превышает 5% (уровень надежности). Если значение критерия для данного числа степеней свободы оказывается ниже

¹ Средняя частота упоминания вычисляется по формуле среднего арифметического $MEAN \bar{X} = (x_1 + x_2 + \dots + x_n) / n$, где X — среднее значение переменной; N — численность совокупности.

критического уровня, соответствующего порогу вероятности 5%, то нулевая гипотеза не может считаться отвергнутой, это означает, что выявленная разница недостоверна.

Однако *F*-критерий показывает только то, что разница между средними показателями в выборках существует, но не указывает, между какими именно выборками эта разница статистически значима. Тест Бонферрони позволяет определить, между какими именно выборками разница в частоте упоминания категорий статистически значима.

Использование метода контент-анализа в политических исследованиях существенно расширяет профессиональные возможности современного специалиста и предполагает достаточно высокий уровень знаний в смежных дисциплинах (социология, статистика, коммуникативистика).

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Богомолова Н.Н. *Социальная психология печати, радио и телевидения*. М., 1989.
2. *Контент-аналитические исследования средств массовой информации и пропаганды: Учеб.-метод пособие*. М., 1988.
3. Мангейм Дж., Рич Р. *Политология: методы исследования*. М., 1999.
4. Назаров М.М. *Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования*. М., 1999.
5. Почепцов Г. *Теория и практика коммуникации*. М., 1998.
6. Hansen A., Cottle S., Negrine R., Newbold C. *Mass communication research methods*. N.Y., 1998.
7. Harrison L. *Political Research. An Introduction*. Routledge. L.; N.Y., 2000.
8. Lasswell H.D. *The structure and function of communication in society* / Bryson (ed.) *The communication of Ideas*. N.Y., 1948.

МОНИТОРИНГОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В ПОЛИТИКЕ

В.Б. Комаров
Л.Г. Комарова

Политические процессы в современном обществе порождают сложность и неравномерность политической жизни, одни составляющие которой проектируются субъектами политики, а другие развиваются стихийно. Только в последнее десятилетие политическая наука, основываясь на теоретических знаниях, стремится приобретать навыки, умения отслеживать и анализировать политические реалии с тем, чтобы прогнозировать и управлять политическими процессами. В настоящее время изучение политики имеет множество познавательных аспектов и дает возможность выбора методов исследования. Одной из малоиспользуемых до сегодняшнего дня и самых перспективных является технология мониторинговых исследований в политике.

Мониторинг (от англ. monitor — контролировать, проверять) — это специально организованное, систематическое наблюдение за состоянием объектов, явлений, процессов с целью их оценки, контроля, прогноза. Это система постоянного измерения изменений, происходящих в политической жизни общества, субъектах политики, при условии регулярного применения одних и тех же принципов выборки и одного и того же инструментария для сбора данных. По заданной программе выполняется наблюдение политической среды, позволяющее определить ее состояние, происходящие процессы и изменения. Организованный мониторинг предполагает обеспечение постоянного отслеживания политических показателей существования общества, объектов политики, оценивание функциониро-

вания и развития политической системы. При осуществлении такого исследования определяются условия для соответствующих корректирующих действий в тех случаях, когда целевые установки политических ориентиров не достигаются.

Необходимость политического мониторинга обуславливается сложностью и многофакторностью социально-политических явлений, в которые вплетены разнообразные социальные связи, представляющие трудность в исследовании. Только постоянно отслеживаемые «срезы» политической обстановки помогают изучить в динамике процессы политической жизни и детерминирующее воздействие на них объективных факторов и субъективных условий. Предельно широкая информационная база мониторинга по экономическим и социально-политическим аспектам позволяет учесть обширный спектр потребностей и интересов разнообразных групп общества.

Мониторинг предполагает использование различных методов: опрос (почтовый, телефонный, прессовый, анкетирование, интервьюирование), наблюдение, экспертная оценка, контент-анализ и др. Чтобы выявить, например, глубинный слой общественного мнения, изучить его фундаментальные характеристики, тенденции развития, требуется использование различных методов, их комбинирование, получение больших объемов информации в разное время, сравнение получаемых данных.

Политический мониторинг осуществляется в несколько взаимосвязанных этапов, которые вытекают из логики самого исследуемого явления, процесса, а также специфики объекта. На первом этапе в систему мониторинга должны входить следующие основные процедуры:

- определение объекта изучения;
- обследование выделенного объекта;
- составление информационной модели для объекта наблюдения;
- планирование измерений;
- оценка состояния объекта наблюдения и идентификация его информационной модели;
- прогнозирование изменения состояния объекта;
- представление информации в удобной для использования форме.

Далее определяется стратегическая цель политического мониторинга, которая состоит в отслеживании и анализе динамики тенденций, наметившихся в социально-политическом развитии и политических ориентациях общества в целом и отдельных подсистем политической системы.

Основные цели проводимых политических мониторингов заключаются в обеспечении системы власти и управления своевременной и достоверной информацией, позволяющей:

- оценить показатели состояния, функциональной целостности и развития политической системы и политической среды;
- выявить причины изменения таких показателей, оценить их последствия и определить корректирующие меры для достижения целевых показателей;
- создать предпосылки проведения конкретных мер в условиях возникающих негативных ситуаций.

Политический мониторинг может быть ориентирован на достижение специальных программных целей, заклю-

чающихся в обеспечении необходимой информацией, и других мер по осуществлению конкретных политических преобразований, мероприятий, международных соглашений и обязательств государств.

Основными задачами политического мониторинга могут быть:

- наблюдение за источниками воздействия на политическую сферу и политическую систему общества;

- наблюдение за факторами такого воздействия;

- оценка фактического состояния политической среды;

- наблюдение за состоянием политической среды, происходящими в ней процессами под влиянием различных факторов;

- прогноз намечившихся изменений под влиянием конкретных факторов и оценка прогнозируемого состояния политической среды.

Политические мониторинги могут разрабатываться на уровне политических объединений, организаций, партий, города, района, края, области, республики, государства. Характер политической информации и механизм ее обобщения в соответствии с изменяющейся обстановкой при ее движении по уровням системы политического мониторинга определяются с помощью понятия информационного портрета политической обстановки или ситуации. Информационный портрет — это совокупность представленных в различном виде данных, характеризующих политическую обстановку в соответствии с изучаемым объектом. Разрешающая способность информационного портрета зависит от объекта и иерархического уровня политического мониторинга.

На первом этапе устанавливаются хронологические рамки исследования. Практика показывает, что важно также правильно обозначить гипотезу, которая дает политологу материал, необходимый для анализа, и помогает избавиться от второстепенной информации. Одна из основных проблем мониторинговых исследований в политике — выбор адекватной интерпретивной парадигмы. В данном случае в качестве гипотезы может быть выдвинуто предположение о системе факторов, обуславливающих состояние социально-политической сферы, политическую деятельность или общественное мнение.

Последующие этапы политического мониторинга определяются характером объекта изучения и временными рамками.

Примером осуществления политических мониторингов можно считать исследования Фонда «Общественное мнение», проводящего регулярные опросы с целью отслеживания определенных тенденций в политических процессах и во всей системе социально-политических отношений. Удачно выбранными являются постоянно изучаемые «срезы» доверия (недоверия) власти, политикам, СМИ, электро-ральные рейтинги политиков, предпочтения общественного мнения и его доминанты, политические ценности и ориентации.

Так, мониторинг общественного мнения, если он правильно организован, позволяет получить важную информацию о стабильных и изменчивых его характеристиках, востребованную властными структурами различного уровня и организующую обратную связь. Это соответствует представлениям о сущности общественного мнения как более или менее логической группе суждений, которые.

отвечая задачам, поставленным современностью, воспроизведены в многочисленных экземплярах (Г. Тарда), а также о значимости общественного мнения как органа народной воли наравне с прессой, сходками и народными собраниями, систематически противопоставляющегося правительственной власти (Ф. Гольцендорф).

Мониторинг может не просто фиксировать постоянную обратную связь государственных и иных политических институтов с обществом и отдельными его группами, но и выявить признаки зрелости политической культуры и политической системы общества. Именно публичное выражение общественного мнения и степень его учета управленческими структурами в целях коррекции программных установок служит показателем уровня гласности в обществе.

Ценную информацию для политолога дают материалы изучения отношения граждан России к президенту В.В. Путину и оценки его деятельности. Постоянно проводимые опросы свидетельствуют о том, что прошедший период его президентства в целом россияне оценивают положительно. На наш взгляд, этот стабильный политический настрой значительной части населения отражает две доминирующие позиции общественного мнения. Во-первых, всеобщая удовлетворенность самим фактом смены высшей власти. Во-вторых, надежды на позитивные перемены, связанные с новым национальным политическим лидером, — надежды, питаемые не столько конкретными представлениями о его достоинствах, сколько силой потребности в таких переменах. В современной ситуации политическая сфера российского общества рождает громадное количество разноплановых процессов, наблюдается крайняя размытость, неопределенность облика политиче-

ских сил, их программ. В этих условиях подавляющее большинство граждан просто не могут сделать рационального политического выбора, зачастую предпочтение формируется на основе домыслов, догадок о личностных свойствах претендентов, а потребность в «хорошем правителе» укрепляет сделанный таким образом выбор. Поэтому проводимые мониторинговые исследования общественного мнения в политике позволяют определить отношение населения к политической власти, факторы влияния на электоральное предпочтение, уровень политической культуры и его изменение, помогают повысить эффективность принимаемых политических решений.

Между общественным мнением и властными структурами иногда возникают сложные отношения по поводу оценки острой проблемы. Это могут быть отношения полного и частичного согласия или несогласия. В условиях полного согласия результаты изучения могут целиком включаться в управленческие решения. При частичном согласии общественное мнение может использоваться в качестве фона для принятия политических решений, и властные структуры должны позаботиться о разъяснении причин проводимых мероприятий. Если констатируется полное несогласие общественного мнения, то необходимо провести ряд мероприятий с целью уменьшения несогласия или предложить другие решения. Мониторинговые исследования показывают, как и насколько заблуждается общественное мнение. В таком случае исследователю предстоит вести трудную работу по налаживанию диалога, привлечению к диалогу стороны, экспертов, чтобы добиться изменения мнения или отставки власти и снять тем самым острые противоречия.

Результаты мониторингов представляются в форме отчета с выводами и практическими рекомендациями практическим работникам, представителям властно-управленческих структур. Эти результаты используются при подготовке важнейших документов, разработке концепций и программ, подготовке аналитических и прогнозных материалов.

Таким образом, мониторинговые исследования в политике позволяют понять сложные явления политической жизни, причины важных событий и процессов, представить всю палитру оценок и мнений о политической ситуации, выявить мировоззренческие ориентации, оценить перспективу для формирования эффективного прогноза процессов с тем, чтобы способствовать налаживанию нормального диалога между властью и обществом.

Копилка мудрых мыслей

Ученый — это не тот, кто дает правильные ответы, а тот, кто ставит правильные вопросы.

К.Леви-Стросс

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

В.В. Меньшиков

Сразу же следует оговориться, что речь пойдет о научно-исследовательской работе студентов, изучающих общественные дисциплины, ибо здесь имеется определенная специфика, которая накладывает соответствующий отпечаток на организацию этой сферы деятельности. При организации научно-исследовательской работы студентов следует исходить из задач, которые необходимо реализовать в процессе обучения в вузе. Основная цель учебного процесса — подготовить квалифицированного специалиста, способного на основе полученных знаний самостоятельно мыслить, анализировать, делать обобщения, выводы, решать практические задачи.

Каждый преподаватель вуза в своей деятельности сталкивается с вопросами организации научной творческой работы студентов. Последняя требует учета целого ряда факторов: особенностей вуза, факультета, специализации, наличия технической, материальной базы, доминирующих требований и установок. Как правило, наиболее успешно научно-исследовательская работа осуществляется тогда, когда она представляет заранее продуманную систему мероприятий, которые необходимо реализовать за время обучения студента в вузе. При этом следует различать два уровня задач: стратегический и тактический. Под первым имеется в виду набор требований, сформулированных в основных документах, постановлениях Министерства образования Российской Федерации. Тактический

уровень организации научно-исследовательской работы студентов предусматривает реальное воплощение этих требований на практике в процессе обучения.

Приобщение студентов к научной творческой работе начинается с первого курса. Это наиболее сложный и трудоемкий вид учебной деятельности, который требует особого внимания. Дело в том, что на уровне школьной подготовки можно говорить лишь о начальной стадии приобщения учащихся к самостоятельной творческой работе. Поэтому поступившие на первый курс выпускники разных школ имеют лишь самые поверхностные представления о научно-исследовательской работе. Важно учитывать данное обстоятельство, чтобы, с одной стороны, не выдвигать крайне завышенных требований к научно-исследовательской работе, с другой — стараться осуществлять индивидуальный подход к ее организации, т.е. учитывать индивидуальные способности студента. От преподавателя требуется доходчивая информация о научно-исследовательской работе, ее формах. Студент должен получить относительно полные сведения о том, что такое курсовая работа, контрольная работа, какими правилами нужно руководствоваться при их написании. Главное на этом этапе — вызвать интерес к творческой исследовательской работе, пробудить любознательность. Как правило, курсовые работы пишутся по базовым теоретическим дисциплинам курса. Важную роль при этом играют следующие моменты: выбор названия темы, составление плана, необходимость сущностного анализа содержания темы. От названия темы курсовой, дипломной работы зависит очень многое, в какой-то мере это предопределяет успех дела. Важно, чтобы тема не была искусственно надуман-

ной. Она должна содержать в себе проблему, которая давала бы студенту уверенность в том, что он делает нужное дело, что работа действительно представляет определенный научный интерес или, по крайней мере, позволяет ему получить знания по интересующему его вопросу.

Цель составления плана — наметить направление научного исследования, логическую последовательность изложения материала. Конструкция плана по форме может быть различной. Главное, чтобы пункты плана правильно отражали наиболее важные аспекты исследуемой темы. С этим моментом тесно связано требование сущностного раскрытия темы. Данное требование на первый взгляд весьма абстрактно, однако без абстрактного подхода невозможно никакое научное исследование. Поэтому на данную сторону исследовательского процесса преподавателю следует обратить особое внимание. Необходимо познакомить студентов с инструментарием научного исследования. Студент должен знать, что такое научные категории, законы, сущность, форма, содержание, цель исследования, тенденции, закономерности, система, целостность. Он должен получить сведения об основных методах научного исследования: индукции и дедукции, логическом и историческом методах, о систематизации, классификации, типологизации, диалектическом и синергетическом методе. Только овладев указанным инструментарием, студент со знанием дела сможет осуществлять научно-исследовательскую работу.

Наряду с вышеназванными аспектами, которые необходимо учитывать при организации научно-исследовательской работы студентов, хотелось бы обратить внимание на некоторые частные моменты.

Во-первых, выбор темы для написания курсовой работы на первом курсе связан с определенными трудностями, главная из которых состоит в том, что студент, как правило, не успевает полностью познакомиться с читаемой дисциплиной. Нужна помощь преподавателя. При этом желательно, как уже говорилось, чтобы выбор темы осуществлялся с учетом интересов и индивидуальных склонностей самого студента.

Во-вторых, студенту необходимо получить общие сведения о том, как работать с литературой, первоисточниками. Нужно ориентировать студента на выработку способности видеть основное, имеющее непосредственное отношение к теме исследования.

В-третьих, практика осуществления руководства по написанию научных работ свидетельствует, что результат наиболее эффективен тогда, когда студент работает над темой в течение ряда лет. Итогом этой работы является написание и успешная защита дипломного проекта. Здесь важен выбор соответствующей темы, правильное структурирование ее содержания, позволяющее в течение ряда лет сохранить преемственность, которая бы обеспечивала рациональное приращение знаний.

В-четвёртых, реальное положение дел свидетельствует, что способностью к самостоятельному научно-теоретическому мышлению на первом курсе обладает незначительная часть студентов. Поэтому преподавателю следует обратить особое внимание на развитие самостоятельных творческих способностей студентов. В этом процессе должны быть задействованы все формы обучения: лекционные, семинарские занятия, написание курсовых, контрольных работ, статей, тезисов.

В этой связи хотелось сказать несколько слов о широко рекламируемой в свое время кампании по «проблемному преподаванию» общественных наук. Она не дала, да и не могла дать должного результата по причине своей надуманности, искусственности, декларативности. Дело в том, что понимание проблем, их теоретическая разработка, внедрение возможны лишь при наличии у студента соответствующего объема знаний. Студент, который впервые воспринимает лекционный материал или читает соответствующую работу, таковых знаний не имеет. Нужно время, чтобы он их приобрел, научился владеть материалом, проблемно мыслить. Имевшая же место кампания по внедрения «проблемного метода» обучения в основном свелась к имитации проблемности, к искусственным манипуляциям, многозначительным «озадачиваниям» вопросами. Заметим, что мы имеем в виду не отрицание значимости проблемного фактора в преподавании общественных наук. Проблемность — это неотъемлемый компонент учебного процесса. Студента нужно учить видеть проблемы, ставить их, решать. Без этого невозможна научно-исследовательская работа. В данном случае речь идет о другом, о том, что нельзя в процессе преподавания абсолютизировать какой-то один подход, метод, вырвав его из общего контекста программы комплексного обучения студентов.

Практика преподавания общественных дисциплин на кафедре политологии факультета управления Кубанского госуниверситета свидетельствует, что учет указанных аспектов дает положительный результат. Преподаватели кафедры уделяют большое внимание организации научно-исследовательской работы студентов, ими накоплен определенный положительный опыт. Вопрос о НИР студентов

— предмет специального рассмотрения и обсуждения на заседаниях кафедры, на методологических и методических семинарах. Хорошо зарекомендовала себя такая форма привлечения студентов к творческой научной работе, как участие в ежегодно проводимой Неделе науки. Интерес студентов к участию в этом мероприятии в последние годы возрастает.

В последнее время большое внимание уделяется вопросу сочетания научной теоретической работы студентов с прикладными исследованиями. Хороший результат дает предзащита дипломных работ, которая позволяет своевременно обратить внимание на имеющиеся недостатки и устранить их. Сказанное лишь в самой общей форме отражает некоторые аспекты работы кафедры по организации и осуществлению научно-исследовательской работы студентов. Это не означает, что здесь не остается проблем, что задействованы все имеющиеся резервы. Таковые, безусловно, имеются, и задача состоит в том, чтобы их своевременно использовать.

Копилка мудрых мыслей

Магистры и аспиранты всегда уверены,
профессора уже сомневаются.

Д. Комеросси

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА

Социально-
экономическое
развитие региона:
проблемы подго-
товки руководя-
щих кадров

*В.П. Окулич-Казарин,
В.И. Чистяков*

Роль экономиче-
ской компоненты
в формировании
среды жизнедея-
тельности челове-
ка

Н.И. Кузьмичева

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ РЕГИОНА: ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ РУКОВОДЯЩИХ КАДРОВ

*В.П. Окулич-Казарин,
В.И. Чистяков*

1. Основные понятия

Рассмотрим терминологию, касающуюся лиц, осуществляющих руководящие функции (руководить, управлять, заведовать, командовать, организовывать, администрировать и т. д.).

Прежде всего это будет наиболее общее понятие «руководитель» — лицо, которое руководит кем(чем)-нибудь (руководить — направлять чью-нибудь деятельность; управлять, заведовать) [1]. Оно предусматривает наличие двух групп понятий руководителя.

В первую группу понятий входят первые руководители: «директор» — руководитель предприятия, учреждения или учебного заведения [1], «председатель» — выборный руководитель организации [1] и «президент» — высшее должностное лицо компании, корпорации [2].

Во вторую группу понятий можно отнести всех остальных руководителей [1, 2]: администратор, бригадир, заведующий, звеньевой, командир, менеджер, начальник, организатор, супервайзер, управляющий. Смысловой анализ терминов второй группы показывает, что они вполне синонимичны и в равной степени могут быть использованы при изложении результатов исследования.

В управленческой деятельности, как и в производственной, имеется горизонтальное и вертикальное разделение труда. Горизонтальное разделение труда предполагает расстановку конкретных руководителей во главе отдельных подразделений аппарата управления: производственного, планово-финансового и проектно-сметного отделов, отделов кадров, организации труда и заработной платы, бухгалтерии и т. п. Вертикальное разделение труда образует уровни управления: генеральный директор, заместители генерального директора, начальники функциональных отделов и т. д. Число уровней управления зависит от размеров предприятия, его географического положения, наличия филиалов или дочерних компаний, от того, моно- или полипродуктивным оно является.

В зависимости от сферы контроля (числа лиц, подчиненных одному руководителю) различают «высокую» (2—3 подчиненных) и «плоскую» (4—6 подчиненных) структуры управления. Чем меньше сфера контроля (норма управляемости), тем больше уровней управления. На предприятиях различных отраслей промышленности сфера контроля (норма управляемости) варьируется в широком диапазоне и может достигать 7—10 человек [3].

Руководителей традиционно делят на три категории [3]:

1) руководители технического уровня (руководители низового звена или операционные управляющие), осуществляющие ежедневные действия по управлению производством;

2) руководители управленческого уровня (руководители среднего звена), осуществляющие координацию отдельных подразделений внутри предприятия;

3) руководители институционального уровня (руководители высшего звена), обеспечивающие осуществление различного рода перемен и т.д. — только представители этого уровня могут относиться к первой группе понятий «руководитель».

Технический уровень управления — это уровень должностных лиц, непосредственно руководящих работой своих подчиненных. На этом уровне функции планирования и организации реализуются в действиях руководителя, стимулирующего и направляющего деятельность работников. Типичные наименования должностей, занимаемых менеджерами этого уровня: мастер, бригадир, начальник группы, агент по закупкам, экспедитор [4]. Таким образом, именно руководители технического уровня должны обучаться общеуправленческим знаниям, умениям и навыкам. Руководители более высоких уровней отличаются от них управленческим опытом, духовными ценностями и специальной подготовкой на базе образования, характерного для руководителя предыдущей ступени управления.

2. Общая характеристика руководителей

В Краснодарском крае на 1 января 1999 г. число зарегистрированных в Едином государственном регистре предприятий и организаций (ЕГРПО) субъектов всех от-

раслей экономики, включая предприятия, объединения, филиалы, обособленные подразделения и крестьянские (фермерские) хозяйства составило 101 347 единиц. Следовательно, в Краснодарском крае должности первых руководителей занимают 101 347 чел. Все они должны иметь соответствующую профессиональную управленческую (менеджерскую) подготовку либо получать общеуправленческие знания, умения и навыки путем переподготовки.

Распределение учтенных в ЕГРПО по Краснодарскому краю хозяйствующих субъектов по формам собственности характеризуется данными, представленными на рис.1. Из них следует, что к государственной и муниципальной собственности принадлежит всего 9% зарегистрированных субъектов (8 761 единица). Подавляющее большинство предприятий и организаций относится к частной собственности (78%).

В результате социологического исследования крупных предприятий в 16 субъектах РФ установлено, что все их первые руководители имеют высшее образование и большой управленческий опыт, полученный в ходе работы в партийных, комсомольских, общественных организациях или в госучреждениях бывшего СССР. Например, в Республике Коми генеральными директорами СП и АО стали 37% выходцев из директорского корпуса, 17% — руководители подразделений, 7% — работники республиканского правительства, 6% — партийных органов, 5% — комсомольских органов, 4% — бывшие работники госаппарата (итого — 76%).

Форма собственности

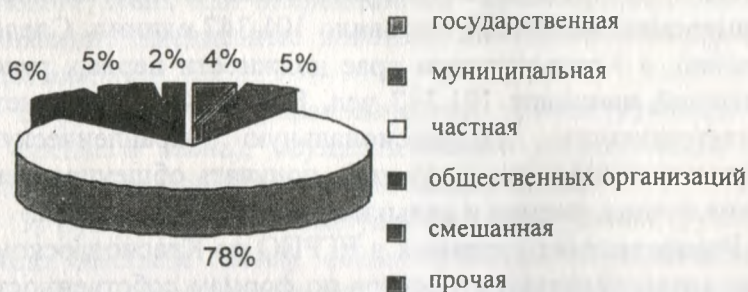

Рис.1. Распределение зарегистрированных в Краснодарском крае хозяйствующих субъектов по формам собственности на 1 января 1999 г.

Возраст представителей данной группы экономической элиты колеблется, в основном, в пределах 36—45 лет.

Из числа опрошенных первых лиц 15% прошли специальную подготовку по менеджменту, 12% получили второе высшее образование, а около 15% имеют ученую степень. Это свидетельствует о стремлении руководителей в охваченных исследованием регионах к повышению образовательного ценза и с некоторыми допущениями может быть экстраполировано на всю Российскую Федерацию.

Однако в масштабах государства показатель специализации, имеющий величину 42%, не может быть достаточным для успешной конкуренции с западными державами. Кроме того, обучение менеджменту прошли всего 15% руководителей. Остальные 85% руководителей (не имеющих специальной менеджерской подготовки), за исключением лиц, повышающих квалификацию методом самообучения,

должны пройти переподготовку на специальных курсах для управленческого персонала или уступить место специалистам, имеющими управленческое образование.

3. Прогноз потребности в руководителях технического уровня

Проведем приблизительную оценку количества руководителей технического уровня для предприятий Краснодарского края и в рамках этой оценки определим доли лиц, которые уже имеют или еще не имеют специальной профессиональной подготовки по менеджменту. Количество руководителей технического уровня, не имеющих специальной подготовки по менеджменту, будем называть прогнозом потребности в руководителях технического уровня. Заранее оговоримся, что такой прогноз носит условный характер, позволяет получить лишь качественную оценку ситуации и акцентировать внимание на проблеме профессиональной подготовки управленческих кадров.

При моделировании кадровой ситуации в Краснодарском крае примем следующие начальные и граничные условия:

1) количество уровней управления среднестатистическим предприятием считаем $M = 3$ в соответствии с общепринятой классификацией — институциональный, управленческий и технический уровни;

2) количество всех руководителей институционального уровня примем равным количеству хозяйствующих субъектов в Краснодарском крае на 1 января 1999 г. и обозначим $I = 101\,347$ чел. Отдельно выделим руководителей институционального уровня для хозяйствующих субъектов негосударственного сектора как наиболее мобильного в

условиях многоукладной экономики и обозначим $I_n = 92\,686$ чел.;

3) долю руководителей, имеющих управленческую подготовку, назовем коэффициентом обученности K и для всех уровней управления независимо от формы собственности хозяйствующего субъекта в первом приближении примем постоянной величиной $K = 15\% = 0,15$;

4) прогнозная оценка числа руководителей технического уровня осуществляется исходя из принятых данных для институционального уровня на 1 января 1999 г. без учета числа заместителей первого руководителя;

5) для определения минимального числа руководителей технического уровня (в том числе в негосударственном секторе), предварительно примем значение нормы управляемости равное двум — высокая сфера контроля — и обозначим его $N_u = 2$.

6) исходные данные, принятые в начальных условиях, используются в расчетах без учета динамики социальных и экономических преобразований. Полученные результаты справедливы только для даты 1 января 1999 г. Но они могут быть экстраполированы по времени для создания общего прогноза.

Расчетный прогноз числа руководителей технического уровня, не имеющих специальной подготовки по менеджменту, выполняется в нижеприведенной последовательности.

1. Определяется количество руководителей управленческого уровня при заданных выше условиях:

общее количество

$$U = I \cdot N_u, \text{ чел.}, \quad (1)$$

в том числе работающих в негосударственном секторе

$$U_n = I_n \cdot N_u, \text{ чел.}, \quad (2)$$

где $У$ — количество руководителей управленческого уровня.

2. Рассчитывается количество руководителей технического уровня исходя из численности руководителей управленческого уровня:

общее количество

$$T = У \cdot Н_u, \text{ чел.}, \quad (3)$$

в том числе работающих в негосударственном секторе

$$T_n = У_n \cdot Н_u, \text{ чел.}, \quad (4)$$

где T , T_n — количество руководителей технического уровня.

3. Определяется количество руководителей технического уровня, не имеющих специальной подготовки по менеджменту:

общее количество

$$T' = T (1 - K), \text{ чел.}, \quad (5)$$

в том числе работающих в негосударственном секторе

$$T'_n = T_n (1 - K), \text{ чел.}, \quad (6)$$

где T' , T'_n — количество руководителей технического уровня, не имеющих специальной подготовки по менеджменту.

На рис.2 в графическом виде приведены результаты расчетов количества руководителей технического уровня, не имеющих специальной подготовки по менеджменту, при различных принятых значениях нормы управляемости ($Н_u = 1-4$).

Анализ данных, приведенных на рис.2, показывает, что в Краснодарском крае общее расчетное количество руководителей технического уровня, не имеющих специальной подготовки по менеджменту, при принятой норме управляемости $Н_u = 2$ составляет около 345 тыс. чел. Из них

работают на предприятиях более мобильного негосударственного сектора немногим более 315 тыс. чел. При повышении нормы управляемости до $H_y = 4$ количество руководителей технического уровня, не имеющих специальной подготовки по менеджменту, возрастает по нелинейной зависимости и достигает 1 260—1 380 тыс. чел.

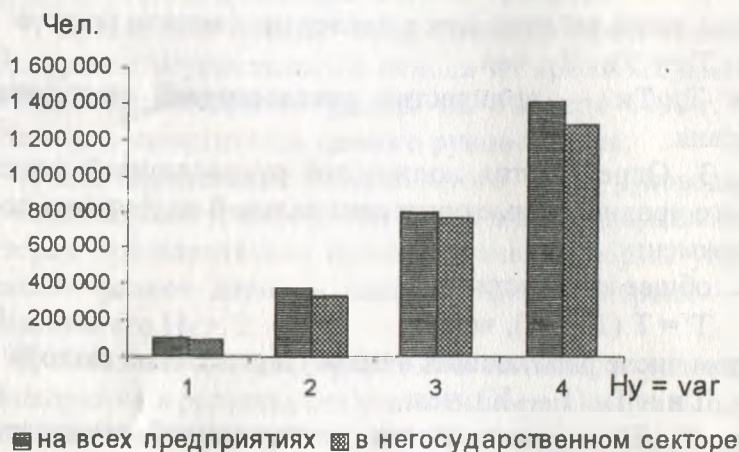

Рис.2. График зависимости расчетного числа руководителей технического уровня в Краснодарском крае, не имеющих специальной подготовки по менеджменту

Таким образом, минимальная численность руководителей технического уровня, не имеющих специальной подготовки по менеджменту, имеет место при трехуровневой системе управления с нормой управляемости $H_y = 2$ и при степени обученности $K = 0,15$. В этом случае минимальное количество руководителей технического уровня, которым необходимо получить менеджерское образование, иными

словами, прогноз потребности в руководителях технического уровня на 1 января 1999 г. составлял около 345 тыс. чел. В том числе, прогноз потребности в руководителях технического уровня, работающих в негосударственном секторе, — более 315 тыс. чел.

4. Оценка возможности системы высшего образования Краснодарского края по подготовке менеджеров технического уровня

Далее сравним прогнозную потребность в управленческих кадрах технического уровня с возможностями краевой системы высшего профессионального образования. В 1993 г. на первый курс в государственные вузы Краснодарского края было принято около 9 200 студентов, в негосударственные — около 6 500 студентов [5]. Общее количество первокурсников, принятых в вузы Краснодарского края в 1993 г. (и окончивших обучение в 1998 г. — далее будем считать на дату 1 января 1999 г.), составляет 15 700 чел.

Если абстрагироваться от действительности, то можно допустить, что все $B = 15\,700$ студентов в 1998 г. были выпущены с дипломами, знаниями и умениями по управленческим специальностям (так называемая 100-процентная подготовка «командиров производства»). Приняв при этом еще одно допущение, а именно: число ежегодно выпускаемых менеджеров 15 700 чел. и количество руководителей технического уровня, не имеющих специальной управленческой подготовки, 344 579 чел. есть величины постоянные, определим период времени Π для удовлетворения потребностей рынка труда в обученных менеджменту

управленческих кадрах. Этот период может быть математически вычислен как частное от вышеназванных величин:

$$П = T' / B, \text{ лет}, \quad (7)$$

где B — ежегодный выпуск специалистов с высшим образованием, чел/год.

Подставив соответствующие значения в формулу (7), получим искомый результат для общего количества руководителей технического уровня, не имеющих управленческой подготовки $П = T' / B = 344\,579 / 15\,700 = 21,95$ лет, начиная с выпуска 1998 г. Аналогичный показатель для негосударственного сектора составляет 20,07 лет.

Даже если в среднем по краю принять одноуровневую структуру управления (рис.2), то период времени для удовлетворения потребности в обученных руководителях составит $П = И' / B = 86\,145 / 15\,700 = 5,49$ года с момента первого выпуска (т. е. реально только через 10,5 года после первого приема). Для негосударственного сектора этот период $П = 78\,783 / 15\,700 = 5,02$ года.

Доля гуманитарных наук (экономический анализ, маркетинг, коммерческая деятельность, бухгалтерский учет, менеджмент и т.д.) в государственной структуре высшего профессионального образования края составляет 23,9%, или около 2 200 чел., из которых лишь малая часть обучается непосредственно менеджменту [5]. Учитывая это обстоятельство наряду с отсевом студентов и наличием шестилетнего обучения, констатируем факт, что период времени $П$ для удовлетворения прогнозной потребности края в руководителях технического уровня возрастает в несколько раз. Если к прогнозному числу обучаемых добавить сопутствующий управлению личный административный аппарат (секретарь, референт, аналитик, помощник

и т. д.), который тоже должен быть обучен общеуправленческим знаниям, умениям и навыкам, то мы увидим еще большее усугубление кадровой ситуации.

Из результатов проведенного аналитического исследования взаимосвязи и взаимообусловленности между количеством предприятий всех форм собственности, численностью их первых руководителей, средней долей обученности руководителей менеджменту, общепринятой структурой управления и сферой контроля, потенциалом системы высшего профессионального образования в Краснодарском крае вытекают следующие выводы и рекомендации:

1. Сопоставление количества руководителей, не имеющих профессиональной подготовки по менеджменту, с возможностями краевой системы высшего профессионального образования выявляет важное *противоречие*: потребности рынка труда в Краснодарском крае в принципе *не могут быть обеспечены* руководителями технического уровня с управленческим образованием при существующей структуре приема абитуриентов и системе подготовки специалистов.

2. Заполнение руководящих должностей лицами, не имеющими специальной подготовки по менеджменту, приводит к управленческим ошибкам и в итоге к замедлению темпов экономического роста. Следовательно, решение проблемы профессиональной подготовки руководителей технического уровня — *государственная задача*.

3. Она может быть реализована только за счет разработки качественно нового подхода к вопросу профессиональной подготовки руководителей. Рекомендуется *изменить систему и технологию подготовки руководящих кадров* на основе требований многоукладной экономики, про-

тиворечивого единства личностной структуры руководителя и анализа передового опыта подготовки менеджеров.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Назаров Е.Я., Муромцев С.В., Сташевская И.А. и др. Разработать концепцию образования кадров АПК для обеспечения производства конкурентоспособной продукции в Краснодарском крае: Отчет о НИР. Краснодарский региональный институт агробизнеса. Краснодар, 1999.
2. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 1997.
3. Основы менеджмента: Учеб. пособие / А.Ф. Андреев, Н.В. Гришина, С.Г. Лопатина и др.; Под общ. ред. С.Г. Лопатиной. М., 1999.
4. Современный словарь иностранных слов. М., 1993.
5. Чистяков В. И., Марченко В. П. Программа развития высшего образования Краснодарского края на 1994—1995 гг. Краснодар, 1994.

Копилка мудрых мыслей

Лучшее в мире образование дается в борьбе за выживание.

Филлипс

Мы должны жить и учиться, но к тому времени, когда мы всему научимся, жить уже будет слишком поздно.

Неизвестный автор

РОЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ КОМПОНЕНТЫ В ФОРМИРОВАНИИ СРЕДЫ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Н.И. Кузьмичева

После десяти тысяч лет истории человек впервые стал полностью проблематичным. Он уже не знает, кто он, откуда, каковы его перспективы, но знает об этом незнании.

Сегодня, размышляя о своей природе, человек хочет прежде всего понять, почему он на рубеже тысячелетий оказался в конфликте с собой, с природной и социальной средой. Пытавшийся занять привилегированное место во вселенной, уверенный в себе, в том, что его безопасности ничто не угрожает, современный человек вдруг обнаружил, что находится в противоречии с самим собой, причем противоречие в процессе эволюции нарастает и принимает все более антагонистическую форму — противоречие между экологической и социальной сторонами его собственной сущности на различных уровнях бытия. И как следствие, рост заболеваний (особенно психических), суицидов, смертности на фоне растущего благосостояния. Поэтому данное противоречие мы осмелимся назвать основным противоречием современной эпохи.

Для понимания сути происходящего необходимо, по словам М. Бубера, «осмотрительно поместить человека в природу, сравнить его с другими вещами, с другими животными, с другими сознательными существами, чтобы уверенно отвести ему соответствующее место. Лишь следуя этому двойственному пути различения и сравнения, можно охватить всего человека» [4, с.20—21] и определить природу как его конфликта, так и его гармонии.

Современные биологи, занимающиеся изучением человека, придерживаются мнения о том, что человек имеет общую со всеми животными историю. Но на каком-то этапе этой истории, выражаясь языком биологической антропологии, «человек выпал из природного порядка и его действия должны компенсировать отсутствие регуляторов или внести исправления в те из них, что стали неточными и влекут за собой ошибки» [1, с.104].

Каковыми же были действия человека на протяжении всей его истории? Он — единственное существо, ответственное за деградацию биосферы — процесс, который, с точки зрения экологов, еще не достиг своего апогея. Многие видные экологи, социологи, экономисты, обеспокоенные происходящим, начиная со второй половины 1970-х гг. объединили свои усилия, чтобы ради спасения планеты выработать новый подход к построению взаимоотношений между человеком и средой его обитания — концепцию устойчивого развития. Согласно определению Международной комиссии по окружающей среде и развитию, под устойчивым понимается такое развитие, при котором удовлетворение потребностей современного человека не ставит под угрозу благополучие последующих поколений и их способность удовлетворять собственные насущные потребности. Это подразумевает, что ключевые физические константы (состав воздуха, воды, почвы и др.), генофонд, участки основных экосистем должны с течением времени сохранять постоянное значение.

Какова же роль в грандиозном разрушении биосферы экономической компоненты жизнедеятельности человека и что нужно сделать для исправления положения? Любой

человек от рождения до смерти ежедневно ищет различные способы выживания, приспособлявая экологические процессы к собственным потребностям. При этом его биологическая субстанция также должна рассматриваться как экологический процесс. Этот поиск средств существования на основе приспособления элементов природной среды для удовлетворения потребностей именуется хозяйственной, или экономической, деятельностью человека. В основе этой деятельности лежит производство продукта. Но производство — это не просто создание благ, производство — прежде всего приспособление экологических процессов к потребностям человека.

В процессе эволюции человеческий род совершенствовал методы этого приспособления. В результате новые орудия труда и непрерывно обновляющаяся технология позволили человеку бездумно изуродовать поверхность Земли. Исследуя экономические формы общественной жизни людей от древности до наших дней, с горечью можно заметить, что развитие умственных способностей первобытного, а затем современного человека сопровождалось приобретением пагубных привычек, как правило, не свойственных животным. Эти привычки, а также жадность и легкомыслие привели к разрушению среды обитания, и в данном процессе ведущая, определяющая роль принадлежит экономической компоненте.

Среда обитания любого организма — это «не только физическое пространство, занимаемое организмом, но и функциональная роль организма в сообществе, и его положение относительно градиентов внешних факторов — температуры, влажности, почвы и других условий сущест-

ования. Следовательно, она зависит не только от того, где он живет, но и от того, что он делает (как он преобразует энергию, каково его поведение, как он изменяет среду) и как он ограничен другими видами» [2, с.303].

Рассматривая природу основного противоречия современного человека на всех уровнях бытия, следует заметить, что экологическая субстанция человека сформировалась в доисторическую эпоху в определенном экосоциальном пространстве при определенных условиях. Сегодня этих условий нет, а экологические параметры человека в основном остались прежними. Это произошло главным образом благодаря экономической деятельности человека — производя, созидая, хозяйничая, он при этом разрушил собственный дом и себя.

Огонь, без сомнения, был первым техническим завоеванием человечества. До тех пор пока человек не подчинил себе огонь, он жил в идеальной гармонии с природой, во всяком случае с экологической точки зрения. Влияние наших немногочисленных и далеких предков из нижнего палеолита на окружающую среду было весьма ограниченным. Будучи составной частью экосистемы и одним из многочисленных элементов биоценоза, они, как и все другие виды, участвовали в круговороте веществ и распределении приходящей энергии. В этот период человек дышал доисторическим воздухом, в котором отсутствовали кислоты, свинец и т.д. Важнейшими условиями были: определенная продолжительность светового дня, низкий уровень шума, разнообразная пища (но не более, чем предполагал метаболизм), чистая вода, минимальный контакт с микробами. Человек жил в гармонии не только с природой,

но и с социумом, который отвечал за индивида, эмоционально, чувственно его поддерживал. Человек имел возможность повседневно общаться с членами семьи, что не исключало в определенных пределах одиночества. В этот период преобладал физический труд, человек вел себя спонтанно, творчески, обучался ремеслу.

С переходом к земледелию человек удаляется от природы, становится ей чужим, разрушая перечисленные условия собственной жизнедеятельности. В начале неолита с возникновением сельского хозяйства воздействие человека на биосферу увеличилось во много раз. Начался небывалый демографический рост. Бесспорно, это вторая технологическая революция в истории человечества, благодаря которой в разных частях света были заложены основы классовой структуры общества. Развитие сельского хозяйства вызвало первое серьезное антропогенное потрясение биосферы.

Интенсивное использование огня доисторическими пастухами для создания выгонов домашним животным привело к уничтожению многочисленных первичных биосистем еще несколько тысячелетий назад.

Необратимые изменения окружающей среды во многих районах Земли произошли уже к началу нашей эры: Тем не менее до недавнего времени, несмотря на прогресс культуры и техники, различные цивилизации сохраняли общую экономическую основу, восходящую к неолиту, поскольку они все представляли главным образом аграрные общества. Несмотря на возрастающее значение городов и индустриализацию, большинство населения существовало за счет сельского хозяйства. В связи с этим воздей-

ствие человека на природу, в сущности, нисколько не изменилось вплоть до середины XVIII в., когда использование многочисленных научных открытий зарождающимся капитализмом положило начало современной индустриальной цивилизации.

Во второй половине XIX в. вместе с появлением современной индустрии перемены стали особенно значительными. Индустриальная цивилизация породила человека экономического, научного, технологического. Разрушая природу, он создает свою, искусственную среду обитания, свой мир, ориентируясь лишь на создаваемые им же собственные потребности, которые давно уже перешли границу естественных потребностей, став потребностями искусственными, а во многом и противоестественными.

Изучение структуры и функционирования экосистемы человека в современном промышленно развитом обществе позволяет заключить, что в экологических границах она характеризуется источниками воздействия, которые неправомерно нарушают ее естественное равновесие. Никакой живой организм не может эксплуатировать окружающую среду, пренебрегая законами круговорота веществ и в такой степени, которая несовместима с постоянством биоценозов. Любое существо, пытающееся потреблять больше того, что производит экосистема, частью которой он является, обречено на вымирание.

Возможность неограниченного роста потребления человечеством, численность которого постоянно увеличивается, это миф, в него верят разве что технократы, не понимающие или не способные понять, что человек — это часть экосферы. В силу этого его деятельность, и прежде

всего экономическая, должна строиться в соответствии с законами экосистемы. Сами экологические процессы человек не вправе рассматривать лишь как объект хозяйствования или фактор производства. Они являются основным, базовым условием его нормальной жизнедеятельности, функционируя по собственным законам независимо от знания или незнания человеком этих законов.

Перспективы выживания человека и человечества зависят сегодня главным образом от того, сможет ли современный человек преодолеть антагонизм со средой, порожденный чрезмерно активной экономической деятельностью; сможет ли гармонизировать отношения как с природой, так и с социумом, т.е. отыскать другие способы организации и построения экономической деятельности в теоретическом и практическом плане. Традиционная теоретическая экономика, к сожалению, в столь сложном деле не помощница. В этой связи трудно не согласиться с мнением профессора Ю.М. Осипова: «Мы не можем не констатировать той неудовлетворенности от теоретической экономики, особенно современной, которую испытывает мало-мальски... размышляющий человек. Он не может уже пройти мимо заведомой ограниченности теоретической экономики, ее известной оторванности от реальности, ... как и заметной слабости перед лицом многих фундаментальных вопросов ...теоретическая экономия... уже давно во многом идет на холостом ходу, лениво и безразлично перебирая свои категориальные четки» [3, с.51.] Что и говорить, жизнь идет своим путем, а наука — своим. Общетеоретическое знание сегодня либо далеко от реальности, либо прямо искажает эту реальность, либо говорит удовлетворительно только о части реальности.

Осмысление грядущей эволюции социума предполагает выявление основных принципов композиции будущего социума. Для выяснения, конструирования и преобразования схем экономической деятельности сегодня необходима разработка нового методологического подхода, который позволил бы интегрировать знания многих наук — биологии, истории, социальной экологии, политической экономики — с опорой на философскую антропологию. Лишь новая методология исследования экономической компоненты общества обеспечит целостное рассмотрение человека во всем многообразии его внутренних и внешних связей, этого «разумного животного», находящегося в постоянном биологическом и культурном развитии, эволюционирующего и прогрессирующего, как сама жизнь, в битве за которую, создав современную экономику, он явно сбился с пути.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Блюменберг Х. Антропологическое приближение к актуальности риторики / Это человек: Антология. М., 1995.
2. Одум Ю.П. Основы экологии. М., 1975.
3. Осипов Ю.М. Философия хозяйства: В 2 кн. М., 2001.
4. Buber M. *Quen es Hombre?* Mexico, 1954.

ЧЕЛОВЕК В МИРЕ

Об объективных и субъективных факторах, обуславливающих достижение акме человеком

А.А. Бодалев

Управление интегративным развитием памяти детей (постановка проблемы)

Н.В. Захарюта

ОБ ОБЪЕКТИВНЫХ И СУБЪЕКТИВНЫХ ФАКТОРАХ, ОБУСЛОВЛИВАЮЩИХ ДОСТИЖЕНИЕ АКМЕ ЧЕЛОВЕКОМ

А.А. Бодалев

Одним из результатов развития человека как индивида, личности, субъекта деятельности на этапах, предшествующих достижению им ступени взрослости, и на самой этой ступени является выход его на уровень оптимума в развитии. Этот оптимум, или пик, или акме, в развитии каждого человека характеризуется индивидуально неповторимым своеобразием, за ним стоит единственный в своем роде жизненный путь того, кто именно к такому, а не другому акме поднимался, врожденные и приобретенные характеристики самого того человека, который именно такого акме достиг [2].

Однако это не исключает, а, наоборот, предполагает выявление и изучение объективных и субъективных факторов,

которые благоприятствуют или мешают движению к акме разных людей. Следуя этому положению, в данной статье проанализируем причины, определяющие особенности достигаемых людьми акме в основных для них видах деятельности, начатые в наших более ранних работах [3; 4]. Попытаемся расширить и углубить этот поиск и осмыслить названные причины, привлекая категории необходимости и случайности, возможности и действительности, сущности и видимости, феномена бифуркации, а также установить степень влияния на результаты их действия самого человека с его потребностями, способностями и характером.

Движение человека к своему акме предполагает единство необходимости и случайности. Оно обусловлено не только характером той большой и далеко отстоящей во времени цели, которую, исходя из оценки своих способностей, решает достигнуть человек, более или менее адекватно осознавая общественную потребность в том имеющем материальную или духовную форму продукте, в котором воплотится эта цель. Оно, это движение, со всеми его главными особенностями, конечно, всегда обусловлено и уровнем мастерства человека, актуализирующего свои способности в конкретной деятельности, направленной на реализацию цели, субъективно главной для него.

Однако каким в конечном итоге оказывается это движение, успешным или неуспешным, и в какой в конце концов выливается результат, — это всегда зависит и от объективных случайных факторов, вторгающихся в жизнедеятельность человека, поставившего перед собой большую цель и направляющего свои усилия на ее достижение.

Среди этих факторов могут оказаться и неординарные природные явления, и техногенные катастрофы, и так на-

зываемые несчастные случаи, резко ломающие нормальный ход жизни человека, дезорганизующие или просто прекращающие его основную деятельность. Таким негативным фактором могут выступать и социальные катаклизмы, например, войны или революции, и вторжение в его наполненную творчеством повседневность людей, из зависти или других низменных побуждений стремящихся помешать человеку реализовать свою цель (иногда даже ценой его физического уничтожения).

Как подтверждение справедливости сказанного, вспомним последствия для академика Л.Д. Ландау автомобильной аварии, в которую он попал, или обстоятельства смерти академика В.А. Легасова после катастрофы на Чернобыльской АЭС, или гибель во Владимирской тюрьме великого генетика Н.И. Вавилова как трагический финал травли, инициированной всемогущим лжеученым Т.Д. Лысенко, поддерживаемым официальной властью страны, или невыносимо трудные условия для творчества М.А. Булгакова, созданные недоброжелателями писателя в последние годы его жизни.

Но объективные случайные факторы, которые более или менее неожиданно дают о себе знать, когда человек физически и психически мобилизует всего себя на достижение большой цели, могут и благоприятствовать ему в решении этой субъективно значимой для него задачи. Так, например, общеизвестно вмешательство в судьбу М.В. Ломоносова сподвижника Петра Великого Феофана Прокоповича, настоявшего, чтобы М.В. Ломоносова не исключали из Славяно-греко-латинской академии за то, что Ломоносов выдавал себя за сына священника. Восхищенный любознательностью юноши, его острым умом и глубиной проникновения в суть вещей, Прокопович будто бы

сказал тогда: «Не бойся ничего. Когда бы со звоном в большой московский соборный колокол стали тебя публиковать самозванцем, я твой защитник» [8, с. 177].

Много лет спустя, когда М.В. Ломоносов был утвержден в звании профессора основанной еще Петром Первым Академии наук, стоявший во главе ее бюрократ от науки Шумахер, надеясь опорочить его как ученого, тайно от Ломоносова послал его труды на отзыв великому Леонарду Эйлеру. Но Эйлер, вопреки ожиданиям Шумахера, написал в своем отзыве: «Все сии диссертации не токмо хороши, но и весьма превосходны, ибо он пишет о материях физических и химических весьма нужных, которые поныне не знали и истолковать не могли самые остроумные люди, что он учинил с таким успехом, что я совершенно уверен в справедливости его изъяснений. Желать должно, чтобы и другие Академии в состоянии были произвести такие откровения, какие показал Ломоносов» [8, с.316].

Естественно, что в реальной жизни одним людям, направляющим свою деятельность на достижение большой цели, или высокого уровня своего акме, чаще удается попадать в ситуации, которые помогают им быстрее и успешнее осуществлять свои намерения; у других такой возможности объективно не оказывается вовсе или от всего своего и более далекого, и непосредственного окружения они получают очень слабую поддержку.

Рассматривая все составляющие движения человека к акме, анализируя и оценивая само это акме, мы каждый раз выходим, помимо действия фактора случайности и необходимости, на проблему возможности и действительности, т.е. речь идет о том, что человек при его индивидуальном, личностном и субъектном потенциале мог и хотел сделать и

что у него получается в реальной жизни, и прежде всего в основной для него деятельности.

Так, например, Т.Д. Лысенко как агробиолог сформулировал ряд сенсационно звучащих положений, которые, однако, не получили экспериментального подтверждения и производственного приложения. Тем не менее он стал академиком, президентом ВАСХНИЛ, Героем Социалистического Труда, трижды получал Государственную премию СССР.

Противоположный пример: гениальный В.И. Баженов проектировал великолепные архитектурные ансамбли, большинство которых, так и осталось на бумаге или в виде макета. Реальные же заказы на возведение зданий и комплексов получили менее даровитые архитекторы.

Отчего так бывает в жизни, что посредственности или проходимцы высшего пошиба, «обволшебливая» окружающих, выглядят как значительные персоны, сотворившие неординарные труды, а действительные создатели нового, которое станет вкладом в ценности жизни и культуры, обществом игнорируются? Причин, порождающих этот феномен, много, и они подробно разбираются в другой нашей работе [3]. В этом же контексте следует назвать две: 1) кто в обществе дает оценку человеку и его трудам, насколько она выгодна власти; 2) какой характер у настоящего творца и у псевдотворца. Как известно, одни люди в своем повседневном поведении не скрывают своей истинной сущности. Они искренни и открыты в общении и в своих трудовых деяниях. Другие всячески маскируют свою внутреннюю пустоту и преуспевают в создании у окружающих впечатления о своей личностной и профессиональной значительности. Если в структуре личности настоящих творцов доминирует установка «быть», то в

структуре их антиподов постоянно работает установка «казаться».

Это всегда конкретное для каждого человека взаимодействие субъективного и объективного факторов (единство необходимости и случайности, возможности и действительности) дает нам в конечном итоге индивидуальную судьбу опять же совершенно конкретного человека [10].

Причем, когда мы начинаем более многосторонне и многоуровнево анализировать индивидуальные, личностные и субъектные проявления самого человека, которые предшествуют реализации им большой цели и тем самым достижению им акме или, наоборот, отдаляют его от них, то за всем этим очень отчетливо проступает феномен бифуркаций.

Достигнув очередной критической точки на своем жизненном пути или попав в острую ситуацию, человек обычно оказывается перед выбором, какое решение из возможных нескольких принять и какое деяние или какой поступок совершить, чтобы реализовать это решение.

Осуществив этот выбор на уровне своих ума, чувств, воли и практического действия, человек фактически предопределяет характер своей жизнедеятельности и особенности своего развития до достижения им следующей критической точки на своем жизненном пути или встречи с неординарной для него ситуацией. Можно даже утверждать большее: выбор и его осуществление в одной определенной критической точке или в одной столь же определенной критической ситуации со значительной долей ве-

¹ «Быть» для названной категории людей означает на высоком уровне ответственности перед собой и перед обществом совершать поступки, отвечающие сути сформировавшегося у них нравственного императива, и осуществлять деяния, объективируя весь потенциал имеющихся у них способностей.

роятности будут программировать характер следующих критических точек и ситуаций и набор возможных вариантов выборов, принимаемых при их прохождении решений и их последующего осуществления [5].

Указанную тенденцию очевидно обуславливает становящийся типичным для человека способ связи его потребностей и способностей, соответствующий индивидуальному своеобразию его характера [1].

Так, если снова вспомнить М.В. Ломоносова, то ему с его сильнейшим образом выраженной потребностью познавать еще не ведомое науке его времени и ярчайшими способностями гения поднимать изучение этого неведомого до уровня выявления его феноменологии, закономерностей и механизмов и затем эти знания делать общим достоянием приходилось для этого раз за разом, проявляя бескомпромиссность своего характера, буквально проламывать стену невежества, равнодушия, лени мысли и откровенного и скрытого саботажа тех, кто по своему положению должен был, но не умел или не хотел, чтобы учреждение, в котором они работали, стало не по названию, а по своей сути Российской академией наук [8].

То же с полным правом можно сказать о маршале Г.К. Жукове. Обладавший сильнейшей потребностью отдавать всего себя решению только на оптимальном уровне задач, которые возникали перед ним как военачальником и в мирное, и в военное время, и неизменно по максимуму мобилизовывать все свои способности для этого, Г.К. Жуков не изменял этой особенности своей натуры и тогда, когда его поддерживало руководство, включая И.В. Сталина, и когда его совершенно неоправданно и во вред делу снимали с занимаемых постов, понижали в должности [7].

К.М. Симонов, отмечая эти качества великого полководца, пишет о них так: «Характер этого человека всегда оставался неподатливым перед внешними обстоятельствами. Обстоятельства менялись, а человек оставался самим собой. И эта неизменяемость характера была не только свидетельством нравственной силы, но и ее источником. Сознание своей способности не поддаваться обстоятельствам в свою очередь увеличивало эту неподатливость» [9, с.327].

Эти приведенные примеры связи между потребностями, способностями и сформировавшимся у человека характером достаточно редки и отмечаются, как правило, у неординарных людей. В массе других случаев эти связи иные. Однако примеры потребностей, способностей, характера и очень определенных связей между ними у двух выдающихся граждан России снова убеждают в том, что необходимым условием достижения человеком во всех отношениях большого акме является доминирование в структуре его мотивационных побуждений потребности, содержанием которой выступает общечеловеческая ценность, ставшая на уровне и знания, и переживания самой значимой для него ценностью. Наличие такой ценности в системе побуждений человека придает высокий смысл основной для него деятельности и, задавая единство цели, определяет стратегию его жизни в целом.

Вместе с тем приведенные примеры и другие подобные им случаи развития и структурирования личностных и субъектных характеристик у ряда выдающихся людей (В.М. Бехтерев, С.П. Королев, Д.И. Менделеев и др.) свидетельствуют о том, что сформированность в мотивационной сфере человека высокого уровня потребности, в которой находит отражение большая общечеловеческая цен-

ность (или ценности), — это только одно из обязательных условий достижения человеком неординарного акме в основной для него деятельности, хотя оно и прямо сказывается на характере и интенсивности мотивации повседневных деяний человека, инициирует его большую самоотдачу и высокую ответственность во время решения задач, составляющих суть его основной деятельности [6].

Другим столь же необходимым условием достижения человеком значимого по всем параметрам акме в основной для него деятельности выступает идущее по восходящей непрерывное развитие его способностей и постоянное использование их на максимально возможном уровне при решении встающих перед ним задач.

Но приведенные примеры жизнедеятельности двух великих россиян — М.В. Ломоносова и Г.К. Жукова, сумевших подняться в своем развитии до уровня высочайшего акме, говорят очень убедительно и о том, что формировавшиеся в их личности потребности и способности исключительно продуктивно сопрягались друг с другом на всех этапах жизненного пути их владельцев и в так называемых нормальных и в предельно экстремальных ситуациях потому, что именно на такую их связь очень эффективно работали характеры М.В. Ломоносова и Г.К. Жукова — цельные, непротиворечивые, независимые, с исключительно сильным волевым началом.

Подведем итог сказанному выше. Когда мы ищем причины, которые в одних случаях помогают людям достигать выдающихся результатов в основной для них деятельности, а в других случаях на уровень акме они подняться не могут, хотя у них для этого есть все основания, мы обязаны рассматривать во взаимосвязи друг с другом все объективные и субъективные факторы, которые определяют раз-

витие человека как личности и как субъекта деятельности и очень конкретно воздействуют на главные особенности его деяний на каждом из этапов его жизненного пути. Конечно, данную задачу эта статья не решает. Она лишь ставит проблему рассмотрения процесса достижения или недостижения человеком акме, привлекая для лучшего понимания его особенностей, категории необходимости и случайности, возможности и действительности, феномен бифуркации, а также показывает, как на результаты их действия может влиять сам человек с его потребностями, способностями и характером.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Абульханова К.А., Березина Т.Н. *Время личности и время жизни*. СПб., 2001.
2. Ананьев Б.Г. *Человек как предмет познания*. Л., 1968.
3. Бодалев А.А. *Вершина в развитии взрослого человека: характеристики и условия достижения*. М., 1998.
4. Бодалев А.А., Рудкевич Л.А. *Как становятся великими или выдающимися?* М., 1997.
5. Бранский В.П., Пожарский С.Д. *Социальная синергетика и акмеология*. СПб., 2001.
6. Деркач А.А. *Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Развитие ценностной сферы профессионала*. М., 2001.
7. Жуков Г.К. *Воспоминания и размышления*. М., 1971.
8. Морозов А.А. *Михаил Васильевич Ломоносов, 1711—1765*. Л., 1952.
9. Симонов К.М. *Глазами человека моего поколения*. М., 1998.
10. Чудновский В.Э. *Смысл жизни и судьба*. М., 1998.

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕГРАТИВНЫМ РАЗВИТИЕМ ПАМЯТИ ДЕТЕЙ (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)

Н.В. Захарюта

Ведущими отечественными и зарубежными учёными доказано, что дошкольное детство — самоценный период в жизни человека, в котором формируются психические процессы, свойства и качества личности, имеющие непреходящее значение.

Определённый уровень развития памяти является одним из необходимых условий полноценного развития личности ребёнка, интенсивного приобретения информации, развития творческих способностей, формирования самостоятельности, активности и др. Память — основа всякого научения. В процессе обучения ребёнок обогащает свою память знаниями, не только полученными в результате своего личного опыта, но и теми, которые добыты предшествующими поколениями. Без такого накопления невозможна никакая человеческая деятельность, никакой физический и умственный труд [1; 4; 8; 13 и др.].

Память ребёнка (человека) — не просто запоминание, сохранение и последующее воспроизведение индивидом его опыта, как это считалось ранее. В свете современных исследований психофизиологии доказано, что память — сложная система многоуровневого и многоступенчатого перекодирования информации, в которой соединены два начала — биологическое (природная память — мнема) и социальное, связанное со средой, с возможностями управления собственной памятью, с овладением способами её организации и развития. С.А. Изюмова отмечает, что «эти

два аспекта памяти исследуются, как правило, отдельно в неперекрещивающихся работах» [5, с.13].

Современная наука одной из важных задач образования XXI в. ставит интегративное развитие личности [10].

Интеграция в дошкольном образовании так же, как и в школьном, представляет собой объединение богатейшего исследовательского опыта по определённым направлениям развития личности детей и внедрение его в воспитательно-образовательный процесс дошкольных учреждений. Считаем, что только при этом условии можно реализовать задачу, указанную в Национальной доктрине образования РФ: «Разностороннее и своевременное развитие детей и молодёжи, их творческих способностей, формирование навыков самообразования, самореализации личности» [9].

Интегративное развитие памяти детей становится возможным только в настоящее время благодаря фундаментальным исследованиям, проведённым отечественными психологами П.П. Блонским, Л.С. Выготским, Л.В. Занковым, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьевым, А.П. Нечаевым, А.А. Смирновым и др. Исследование проблем памяти было продолжено в работах З.М. Истоминой, В.Я. Ляудис, Т.В. Розановой, В.Д. Шадрикова, а также их учеников и последователей.

Рассмотрим некоторые итоги этих исследований, так как они служат основой разработки психотехнологии интегративного развития памяти.

Учёные получили различные данные об особенностях произвольной и произвольной образной памяти дошкольников (как кратковременной, так и долговременной), её взаимосвязи с интеллектуальным и личностным развитием ребенка. У детей дошкольного возраста все психологи от-

мечают интенсивное развитие способности к запоминанию и воспроизведению. На основе многочисленных экспериментов они пришли к выводу, что в этом возрасте запоминание является произвольным и непосредственным, т.е. без постановки цели запомнить и без специально направленных на это усилий. Запоминание осуществляется в процессе деятельности и зависит от её характера. У младших дошкольников произвольное запоминание и произвольное воспроизведение — единственная форма работы памяти. У средних дошкольников начинают складываться произвольные формы запоминания и воспроизведения, которые существенно совершенствуются у старших дошкольников. *Произвольное логическое запоминание* — это целенаправленный опосредствованный процесс, включающий определённые мнемические приёмы, или способы запоминания.

Уже в первых исследованиях Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева показана зависимость запоминания от характера деятельности детей, от использования ими специально предлагавшихся средств (картинок и пр.), выявлены стадии овладения ребёнком смысловым запоминанием, экспериментально доказан больший эффект опосредственного запоминания по сравнению с непосредственным. В исследованиях П.И. Зинченко, А.А. Смирнова и других ученых дана развёрнутая характеристика приёмов осмысленного запоминания, в основе которых лежат процессы мышления. Однако испытуемыми в этих исследованиях были школьники и взрослые. Дети-дошкольники принимали участие в исследованиях лишь в сравнительных целях.

Вопрос об эффективном развитии логического запоминания в дошкольном возрасте стал изучаться только в

последние десятилетия, хотя «именно этот вопрос особенно важен для улучшения мнемической деятельности¹ детей (главным образом дошкольного и младшего школьного возраста)» [11, с.16].

К числу специальных работ, посвящённых данному вопросу, следует отнести исследования по формированию у дошкольников классификации как приёма логического запоминания и приёма смыслового соотнесения запоминаемых объектов [7].

В цикле работ, выполненных под руководством З.М. Истоминой, было продолжено изучение закономерностей развития произвольной смысловой памяти у детей, путей её совершенствования. Так, Н.М. Гнедовой доказана возможность самоконтроля в мнемических процессах детей дошкольного возраста и его влияние на продуктивность памяти. В исследовании Н.В. Захарюта [3] представлены данные о возможностях старших дошкольников в овладении наиболее сложным мнемическим приёмом — смысловой группировкой связных текстов, или составлением плана. Т.М. Капуновой выявлена зависимость разных видов материала от мыслительной активности детей. А.Н. Белоус получены данные о возможности овладения одними и теми же детьми уже двумя мнемическими приёмами: смысловым соотнесением и смысловой группировкой объектов. С.П. Лебедевой вскрыты некоторые особенности наглядно-образной памяти дошкольников, обнаружена тесная связь запоминания с ориентировочной деятельностью ребёнка. В исследовании И.В. Вьюговской по-

¹ Понятия «память», «мнемическая деятельность» и «мнемические способности» выступают как синонимы (А.А. Смирнов).

казано влияние эмоционально-познавательного отношения к содержанию текстов на их запоминание детьми 6 лет. А.Н. Макаровой сделан психологический анализ принятия и актуализации словесных заданий старшими дошкольниками 5 и 6 лет.

Данные о развитии произвольной логической (смысловой) памяти у детей содержатся и в работах, выполненных под руководством Л.А. Венгера. Изучая развитие познавательных способностей, И.Я. Базик, О.М. Дьяченко выявили у дошкольников значительные возможности в формировании способности к наглядному моделированию связанных текстов с целью их запоминания и воспроизведения.

В контексте обсуждаемой проблемы также важными являются исследования, в которых предметом изучения было влияние на развитие памяти детей таких социальных факторов, как содержание видов деятельности (З.М. Истомина, И.С. Четверухина), общение со взрослыми (Е.О. Смирнова, А.И. Кулак), а также влияние социокультурных условий на усвоение информации (Е.А. Невоенная, Г.А. Стюхина). Кроме того, существенный интерес представляют результаты исследований, доказавших роль устной речи дошкольников в произвольном и произвольном запоминании (П.И. Зинченко, Е.Д. Кежерадзе, З.М. Истомина), взаимосвязь памяти с личностными новообразованиями в детстве (Е.Н. Лысакова) и др.

В проведённых исследованиях доказано, что память — это не только важнейший показатель интеллекта, но и часть личности ребёнка. Её следы изменяются в зависимости от мотивации, эмоционального отношения, интересов, способностей, темперамента, характера. В то же время па-

мать — цементирующая основа всего психического развития ребёнка (человека), его становления как личности.

Рассмотрим интегративное развитие произвольной логической памяти как одного из важнейших психических новообразований дошкольного детства и существенного условия успешного обучения в школе.

Нами выдвинута *гипотеза*, состоящая из ряда предположений.

На наш взгляд, интегративное развитие логической памяти в результате специального обучения доступно детям со среднего дошкольного возраста.

Интегративное развитие памяти будет эффективным, если обучение проводить с учётом степени сложности мнемических приёмов: в 4—5 лет следует обучать сначала смысловому соотнесению, затем — классификации разрозненных объектов, в 5—6 лет — смысловой группировке связных текстов, т.е. составлению плана, в 6—7 лет — способности к наглядному моделированию при восприятии связных текстов. Что касается самых младших дошкольников 3 лет, то считаем важным формирование у них мыслительных действий (смыслового соотнесения, классификации), являющихся основой логической памяти.

Обучение каждому мнемическому приёму при интегративном развитии памяти должно проходить поэтапно: вначале — как самостоятельному интеллектуальному действию и только затем — как приёму осмысленного логического запоминания и воспроизведения.

С нашей точки зрения, успешность интегративного развития логической памяти зависит от природной (биологической) детерминанты: наследственности, состояния здоровья детей и типа высшей нервной деятельности.

На эффективность интегративного развития данного вида памяти детей влияют также социокультурные условия семьи и взаимодействие детского сада с семьёй.

Для повышения умственной активности дошкольников и успешной психологической подготовки к обучению в реформируемой школе необходимо решить следующие задачи: а) выявить уровень стихийно сформировавшихся приёмов запоминания предъявляемого материала у дошкольников и младших школьников-первоклассников; б) разработать психотехнологию интегративного развития логической памяти у детей дошкольного возраста; в) определить возрастные и индивидуальные особенности интегративного развития логической памяти дошкольников в условиях взаимодействия детского сада и семьи.

Результаты первоначально проведённых констатирующих экспериментов в детских садах и школах ряда городов Краснодарского края (Армавир, Краснодар, Кропоткин, Курганинск, Новокубанск, Усть-Лабинск, ст-ца Ленинградская и др.) коррелируют с результатами, полученными учёными и в других регионах страны. У дошкольников и первоклассников недостаточно развита образная (зрительная, слуховая) память и особенно — социальная (логическая). Дети используют только простые приёмы запоминания: повторение вслух или про себя, которые, к сожалению, не дают должного эффекта.

Изучение опыта работы детских садов, а также анализ анкетирования дошкольных работников выявили недооценивание ими значимости формирования у детей логической памяти. Воспитатели детских садов нередко считают, что «дети и так всё хорошо запоминают». Действительно, дошкольники произвольно, т.е. непреднамеренно (без

специальной постановки взрослым цели что-либо запомнить), успешно запоминают те предметы, которые воздействуют на их органы чувств своей необычностью и красочностью, новизной и динамикой, необычным запахом и вкусом. Также непроизвольно запечатляет ребёнок и то, что многократно повторяется в его жизни, вызывает особое эмоциональное отношение. Память дошкольника носит избирательный характер, зависит от проявления его интересов и увлечений. В связи с этим психологи говорят: «Память ребёнка — это его интерес». Однако для успешного обучения в школе следует формировать у детей новый, более сложный вид памяти — произвольную логическую (смысловую), которая важна для развития собственной активности детей, осмысленного заинтересованного обучения, длительного сохранения накопленных знаний и их творческого применения в современной социокультурной среде.

На наш взгляд, недооценка развития логической памяти у детей дошкольного возраста происходит в силу ряда объективных причин.

1. В государственных документах по дошкольному образованию не представлена стратегия возрастного генезиса детской памяти (её видов).

2. Отмена обязательных занятий по развитию связной речи (например, чтения художественного произведения и его пересказ) и вынесение этого важного вида работы в повседневную жизнь детского сада не способствуют полноценному развитию речи и памяти дошкольников.

3. Определённые проблемы с учебно-методической литературой: отдельно изданные пособия по развитию ло-

гической памяти в детстве [2; 6; 11] стали библиографической редкостью.

При разработке психотехнологии интегративного развития логической памяти следует учитывать, что к четырём годам у детей уже достаточно развито наглядно-действенное и наглядно-образное мышление, являющееся основой мнемической деятельности. В связи с этим психотехнология включает последовательное формирование у детей следующих мнемических приёмов: с 4 лет — смыслового соотнесения, затем классификации материала, с 5 лет — действий смысловой группировки связных текстов (составления плана), с 6 лет — способности к наглядному моделированию связных текстов.

Позэтапное формирование любого мнемического приёма (Л.С. Выготский, П.И. Зинченко, А.Н. Леонтьев, А.А. Смирнов и др.) требует поэтапного обучения детей: вначале — как мыслительному действию и только после овладения им — мнемическим приёмам. Каждый из названных этапов включает в себя несколько строго определённых шагов обучения, или опытов, разных по степени трудности овладения ими.

Формой обучения являются интеллектуально-развивающие (дидактические) игры по ознакомлению с окружающим миром, развитию мышления, памяти и речи (В.Н. Аванесова, З.М. Богуславская и Е.О. Смирнова, А.К. Бондаренко, Л.А. Венгер, Л.М. Житникова, А.И. Сорокина, Е.И. Тихеева, Е.И. Удальцова). Детям также предлагается придумать самостоятельно или вместе с родителями варианты понравившихся дидактических игр.

Вначале в этих играх принимают участие 2—3 человека, по мере овладения умственными действиями количество детей увеличивается до 5—6 человек.

С учётом особенностей чувственного познания детьми окружающего мира в психотехнологии широко используется наглядно-иллюстративный материал. Это наборы цветных картинок и детские рисунки. Рисование, как известно, не только любимый вид деятельности дошкольников, но и весьма значимый для развития их личности (Г.Г. Григорьева, Е.И. Игнатьев, Т.С. Комарова, В.С. Мухина, Н.П. Сакулина и др.). Собственные рисунки вызывают у детей дополнительный интерес к занятиям и желание играть.

Следует также отметить, что воспитатели возрастных групп в процессе образовательной работы развивают у детей и образную память (живое созерцание). Для этого организуют не только дидактические игры, но и наблюдение за окружающей природой, социальной жизнью, рисование увиденного на прогулках, по сюжетам просмотренных диафильмов и т.д. Со старшими дошкольниками также проводят зрительные и слуховые диктанты.

Подробное описание психотехнологии интегративного развития логической памяти у детей дошкольного возраста будет продолжено автором в следующих выпусках журнала.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Выготский Л.С. Память и её развитие в детском возрасте // Развитие высших психических функций / Под ред. А.Н. Леонтьева, А.Р. Лурия, Б.М. Теплова. М., 1960.*

2. Житникова Л.М. Учите детей запоминать. 3-е изд., доп. М., 1985.
3. Захарюта Н.В. Формирование у дошкольников умения пользоваться смысловой группировкой текста как приёмом запоминания: Дис. ... канд. психол. наук. М., 1985.
4. Зинченко П.И. Непроизвольное запоминание. М., 1961.
5. Изюмова С.А. Природа мнемических способностей и дифференциация обучения. М., 1995.
6. Истомина З.М. Развитие памяти. М., 1978.
7. Истомина З.М. Развитие памяти в дошкольном возрасте: Автореф. дис. ... д-ра психол. наук. М., 1975.
8. Леонтьев А.Н. Развитие высших форм запоминания // Проблемы развития психики. 4-е изд. М., 1981.
9. Национальная доктрина образования Российской Федерации // Учительская газета. 2000. №43.
10. Образование в XXI веке: Матер. Всерос. науч. заочной конф. Кн.1. Образование и культура на пороге XXI века. Тверь, 2001.
11. Развитие логической памяти у детей / Под ред. А.А. Смирнова. М., 1976.
12. Развитие познавательных способностей в процессе дошкольного воспитания / Под ред. Л.А. Венгера. М., 1986.
13. Смирнов А.А. Избр. психол. труды: В 2 т. / Под ред. Б.Ф. Ломова. Т.1. М., 1987.
14. Смирнов А.А. Психология запоминания. М., 1948.

КАФЕДРА

Управленческие
имитационные
игры: теорети-
ческий аспект

Т.Н. Джакубова

УПРАВЛЕНЧЕСКИЕ ИМИТАЦИОННЫЕ ИГРЫ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Т.Н. Джакубова

Имитационной игровой моделью системы называется модель, исследование которой осуществляется путем эксперимента, воспроизводящего процесс функционирования или развития системы.

Игровые имитационные модели — частный случай человеко-машинных имитационных моделей. Важнейшими элементами игровых имитационных моделей являются люди, исполняющие игровые роли (игроки). С помощью игровых ролей в таких моделях отражаются реальные роли и их совокупности.

Обращение к игровым имитационным моделям целесообразно в том случае, когда отражение активных элементов, исполняющих роли в моделируемой системе, формальными способами затруднено или невозможно и в то же время необходимо для достижения цели, поставленной исследователем.

В рамках теоретических основ игрового имитационного моделиро-

вания следует ответить по крайней мере на два вопроса: а) что такое имитационная игра; б) что такое результат игрового имитационного эксперимента и его качество?

Ответить на первый вопрос можно по-разному в зависимости от ракурса рассмотрения имитационных игр. В приведенном определении имитационной игры как специфической имитационной модели вскрыта лишь одна из сторон этого метода изучения систем с активными элементами (активных систем), а именно его аналитическая сторона. Но особенность имитационных игр состоит в том, что в них сочетаются три класса методов: *теоретические*, *экспертные* и *экспериментальные*.

Экспертные методы, апеллируя к интуиции, опыту и здравому смыслу, характеризуются достаточно богатым и цельным восприятием изучаемого объекта.

Класс *аналитических* методов включает в себя ряд различных логик и совокупность методологий. Среди этих методов наиболее развит математический. Для методов этого класса характерно выведение утверждений теории из совокупности предпосылок. В рамках математического метода такое выведение осуществляется в наиболее строгом виде.

Аналитические методы (кроме математических) используют естественный язык, который богаче формального языка математики и поэтому позволяет полнее охарактеризовать объект исследования. Однако из-за нестрогой фиксации предпосылок и нечеткости операций вывода из них использование естественного языка может привести исследователя к неправильным заключениям.

Для *экспериментальных* методов характерно целенаправленное воздействие на предмет изучения в отличие от

наблюдения, которое можно назвать пассивным экспериментом.

Методы каждого класса имеют свои преимущества и недостатки. Так, *экспертные* методы, способные представить объект изучения во всем богатстве красок, из-за своей специфики легко могут привести к ложным выводам.

Напротив, *аналитические* методы реже приводят к ложным выводам из посылок, но требуют такой схематизации, упрощения действительности, которая может полностью обесценить выводы. Особенно это характерно для наиболее строгого метода — математического.

Методом, во многом продолжающим традиции математики в аналитическом изучении функционирования организаций, стало имитационное моделирование на ЭВМ. Поведение членов организации в машинных имитационных моделях отражается с помощью решающих правил. Моделирование с помощью этих правил основано на упрощенном понимании процесса принятия решений и игнорирует одну из важнейших его сторон — творческий характер процесса.

Что касается *экспериментальных* методов, то натурные эксперименты могут иметь ограниченные значения по двум причинам. Первая состоит в трудности выделения интересующего нас объекта из социально-экономической жизни, так как внешние факторы постоянно нарушают экспериментальные условия исследования функционирования объекта. Вторая, не менее важная причина заключается в потенциальной социальной и экономической опасности возможных последствий натуральных экспериментов.

Лабораторные эксперименты с целью исследования функционирования социальных образований стали применяться сравнительно недавно, в основном в области социальной психологии. Однако эти эксперименты вызвали у многих исследователей сомнения в возможности применения этого метода к социальным процессам. Такой результат стал неизбежным следствием перенесения естественно-научной традиции в область социальных наук. Участники эксперимента рассматриваются как группа людей, копирующая поведение своих реальных прототипов.

Современные исследователи относят метод имитационных игр не к чисто экспериментальным, а к методам, синтезирующим черты трех классов методов: экспертного, аналитического и экспериментального, отсюда и вытекают его потенциальные достоинства.

Одной из основ современной теории имитационных игр служит положение о том, что коллектив игроков нужно рассматривать не только как группу людей, копирующих поведение некоторых своих реальных противников, но и как конкретный социальный организм, предназначенный для изучения функционирования организаций с целью обучения или проектирования, принятия решений или исследования.

Достигнуть этих целей в управленческой имитационной игре коллективу игроков и экспериментатору помогают специально сконструированные условия, так называемая экспериментальная ситуация, которая в свою очередь представляет сложную систему. Определяющей в данном подходе является трактовка игры прежде всего как *деятельности*, причем деятельности специфической, условной практикой в измененных по сравнению с реальной

действительностью условиях. Эта практика связана с определенными ролями, исполнение которых в игре требует *двупланового поведения* (серьезного и условного). Именно эти особенности сделали естественные игры неотъемлемой частью культуры человеческого общества.

Сложность проблем современного мира вызывает необходимость перехода к исследованию игр искусственных. Конструирование такой искусственной игры — это прежде всего конструирование специфической человеческой (как правило, коллективной деятельности).

Таким образом, игра как вид человеческой деятельности способна воссоздать другие виды деятельности. Деятельность-игра происходит в измененных по сравнению с действительностью искусственных условиях (в условиях мнимой, экспериментальной ситуации). При этом для деятельности-игры характерна определенная двуплановость (серьезность—условность) поведения. Это роднит ее с художественной деятельностью, но в отличие от нее деятельность-игра всегда представляет собой эксперимент с импровизированным поведением.

Имитационными играми называются такие игры, в которых важной частью механизма воссоздания экспериментальной ситуации служит имитационная модель среды, в которой участники системы, моделируемой игроками, осуществляют свою деятельность. Имитационная модель среды отражает в динамике результаты (условные) деятельности игроков.

Двуплановость поведения игроков в игровом имитационном эксперименте проявляется в двух типах деятельности: в игровой деятельности и деятельности по поводу иг-

ры. Игровая деятельность связана с действиями игроков как исполнителей игровых ролей. Деятельность по поводу игры может осуществляться как за пределами игры (обсуждение и заполнение анкет по игре и игровой деятельности, а также по изучаемой в игровом эксперименте проблеме до начала имитации, во время перерывов, после окончания отдельных периодов и в конце игрового имитационного эксперимента), так и непосредственно во время имитации (обсуждение между игроками, между игроками и экспериментаторами игрового имитационного эксперимента, а также изучаемой в эксперименте проблемы). Деятельность по поводу игры является важнейшей в игровом имитационном эксперименте. Игровая же деятельность служит поводом, рамками и эмпирической базой деятельности по поводу игры. Если игровую деятельность осуществляют только игроки, то в деятельности по поводу игры участвуют как игроки, так и экспериментаторы с подчиненными им экспертами и техническим персоналом.

Деятельность игроков в значительной степени определяется *системой мотиваций*. Система мотивации игроков в каждой управленческой имитационной игре зависит не только от экспериментальной игровой ситуации, но и от личностных характеристик игроков, от личности и поведения экспериментаторов. Такая система мотивации игроков накладывается на их культуру и индуцирует лабораторную культуру.

Лабораторная культура возникает независимо от того, исполняют ли игроки игровые роли, аналогичные реальным ролям в их жизни или отличные от ролей их действительной жизни. Надежда на то, что реальный управляющий, исполняющий в игре роль — прототип его реальной

роли в жизни, будет вести себя так же, как и в жизни, совершенно неоправданна. В реальной жизни совокупность мотивационных факторов отличается от совокупности мотивационных факторов в игре, хотя они частично могут и пересекаться.

Такие важнейшие мотивационные факторы, как социальный статус, величина дохода, удовлетворенность профессией, стремление к продвижению по службе, в системе мотивации игроков фактически отсутствуют. Но это не недостаток управленческих имитационных игр, а их большое достоинство, так как позволяет снять с игроков груз реальной ответственности и предоставить возможность широкого экспериментирования. Система мотивации игроков должна быть такой, чтобы обеспечить необходимые пропорции двупланового поведения, которое бы не противоречило целям эксперимента. Одноплановость (несерьезность) поведения, когда весь интерес игроков концентрируется на игровой деятельности как таковой, — опасное и, к сожалению, распространенное явление.

Часто конструкторы игры предполагают, что они могут формировать систему мотивации игроков введением цели (например, максимизация прибыли или очков), которой игроки должны добиваться в имитационном эксперименте. Такой путь является ложным. Неверна сама мысль о том, что систему мотивации игроков можно произвольно формировать. На нее можно только влиять путем построения соответствующей экспериментальной игровой обстановки, подбора контингента игроков и воздействия на них как до начала игровой деятельности, так и во время нее. Введение игровых целей не снижает количества мотивационных факторов до одного числового показателя, а может

только несколько повлиять на систему мотивации игроков, возникшую под влиянием перечисленных ранее факторов. Акцент на цели выигрыша может нарушить необходимый уровень двупланового поведения и тем самым обесценить эксперимент.

Что понимать под результатом игрового имитационного эксперимента и как оценивать его качество?

Общее требование к эксперименту и игровой модели должно сводиться к требованию не адекватности воспроизведения поведения, а предоставления (исходя из цели эксперимента) широких возможностей изучения последствий различных вариантов поведения. Имитационная модель среды объективизирует процесс изучения последствий, выдавая в динамике результаты групповых действий. Познавательный процесс осуществляется на базе двупланового поведения игроков (серьезного и условного). И задача конструктора и экспериментатора состоит в том, чтобы оказать такое влияние на систему мотивации игроков, которое обеспечило бы необходимый уровень двупланового поведения. При этом необходимо, чтобы система мотивации не противоречила целям эксперимента. В эксперименте, организованном таким образом, игроки сами во многом становятся исследователями, помощниками экспериментатора и играют активную роль.

В таких экспериментах в качестве игроков выступают либо лица, непосредственно заинтересованные в изучении функционирования социально-экономической системы, либо эксперты, помогающие такому исследованию.

Для разработки теоретических проблем управления решающее значение имеют два вида контактов между уче-

ными и хозяйственниками — рационализация управления и учеба руководителей. Применение управленческой имитационной игры в целях рационализации управления в конкретной организации предполагает участие в ней управленцев данной организации. В этом случае исследователи имеют возможность сделать научные обобщения, используя как результаты имитационного эксперимента, так и результаты обсуждения имитационной игры игроками. Второй вид контакта (обучение) легко реализуется при включении управленческих имитационных игр в программы повышения квалификации руководителей.

Процедура оценки качества модели называется ее обоснованием. Обоснование требует рассмотрения в каждом конкретном случае целей игры. Отталкиваясь от конкретной цели игры, ее необходимо разложить на требования к отдельным компонентам экспериментальной ситуации и системе мотивации участников эксперимента. Такая проверка соответствия компонентов игры ее целям составляет процедуру обоснования игры.

Апостериорная обоснованность игры проявится в получении реального экономического эффекта от эксперимента, рассчитанного после определенного периода функционирования объекта, на который повлиял эксперимент.

OPERA ASPIRANTI

**О проблеме бедности
в Северо-Кавказском
регионе**

И.А. Романова

**«Ловушки» миграци-
онных теорий**

Е.В. Волосенкова

О ПРОБЛЕМЕ БЕДНОСТИ В СЕВЕРО-КАВКАЗСКОМ РЕГИОНЕ

И.А. Романова

Бедность — это сложная социальная категория, связанная не только с материально-экономическим потенциалом семьи, но и с конкретными условиями его реализации. Различают две формы бедности: бедность слабых, или социальная бедность, которая поражает нетрудоспособные и малоимущие слои населения (многодетные семьи, одиноких пенсионеров, инвалидов), и бедность сильных, или экономическая бедность, — неспособность работающего прокормить семью и себя [2, с. 10]. В Северо-Кавказском регионе ярко выражены обе формы бедности. Основные причины социальной бедности высокая доля пенсионеров в структуре населения региона и большой процент многодетных семей, особенно в национальных республиках. Главным условием преодоления бедности является устойчивый экономиче-

ский рост, но опыт многих развивающихся стран доказал, что этого условия недостаточно.

По данным официальной статистики, 1999 г. стал первым годом экономического подъема России за период реформ. Рост ВВП составил 3,2%, а объем промышленного производства увеличился на 8% [7]. Благоприятные тенденции в экономике положительно сказались и на общих макроэкономических показателях: выросли среднедушевые доходы и размер средней пенсии. Но вместе с тем среднедушевые доходы 10% наиболее обеспеченных россиян в 2000 г. превысили доходы 10% наименее обеспеченных граждан почти в 14 раз при пороговом значении 8. Кроме того, на долю 20% самых обеспеченных приходилось 47% всех доходов, а на долю 20% наименее обеспеченного населения — всего 6,2%. Это сравнимо со странами Латинской Америки (Бразилия, Чили, Мексика). В развитых странах Западной Европы соотношение денежных доходов 10% самых богатых и 10% самых бедных не выше шести [3, с.49—50].

В 1999 г. доля населения с душевыми доходами на уровне и ниже прожиточного минимума составляла 30% населения РФ, а около 5 млн чел. имели доход, не превышающий 40% прожиточного минимума. На территории Северо-Кавказского региона в этот же период численность населения с доходами ниже прожиточного минимума составила 38,8% от общей численности населения. Этот показатель не на много превышает среднероссийский, но он отражает лишь средний уровень бедности в регионе. Фактически уровень бедности ниже среднероссийского только в Ростовской области (25,3%), а средний показатель для национальных республик составляет 57,4%. В их числе

Республика Ингушетия с рекордно высоким уровнем бедности населения не только в Северо-Кавказском регионе, но и в России — 95,1%. Причем начиная с 1997 г. процент малоимущих имеет тенденцию к росту во всех субъектах РФ. Одной из причин этого явления следует считать то, что уровень инфляции опережает рост среднедушевых доходов, в результате соотношение среднедушевых денежных доходов и величины прожиточного минимума уменьшается. Необычно то, что величина прожиточного минимума увеличивающаяся, как правило, в высокодоходных регионах, имеет на Северном Кавказе обратную тенденцию. В самом экономически не развитом регионе, Республике Ингушетия, среднедушевой денежный доход в 1999 г. составлял 367,3 р. при прожиточном минимуме 828 р., это максимальное значение в Северо-Кавказском регионе. И, напротив, в Ростовской области, при самом высоком среднедушевом доходе (1221,7 р.) один из самых низких прожиточных минимумов (674 р.). В целом в регионе разница величин прожиточного минимума невелика, но она усиливает имеющуюся двух-трехкратную разницу в величине денежных доходов [6].

Отношение среднедушевых денежных доходов к прожиточному минимуму (НСДД — нормированный среднедушевой денежный доход) представляет собой индикатор, создающий базу для сравнения регионов по реальному содержанию душевых доходов, по их покупательной способности. Чем больше величина НСДД, тем больше прожиточных минимумов можно купить на среднедушевой доход. Так, величина НСДД в Ростовской области в 4,1 раза превышает НСДД в Республике Ингушетия. Это означает, что душевой денежный доход в Ингушетии составляет по-

ловину прожиточного минимума, а это уже не черта бедности, а черта голода. В Северо-Кавказском регионе НСДД в национальных республиках значительно ниже НСДД в относительно развитых регионах — Ростовской области, Краснодарском и Ставропольском краях, в которых значение НСДД ниже среднероссийского в 1,1 раза [5, с.12].

На размер денежных доходов большое влияние оказывает заработная плата. В 1999 г. размер среднемесячной начисленной заработной платы в Северо-Кавказском регионе увеличился на 30% по сравнению с 1998 г., однако реальная среднемесячная заработная плата сократилась на 25%. В 1999 г. минимальный размер оплаты труда в России составил 8,3% прожиточного минимума!

Нельзя не упомянуть о горизонтальной и вертикальной дифференциации заработной платы в отраслях экономики как о причине увеличения численности малоимущего населения в России. Так, за последние два года заработная плата низкооплачиваемых работников росла существенно более низкими темпами, чем заработная плата высокооплачиваемых. Увеличение дифференциации оплаты труда отмечено практически во всех отраслях экономики. Наиболее высокая дифференциация наблюдается в банковской системе (в 40 раз), в сельском хозяйстве (в 32 раза) [4, с.8]. Как следствие, за последние два года во всех регионах повысился удельный вес работников, заработная плата которых не превышала прожиточного минимума. В Дагестане и Ингушетии доля таких работников в 1999 г. составила 60 и 78% соответственно при среднероссийском уровне 37% [6]. Такие тенденции с оплатой труда привели к ситуации, когда двое из пяти человек являются бедными, а трое из сотни голодают. Кроме того, выделяются низкооплачиваемые

мые секторы экономики, в которых более 65% работников получают заработную плату ниже прожиточного минимума. Среди них отрасли сельского хозяйства, на которых специализируется Северо-Кавказский регион. Таким образом, хронические очаги бедности сформировались в бюджетной сфере и в ряде стагнирующих отраслей промышленности. Низкий уровень оплаты труда стал главной причиной бедности работающего населения.

Еще более отягощает проблему бедности положение безработных. Уровень бедности среди них в два раза выше, чем средний показатель по РФ. Несмотря на снижение уровня безработицы в последние два года в России, в Северо-Кавказском регионе он остается очень высоким. Самый низкий уровень безработицы в Ростовской области — 13,7%, что выше среднероссийского на 2,7%. В Ингушетии до 50% экономически активного населения — безработные [6].

На основании изложенного можно заключить, что доля населения с доходами ниже прожиточного минимума как в РФ, так и в Северо-Кавказском регионе увеличивается.

Кроме перечисленных причин, определяющих уровень бедности, в регионе существуют специфические факторы, обостряющие эту проблему и затрудняющие ее решение:

- этносоциальный (этническая неоднородность населения);

- политический (военные конфликты, беженцы).

В то же время существуют факторы, смягчающие негативные социальные последствия бедности:

— благоприятные природно-климатические условия, которые позволяют самым низкодоходным группам населения обеспечить себя продуктами питания;

— теневой сектор экономики, масштабы которого превышают среднероссийский уровень.

Для Северного Кавказа наличие неформального сектора экономики определяется еще и этнокультурными традициями населения — склонностью к предпринимательству, торговле, отходническим промыслам. Для жителей курортных зон, в том числе и этнических русских, типично использование рентных доходов в личных целях (сдача в наем жилья, мест для отдыха и др.). Кроме того, распространено нелегализованное производство и продажа нефтепродуктов, морепродуктов, спирта. Неформальная экономика дает вторую и третью занятость, подтягивая денежные доходы до необходимого уровня потребления. Наиболее значительна доля теневого сектора экономики в беднейших республиках Северного Кавказа (Дагестан, Северная Осетия, Ингушетия, Кабардино-Балкария) [1, с.25].

Некоторые экономисты оценивают существование теневой экономики как позитивный фактор, частично амортизирующий негативные последствия переходного периода, но с помощью теневой экономики проблему бедности можно временно смягчить, а не решить.

Борьба с бедностью — сложный многогранный процесс. Эту задачу решают десятки развивающихся стран мира, к которым в настоящее время относится и Россия. Согласно традиционным экономическим теориям, решение этой проблемы связано со способностью экономики обеспечивать ежегодный рост ВВП. Считалось, что быстрое увеличение абсолютного объема ВВП в расчете на душу

населения автоматически приведет к росту благосостояния малоимущих. Но, к сожалению, многие развивающиеся страны, которые добились высоких темпов роста экономики, оказались неспособными повысить уровень жизни низкодходных групп населения. Сегодня необходим другой подход к решению проблем бедности. Об этом хорошо сказал профессор Д. Спирс: «Для того чтобы выяснить развивается ли страна, следует задать вопросы: Что стало с нищетой? Как изменился уровень безработицы? Какова степень неравенства? Если все три показателя сократились по сравнению с высоким первоначальным уровнем, то страна, вне всякого сомнения, переживает период развития. Если один или два из них, и особенно три, ухудшились, то странно говорить о развитии даже при двойном росте дохода на душу населения» [8, с.36]. Как в этом случае можно оценивать ситуацию в России в 1999—2000 гг., когда рост ВВП сопровождается ростом уровня бедности? Это по существу означает, что основной прирост доходов был в высокодоходных группах населения.

Мы полагаем, что развитие страны должно оцениваться не только экономическими, но и социальными показателями, включающими характеристики качества жизни. А уровень развития страны должен определяться уровнем жизни беднейшей части населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Глинкина С.П. Власть плюс бизнес равняется фиктивная экономика // *Бизнес и политика*. 1997. № 2.
2. Кузьмин В. Русский крест // *Кубань сегодня*. 2001. 23 нояб.
3. Малева Т., Григорьев Л. Средний класс в России на рубеже этапов трансформации // *Вопросы экономики*. 2001. № 1.

4. *Основные направления и приоритеты государственной социальной политики по повышению доходов и уровня жизни населения. М., 2000.*
5. *О мерах по снижению дифференциации населения по уровню доходов, повышению оплаты труда и сокращению бедности. М., 2000.*
6. *Регионы Северного Кавказа в цифрах. Краснодар. 2000.*
7. *Российский статистический ежегодник. М., 2000.*
8. *Тодаро М. Экономическое развитие. М., 1997.*

Копилка мудрых мыслей

Большинство святых были бедняками, но отсюда еще не следует, что большинство бедняков святые.

Уильям Индж

Лучше зажечь одну маленькую свечу, чем клясть темноту.

Конфуций

В плохие старые времена было три легких способа разориться: самым быстрым из них были скачки, самым приятным — женщины, а самым надежным — сельское хозяйство.

У.Г.Амхерст

«ЛОВУШКИ» МИГРАЦИОННЫХ ТЕОРИЙ

Е. В. Волосенкова

Исследователям, изучающим проблемы миграции на современном этапе, нет нужды бороться с закостеневшими абстрактными конструкциями, которые бы успели превратиться в непреложные догмы высокой теории. Напротив, среди работ по данной тематике преобладают разрозненные эмпирические исследования отдельных групп мигрантов или описания официальной миграционной политики той или иной страны или региона.

Неадекватность создаваемых идеальных миграционных моделей реальным процессам и постоянные сбои в системе управляющих воздействий, ошибочность прогнозов миграционных процессов свидетельствуют о том, что мы пока далеки от понимания причинно-следственных связей в системе социум-расселение.

Авторитетные исследователи справедливо полагают, что миграция в современном обществе стала глобальной проблемой, требующей междисциплинарного подхода. Миграционные процессы повсеместно приводят к образованию так называемых зон массовых контактов представителей различных культур и поведенческих стилей [1; 2], которые привлекают все более пристальное внимание экономистов, социологов, политологов, демографов, психологов, биологов, историков.

Это обстоятельство, наряду с преимуществами, таит в себе некоторые трудности. Главная, по нашему мнению, заключается в том, что каждая дисциплина предлагает собственное видение исследуемой области, собственный концептуальный и методический аппарат. Однако можно ожи-

дать, что под давлением общественной практики или социального заказа, требующего противопоставить неэффективному управлению миграционными процессами действенную миграционную политику, уже начинает складываться новый «логос», внутри которого «инструменты» отдельных общественных дисциплин придут в согласие с генеральной задачей.

На пути к разработке миграционной теории исследователей поджидает ряд ловушек, на которых мы бы и хотели остановиться.

Во-первых, построению «логоса» препятствует наивное представление о том, что накопление эмпирических данных само по себе ведет к концептуальным прорывам [7]; как максимум, чего можно ожидать индуктивных обобщений, объяснительная сила которых, как известно, ограничена. Новые идеи не возникают из груды данных.

Концептуальная инновация возможна тогда, когда кому-то приходит в голову выбрать из груды данных несколько простых фактов и сопоставить их между собой так, чтобы возникли проблема, противоречие, загадка. Некоторые из таких загадок оказываются весьма перспективными для выдвижения гипотез и разработки теоретических моделей. Кроме того, противоречия могут быть не явными, не видимыми невооруженному взгляду; ученому нужно обладать определенным даром, чтобы определить и выделить их для анализа.

Например, люди десятилетиями наблюдали китайских и японских иммигрантов, вовлеченных в мелкий бизнес на Западном побережье США. Многие ученые замечали, как быстро разрастаются еврейские и итальянские ломбарды, лавки по продаже спиртного, магазины одежды по мере

роста городских гетто; на эту тему были написаны десятки статей и книг, но никто до Э. Бонасич не задавал простых до банальности вопросов. Почему мелкое предпринимательство так широко распространено среди иммигрантов первого поколения? Почему они размещают свой бизнес на территории проживания населения с низким доходом? Из анализа этой загадки появилась теория среднего меньшинства [6], которая стала ключом к пониманию способов экономической адаптации большинства иммигрантских групп, а также первым шагом к позднейшим теориям этнических ниш и этнических территорий.

Когда в 1992 г. в Лос-Анджелесе начались систематические грабежи корейских магазинов, те, кто занимался решением этой проблемы и был знаком с теориями Э. Бонасич, имели необходимый инструмент, чтобы понять, что происходит, почему и какие меры необходимо предпринять.

В современной литературе по миграции есть много других примеров тесного сотрудничества теории и практики. Например, мы знаем, что иммигранты прибывали в Европу и Америку десятками тысяч в течение последних десятилетий и оседали в центрах крупных городов, т.е. на территориях, на которых стремительно шли процессы деиндустриализации и ликвидации десятков тысяч рабочих мест. Почему иммигранты в поисках работы едут туда, где рынок труда якобы стремительно сокращается?

Поиск ответа на этот простой вопрос помог С. Сазен сначала создать теорию об «анклавном ремесленном секторе» и возрастании спроса на мелкие услуги в мегаполисах, а затем с помощью этой теории систематически про-

анализировать занятость мигрантов и стратегии их социально-экономической адаптации [7].

Появление теории этнических территорий позволило всерьез поставить вопрос о том, каким образом в среде эмигрантов первого поколения этническим предпринимателям удастся удерживать своих соотечественников от выхода на более широкий рынок труда мегаполисов с учетом огромной разницы в уровне жизни между предпринимателями и наемными работниками. Поначалу казалось, что вновь прибывшие переселенцы заполняют вакансии в *этнической экономике* ввиду слишком низкой квалификации для выхода на большой рынок труда и проходят таким образом период начальной адаптации.

Однако Т. Бейли и Р. Уолдингер в 1900-е гг. обнаружили «неформальную обучающую систему», механизмы которой, с одной стороны, закрепляют основную массу работников за низкоэффективными занятиями, а с другой — предоставляют наиболее опытным и квалифицированным работникам привлекательные рабочие места внутри сообщества. Таким образом, концепция этнических территорий углубила наше понимание структуры миграционных сообществ и причин, почему, казалось бы, явно эксплуатируемые рабочие мирятся с эксплуатацией и поддерживают неэффективный с точки зрения «большого рынка» бизнес, созданный соотечественниками.

Можно сделать вывод, что перспективные теории миграционных процессов появляются не столько из массы накопленных эмпирических данных, сколько из способности исследователя найти такую формулировку проблемы, которая позволила бы реконструировать некоторую область реальности и выявить ранее неизвестные связи меж-

ду известными фактами. Для этого исследователю полезно дистанцироваться, «отстраниться» (Б. Шкловский) от эмпирической реальности, занять особую исследовательскую позицию, которую М. Бахтин обозначил как «ненаходимость» и которая позволяет ученому не только охватить ситуацию в целом, но и не остаться от нее в стороне [3].

Вторая отрицательная тенденция в современном развитии миграционной теории, согласно А. Портесу, заключается в исследовательской установке проверять собственные теоретические обобщения, сравнивая их с трактовками самих мигрантов. Главный аргумент против данной практики, приводимый А. Портесом, состоит в том, что акторы, вовлеченные в любой исследуемый процесс, не могут осознавать все значение игры и могут иметь различные мнения о ней. Они, в отличие от исследователя, не могут дистанцироваться от описываемой ситуации. Исследование, проведенное Р. Альбой и В. Ни [5], показывает, насколько ученые и мигранты могут различаться в оценках стадии ассимиляции мигрантов. Так, в группе переселенцев может идти быстрый процесс ассимиляции в соответствии с заданными временными параметрами, в то время как мигранты все еще могут ощущать себя иностранцами в обществе.

С нашей точки зрения, субъективные ощущения людей очень важны для исследователя, но, например, в случае с теорией этнической идентификации, неуместно использовать их в качестве критерия оценки. Если проводить параллели с российской действительностью, то ярким примером может служить ситуация с турками-месхетинцами. Например, в г.Крымске и его окрестностях турки-месхетинцы создали и развили сильную экономическую

инфраструктуру в центре традиционного казачьего поселения, но при этом турецкие предприниматели отрицают этот факт. При изучении данной ситуации и создании теоретической конструкции главная задача исследователя состоит в том, чтобы объяснить и предсказать возможные модели экономической адаптации и пути интеграции переселенцев в местное сообщество.

Следует особо отметить сложности, связанные с применением теории в практической жизни. «Теория общественного капитала» [4] — отличный пример тому. В 1990-х гг. Дж. Сенсебреннер и А. Портес предложили собственную интерпретацию исследований Р. Патнэма по отношению к мигрантским сообществам. Они утверждали, что «ограниченная солидарность» и «принудительное доверие» служат источником «общественного капитала» в переселенческих обществах и обеспечивают его членам доступ к экономическим ресурсам. Источники общественного капитала и их влияние неочевидны: когда мы осуществляем поверхностное наблюдение за поведением предпринимателей из переселенческой среды, мы видим ярко выраженные тенденции несогласия и соперничества в их среде. Однако «ограниченная солидарность» явно обнаруживает себя в выборе партнеров по бизнесу, рабочих, повстанцев и т.п.

В соответствии со взглядом Р. Патнэма [8], участие в общественных организациях создает общественный капитал, способствующий установлению между гражданами отношений, основанных на доверии. Иными словами, люди охотнее сотрудничают с соседями тогда, когда они уверены в том, что те также будут сотрудничать с ними. Выражаясь языком экономистов, общественный капитал сни-

жает затраты партнеров на взаимодействие, обеспечивающее успешное выполнение договорных обязательств. Применительно к сообществу мигрантов это означает, что в одном случае (например, когда твой партнер из сообщества мигрантов) достигнутое соглашение подкрепляется рукопожатием, а в случае с партнером из «внешнего» мира необходимый договор закрепляется с помощью адвокатов и страховых полисов.

Так, из образа внешне расколотого общества, находящегося в конфликте с самим собой, после «снятия» нескольких наносных слоев из предрассудков и стереотипов постепенно возникает стройная концепция кооперативного предпринимательства и поддержки бизнеса, основанного на доверительном принципе.

Третье обстоятельство, вредящее теоретическому прогрессу в изучении миграционных процессов, заключено в практике «псевдотеста». Суть ее состоит в том, что вырванные из общей модели отдельные теоретические положения используются в качестве обоснования ложных утверждений, не имеющих отношения к самой модели.

Например, теорию этнических территорий использовали для доказательства того, что у иммигрантов, работающих в анклавной экономике худшие условия труда, низкая заработная плата и т.д. по сравнению с «большим» рынком труда, в то время как авторы теории создавали ее для того, чтобы объяснить жизнеспособность фирм, использующих труд мигрантов, их способность производить новые предприятия и условия, при которых бывшие наемные работники сами становятся предпринимателями.

Таким образом, сегодня существует громадное количество эмпирических данных о миграционных процессах в разных странах и сравнительно небольшое число теорий, объясняющих устойчивые взаимосвязи между некоторыми группами фактов.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. М., 1999.*
2. *Михайлов С.В. Этнические миграционные волны и проблемы социально-политической стабильности: Автореф. дис. ... д-ра полит. наук. М., 1995.*
3. *Мохлин В.Л. Наследие Бахтина М.М. в современном зарубежном литературоведении // Известия АН СССР. Сер. Лит. яз. 1986. Т.45. №4.*
4. *Политическая наука: новые направления. М., 1999.*
5. *Alba R., Nee V. Rethinking Assimilation Theory for a New Era of Immigration // IMR. 1997. 31(4).*
6. *Bonasich E. A Theory of Middleman Minorities // American Sociological Review. 1973. Vol.38.*
7. *Portes A. Immigration Theory for a New Century: Some Problems and Opportunities // International Migrational Review. 1997. Vol.31. №4.*
8. *Putnem R.D. The Prosperous Community, Social Capital and Public Life // The American Prospect. 1999. №9.*

РЕЦЕНЗИИ

Поиск концептуальных
оснований политической
регионалистики

А.В. Баранов

ПОИСК КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ ОСНОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕГИОНАЛИСТИКИ

А.В. Баранов

Может ли политика быть понятна вне пространства и времени, особенно политика эпохи стремительных перемен и тектонических сдвигов, политика в столь огромной стране, как Россия? Нет, и это убедительно доказывает Д.В. Доленко в своей новой монографии «Политика и территория: основы политического регионоведения» (Саранск, 2000). Рецензируемая работа выполнена в еще редком, к сожалению, жанре комплексного междисциплинарного исследования политической регионалистики — одной из признанных в мировом научном сообществе субдисциплин политологического профиля.

Автор — доктор политических наук, профессор Мордовского государственного

университета, один из руководителей НИИ регионологии в г.Саранске, где давно сформировалась научная школа исследований территориальных проблем. Д.В. Доленко выделяет важнейшие факторы актуальности темы: общий для высокоразвитых стран процесс усиления территориального начала в общественной жизни, а также резко обострившиеся после распада СССР проблемы пространственной организации России. Автор подчеркивает, что системный анализ теории политического регионоведения должен сочетаться со сравнительно-историческим изучением опыта различных обществ. Только на данной основе станет возможен плодотворный эмпирический анализ современного состояния Российской Федерации.

В кратком обзоре изученной литературы Д.В. Доленко выделяет географическую, юридическую, социологическую, историческую и особенно политологическую школы исследований территориальности. Достаточно полно оценив зарубежные публикации, ученый отдает предпочтение отечественной традиции. В противоположность большинству современных авторов, полагающих, что российским регионоведам следует «начать с нуля» и взять за основу зарубежные концепции, он подчеркивает самоценность достижений российской науки; прослеживает черты преемственности дореволюционных и современных работ (например, А.Д. Градовского и А.С. Панарина). Данный подход обусловил выбор объекта анализа — политико-территориальной организации российского общества.

Рецензируемая монография построена по проблемно-логическому принципу и состоит из 7 глав, разделен-

ных на параграфы. Работа выполнена в жанре эвристического теоретического исследования, что объясняет некоторую «сухость» и порой многословность стиля изложения.

Д.В. Доленко рассматривает политико-территориальную организацию общества как систему, объединяющую на территориальной основе власть, гражданское общество и социальную структуру. Политический подход к объекту анализа включает в себя познание и внутренних, и внешних (международных) проявлений территориальности общества в их взаимосвязи. Автор выбрал в качестве концептуальной основы работы центр-периферийный подход Э. Шилза в рамках функционального метода. Он выделяет «вертикальные» и «горизонтальные» политические отношения, классифицирует их виды в зависимости от форм государственного устройства и режимов.

Автор монографии уделяет пристальное внимание историческим формам федерализма в России и зарубежных странах. На страницах работы представлены взгляды дореволюционных отечественных исследователей — Ф.Ф. Кокошкина, С.А. Котляревского, С.А. Корфа, А.С. Яценко, Ю.В. Ключникова. Доказывается, что господство унитарно-централистских начал в русском государстве повлекло за собой системную деформацию советского федерализма. Последний выступал не столько как форма территориального распределения власти, сколько как способ регуляции межэтнических отношений (все более приобретающий декларативный характер). Д.В. Доленко подчеркивает противоположность механизмов легитимации советского и современного россий-

ского федерализма, выявляет противоречия в трактовках государственного устройства между Федеративным договором 1992 г. и Конституцией РФ 1993 г. По мнению автора, ныне действующий Основной закон страны закрепит компромисс между территориальным и национальным федерализмом.

В рецензируемой монографии дана типология территориальных социальных общностей. Оцениваются пути и методы элитогенеза на различных уровнях пространственной структуры. Положительно оцениваются идеи районирования России на основе комплекса показателей социальной структуры, а не мотивов удобства государственного управления. Выявлены своеобразные типы и формы политического участия, присущие горожанам и сельским жителям, провинциалам и столичным обитателям.

Исследуя региональную политику в России, Д.В. Доленко видит цель ее реформирования в «создании сбалансированной, эффективной федерации с достаточно сильным центром и самостоятельными регионами». Это должно обеспечить «гармоничное сочетание национально-территориальных и территориальных обществ». Автор совершенно справедливо подчеркивает опасность и неэффективность выделения этнически однородных ареалов в качестве субъектов РФ. Поэтому предпочтителен приоритет национально-культурных автономий, т.е. разнообразных форм экстерриториальных общественных объединений.

Оценивая процессы дезинтеграции постсоветского пространства, ученый отказывается от прямолинейно-эмоциональных оценок распада СССР и предпочитает

сравнить основные интерпретации событий в российской и зарубежной политологии. Представляет интерес для работников органов госуправления, для экспертов и консультантов в области федеративного строительства классификация типов сепаратизма: по характеру причин, по адресности, по методам. Проводится сценарное прогнозирование тенденций децентрализации в России. Рассматривая право на самоопределение, автор монографии считает оптимальным механизм реализации данного права, предложенный А.Б. Зубовым и А.М. Салминым. То есть, необходим референдум в пределах «зоны сепаратизма» с последующим введением централизованного правления на несколько лет. Если после этого срока «сепаратисты» жители территории сохраняют консолидированное желание отделиться от метрополии, то проводится повторный референдум. Особенно важно, что при данной технологии меньшинства на отделяемой территории имеют право остаться в составе прежнего государства или создать свое собственное.

В рецензируемой работе есть, на наш взгляд, недостаточно аргументированные и спорные суждения. Так, автор трактует территориально-политические общности как зафиксированные институционально — в виде единицы административного деления государства, имеющей свои органы власти. Это сужает проблемное поле данного понятия. Как же быть с неинституционализированными общностями, которые часто влияют на политический процесс гораздо сильнее и длительнее, чем юридически оформленные? Вызывает сомнения и тезис в заключении работы о том, что «территория в большинстве случаев в той или иной степени политична». Нужны уточнения:

территория какого масштаба, при каком политическом режиме, в какие исторические эпохи. Выявление источниковой основы аргументации автора показывает преобладание в ней свидетельств первой половины 1990-х гг., что придает монографии несколько «исторический» оттенок заявленного политологического жанра.

Отмеченные дискуссионные аспекты, безусловно, делают монографию Д.В. Доленко нестандартной и скорее умножают ее достоинства, нежели преуменьшают их. Отечественная наука получила высококвалифицированное исследование, важное для становления политической регионалистики в качестве академической и научной дисциплины.

Копилка мудрых мыслей

История повторяет себя, и это одна из причин, по которой можно сказать, что с историей творится что-то не то.

Дарроу

Бог не может изменить прошлое, но историки могут.

Батлер

ЖИЗНЬ ФАКУЛЬТЕТА

**Местные сообщества:
социально-психологические
аспекты бытия личности**

**Сообщение о работе
круглого стола**

МЕСТНЫЕ СООБЩЕСТВА: СОЦИАЛЬНО- ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ БЫТИЯ ЛИЧНОСТИ.

СООБЩЕНИЕ О РАБОТЕ КРУГЛОГО СТОЛА

В декабре 2001 г., в рамках круглого стола, посвященного социально-психологическим аспектам бытия личности в местном обществе, состоялась встреча представителей различных научных направлений факультета управления. Со своими мнениями, представлениями о перспективных направлениях развития местных сообществ и бытия личности в определенных пространственно-временных условиях делились психологи, философы, политологи, историки, педагоги, биологи, экономисты, управленцы; преподаватели и студенты.

Открыла работу круглого стола доктор психологических наук, заведующий кафедрой психологии личности и общей психологии З.И. Рябикина. Она отметила междисциплинарный характер обсуж-

даемой проблемы и предложила участникам остановиться в начале встречи на обсуждении ключевых научных категорий: «личность», «среда», «бытие». Обращение к этим категориям, попытка их соотнесения, по мнению З.И. Рябикиной, «особенно важно в ситуации оформления нового научного направления» и позволят придать «обсуждению проблем бытия личности в местном сообществе более высокий методологический статус». Одна из обсуждаемых категорий, «среда», по мнению автора, может быть конкретизирована, через такие понятия, как «местное сообщество», «региональная среда», «среда, обуславливающая профессионализацию», «образовательная среда», «предметно-пространственная среда».

Е.В. Морозова, доктор философских наук, профессор кафедры политологии, в своем сообщении «Территориальное сознание в постиндустриальном обществе» обратила внимание на основные тенденции развития постиндустриального общества, прежде всего на самоценность территории. На сегодняшний день «основными факторами общественного богатства и стабильности становятся территориальные: качество среды и особенности местных ресурсов». Экологические проблемы усиливают стремление людей к территориальной самоидентификации. Одними из важнейших направлений в исследованиях последнего времени становятся: изучение территориальных потребностей и интересов социальных субъектов, особенности территориальной идентичности.

Продолжил тему территориального сознания и территориальной идентичности кандидат психологических наук, доцент кафедры социологии управления и социальной психологии А.А. Лузаков. Он остановился на особенностях

провинциальной ментальности. Рассуждая о проблемах полноценного развития и бытия личности, докладчик предложил преодолеть стереотипное понимание таких категорий, как «прогресс», «улучшение жизни», «социальные изменения» и т.п. А.А. Лузаков обратил внимание участников круглого стола на две противоположные тенденции, наметившиеся в развитии современного общества. Одна из них связана с наметившейся ориентацией в развитии в сторону западного образа жизни и мышления. Другую тенденцию можно определить как провинциальную ментальность, которую, по мнению А.А. Лузакова, не стоит обесценивать.

В сообщениях доктора философских наук С.А. Сухих, посвященного коммуникативным основаниям культурных сообществ, А.Н. Пасадского, Н.Ю. Рымарева о социальном пространстве и личности были рассмотрены некоторые тенденции скрытых, неосознаваемых личностью факторов и условий развития личности в среде.

Л.М. Чепелева, И.А. Сапоговой, А.В. Бурмистровой дали анализ различных аспектов отношения личности и среды. Л.М. Чепелева остановилась на характеристике некоторых факторов временного детского коллектива, позволяющих преодолевать деструктивное поведение у детей, а также способствующих более гармоничному развитию личности ребенка. И.А. Сапогова обратила внимание участников круглого стола на средовые факторы, влияющие на профессиональное самоопределение молодежи. А.В. Бурмистрова, анализируя средовые аспекты бытия личности, обратила внимание на важность выявления этих аспектов для адаптации российских сотрудников, работающих в различных международных компаниях.

Е.В. Улько остановилась на характеристике субъектно-объектной позиции в социальном познании. Особое место в познании реальности, по ее мнению, занимает среда, в которую погружен человек, от которой он зависит, в которой действует и которую создает. Процесс понимания субъектом конкретной социальной ситуации неотрывен от ценностно-смысловой позиции личности.

Далее обсуждение проблем бытия личности было посвящено анализу образовательной среды личности.

В.П. Бедерханова, кандидат педагогических наук, профессор кафедры педагогики, дала характеристику таких понятий, как «образовательное пространство», «образовательная среда», «уклад». Останавливаясь на характеристике различных форм существования образовательных пространств, В.П. Бедерханова обозначила главные его функции для преподавателей, студентов и работников всех основных служб. По ее мнению, в образовательном пространстве отражаются важнейшие компоненты его содержания: особое устройство учебного процесса, особый стиль отношений, особые ценности, которые закреплены в организации взаимодействия, в писаных и неписаных правилах жизни вузовского сообщества.

Д.Б. Бережнова в своем сообщении, посвященном фоновому знанию в контексте образовательной среды, охарактеризовала образовательное пространство с точки зрения традиционной культуры и культуры современного общества. Необходимо проектирование такой образовательной среды, которая бы способствовала позитивной адаптации индивида в окружающем его пространстве культуры.

Продолжил тему образовательной среды кандидат психологических наук А.А. Остапенко. В своем сообщении на тему «Проксемика как возможное пространство педагогических исследований» он отметил, что любая педагогическая система находится в некоем «вместилище», т.е. пространстве, среде, фоне и т.п., которое влияет на саму систему, либо является результатом ее деятельности. Он дал характеристику предметно-пространственной среды школы, утверждая, что ее необходимо приблизить к природной среде, делая изначально комфортной, обживая и одухотворяя ее.

Г.Н. Князева, кандидат педагогических наук, подробно остановилась на характеристике микросреды личности, как условия ее активизации. Она отметила, что формирование сознания конкретного индивида, становление его «Я» обусловлено макро- и микросредой, что «фактор микросреды как части социальной среды при этом имеет особое значение». Посредством микросреды индивид включается в межличностное взаимодействие, в образовательную культуру, ориентируется на элементы этой культуры, что способствует активизации личности обучающегося. Именно в микросреде личности возможен учет не только профессиональных, но и разнообразных индивидуальных потребностей.

Некоторый итог бытия личности в образовательной среде был подведен в сообщении кандидата психологических наук С.Д. Некрасова. Он рассмотрел пересечение понятий «образовательная среда» и «местное сообщество» в пространстве бытия студента. Кроме образовательной среды, это бытие включает местное сообщество вуза. Анализируя специфические компоненты понятий «образователь-

ная среда» и «местное сообщество», С.Д. Некрасов делает вывод, что эти компоненты в основном совпадают в пространстве бытия студента.

Ю.В. Филипов, кандидат экономических наук, профессор кафедры ГМУ, в своем сообщении «*Conditio humana* и социальная практика в концепции развития местных сообществ» обратил внимание участников круглого стола на междисциплинарный характер обсуждаемой проблематики. Он отметил, что круглый стол дает новые возможности для расширения научного пространства кубанской школы местных сообществ. Обращение к местным сообществам как объекту научного исследования заставляет экономистов акцентировать внимание на неэкономических категориях, т.е. выходить за традиционные границы экономической науки. Ю.В. Филипов предложил определять местное сообщество как общность людей, проживающих на ограниченной территории (имеющей географические, административные и иные границы) и взаимодействующих друг с другом для удовлетворения своих потребностей.

Т.А. Мясникова предложила для обсуждения сообщение на тему «Социальный капитал как ресурс развития местного сообщества». На ее взгляд, социальный капитал служит цементом, который связывает остальные ресурсы развития. Развитие местного сообщества в современном понимании, а именно повышение качества жизни местного населения без достаточно развитого социального капитала, невозможно. Изучение особенностей формирования социального капитала и социально-экономического развития города требует синтетического подхода, включающего исследования социологов, психологов, философов, экономистов, градостроителей и специалистов других наук.

В сообщении кандидата экономических наук, Н.И. Кузьмичевой рассмотрены условия и факторы формирования адекватной среды жизнедеятельности человека. Современный человек, размышляя о своей природе, хочет прежде всего понять, почему он на рубеже тысячелетий оказался в конфликте с собой, с природной и социальной средой.

Одна из причин подобного конфликта между человеком и средой, по мнению кандидата биологических наук М.В. Терешинной, — нарушение социоприродного равновесия. В ее выступлении, посвященном экологическому подходу к изучению развития местного сообщества, поднимается ряд важнейших экологических, экологогигиенических, социально-экономических, культурно-бытовых проблем жизнедеятельности населения.

Обобщил работу круглого стола А.М. Ждановский, кандидат исторических наук, декан факультета управления. В своем выступлении он обратил внимание на социально-психологическую активность человека, на характер его позиции в окружающем социальном, культурном, экономическом пространстве, т.е. в местном сообществе. Анализируя ситуацию, которая сложилась в нашем регионе: «кто мы — сообщество жителей или начальников?», он отметил важность понимания идеологических, социальных и организационных факторов развития местного сообщества уже на студенческой скамье. По мнению ученого, пути решения проблемы развития местного самоуправления можно найти в концепции, лежащей в основе кубанской школы местного самоуправления.

Наряду с преподавателями факультета управления и его гостями в работе круглого стола приняли участие сту-

денты разных курсов, обучающиеся на отделении психологии и социальной работы. Они активно включались в обсуждение таких актуальных тем, как бытие личности на факультете, в университете, поиск своего места в профессиональном сообществе города и края, определение своей позиции в культурном, политическом, экономическом и социально-психологическом пространствах. Многие из них подготовили стендовые доклады, с которыми можно было познакомиться в перерывах работы круглого стола. Всего было представлено 12 стендовых докладов.

Студентами 2-го курса отделения психологии М.С. Бардачевой, О.В. Омельченко, А.В. Сорочинским была рассмотрена проблема обыденного и научного экологического сознания. Они выделили более 10 социально-экологических проблем и изучили степень их важности для общества с точки зрения студентов психологического и политологического отделений. Результаты их работы обозначили ряд актуальных проблем современного общества, прежде всего отношение к экологическим проблемам. Большинство их респондентов согласны с тем, что необходимо беречь окружающую среду, рационально использовать ресурсы и т.п., но не осознают собственной ответственности за экологические проблемы. Авторы исследования приходят к выводу о необходимости расширения социально-экологических дисциплин, благодаря которым у молодежи будет формироваться более полное представление о социально-экологических проблемах, поскольку нынешние студенты — это будущие специалисты, от которых будет зависеть в дальнейшем политические, экономические и социально-экологические решения в нашем регионе, в нашем государстве.

Образ природной среды, который исследовала В. Букач, студентка 5-го курса отделения психологии, тесно вилетен в мифологическое сознание народа. Изучая образ природных объектов, представленных в русских народных песнях, она выявила основные функции, которые несут эти образы: это и объекты для идентификации, и выражение состояния человека, его переживаний, чувств и описание значимой ситуации.

И. Селиванов анализировал неосознаваемые факторы, обуславливающие утилитарное, насильственное отношение к среде у наших современников. Причины подобного отношения кроются в преобладающих на сегодняшний день репрессивных мерах воздействия на подсознание человека, по сравнению с креативными.

З. Каряева и В. Коленко (2-й курс, отделение психологии) в своем докладе обратили внимание на ненасилие как форму отношения к природе. Результаты их исследования показывают, что современный человек остается зависимым от окружающей природы, так как считает, что современные технологии не в состоянии заменить природные ресурсы. Но отказаться от вещей, которые загрязняют природу, он не может. И хотя в основном респонденты считают, что экологические проблемы человечества разрешимы, большинство из них возлагают спасение природы на плечи общества, полагая, что индивидуальное участие ничем не поможет.

Несмотря на столь пессимистические прогнозы, студенты проявляют достаточно активную гражданскую позицию по отношению к той среде, в которой они живут и учатся. Так, третьекурсники отделения социальной работы предложили несколько проектов деловых игр и телепере-

дач, направленных на повышение уровня социально-экологической культуры населения края. Д. Гитман, С. Огарев, Е. Светухина подготовили цикл телепередач «Экология и мы», рассчитанных на старшеклассников и студентов. Л. Бахова и А. Лубянова решили дать новую жизнь, слегка надоевшей, но весьма популярной передаче «Слабое звено». Авторы проектов видят несколько вариантов воплощения своих программ.

Е. Подбуртная и Т. Майстренко (3-й курс, отделение психологии) раскрыли проблемы феномена территориальности и персонализации среды, описали аудиторию, идеальную с точки зрения эффективности учебного процесса.

О. Котенева, С. Каданцева изучали выбор пространства (места) студентами КубГУ в учебной аудитории. Они описали наиболее любимые и «безопасные» места в аудитории.

Не обошли вниманием студенты жилищные условия: комнаты в общежитиях и городские дома. А. Мамедова, И. Полухина (2-й курс, отделение психологии) исследовали жизненную среду на примере студенческого общежития, их однокурсницы Е. Козьмиди, О. Коренева изучали образ дома в сознании его жильцов.

Не обошли вниманием начинающие исследователи и городское пространство.

Н. Белоконева (2-й курс, отделение психологии) заинтересовалась проблемой, как чувствует себя в нашем городе женщина за рулем, как ее воспринимают водители-мужчины.

Влияние СМИ на экологическое сознание изучали В. Лазник, А. Налетова, В. Пилипишина. Они обнаружили, что, к сожалению, экологическая реклама, призывающая

содержать наш город в чистоте, не выполняет своего предназначения.

Многообразие тем, обсуждаемых во время круглого стола, позволило взглянуть на наиболее значимые проблемы бытия личности в местном сообществе и выявить перспективные направления дальнейших научных исследований.

Организаторы круглого стола выражают огромную благодарность всем его участникам: преподавателям и студентам факультета управления, гостям, проявившим интерес к обсуждаемой проблеме.

Подробнее познакомиться с выступлениями можно будет в сборнике, который в настоящее время готовится к изданию.

Проблема бытия личности в местном сообществе не может быть завершена в одной из первых дискуссий. Мы убедились в ее значимости, увидели многообразие ее трактовок и подходов и надеемся на продолжение разговора.

И.А. Сапогова

* * *

20—21 февраля 2002 г. в КубГУ прошла II Краевая олимпиада по обществознанию, организатором которой стала кафедра политологии и политического управления совместно с Центром дополнительного образования. В олимпиаде приняли участие 69 учащихся 9—11-х классов из городов и районов Кубани. Победителями стали школьники из Краснодара, Ейска, Сочи, Каневского и Славянского районов.

22 февраля 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялось ежегодное собрание Российской ассоциации политической науки, которое прошло в рамках программы II Российского научно-общественного форума «Формирование гражданского общества в России».

В собрании приняли участие представители 23 региональных отделений ассоциации. Крупнейшим событием 2001 г. стало превращение ассоциации из межрегиональной в общероссийскую организацию, которая ныне имеет отделения в 52 регионах России. Научный совет рассмотрел работы, поступившие на конкурс РАПН, и принял решение не присуждать первого места за лучшую исследовательскую публикацию. Второе место получила монография «Россия регионов: трансформация политических режимов» (М., 2000).

Первое место за лучшую учебно-методическую публикацию присуждено серии публикаций кафедры политологии и политического управления КубГУ.

* * *

2—3 марта 2002 г. в Санкт-Петербурге состоялась конференция по проекту поддержки кафедр Мегапроекта «Развитие образования в России» Института «Открытое общество». От кафедры политологии и политического управления КубГУ приняла участие в конференции доцент Е.В. Савва.

3—4 марта 2002 г. в Ростове-на-Дону состоялся семинар по теме «Региональные выборы и проблемы становления гражданского общества на Юге России», организованный фондом Карнеги. В семинаре приняли участие проф. А.В. Баранов (тема выступления — «Электоральная активность политических партий как фактор становления гражданского общества на Кубани»), проф. Е.В. Морозова (тема выступления — «Политическая коммуникация и политическая реклама на выборах губернатора Краснодарского края»).

* * *

22 марта 2002 г. Центр университетской поддержки развития местных сообществ Кубанского государственного университета совместно с Управлением дистанционного обучения КубГУ и при активной поддержке администрации г.Горячий Ключ в филиале Кубанского государственного университета (г.Горячий Ключ) организовал круглый стол. Тема обсуждения — «Особенности становления и развития предпринимательства в г.Горячий Ключ: муниципальная власть — население — предприниматели».

Цели круглого стола:

— обобщить опыт деятельности субъектов предпринимательства в Горячем Ключе (экономические, правовые и социальные аспекты);

— проанализировать роль органов местного самоуправления в создании условий для развития предпринимательства в муниципальном образовании;

— оценить эффективность реализации муниципальной программы поддержки предпринимательства в Горячем Ключе.

Были обсуждены следующие вопросы:

- роль органов местного самоуправления в развитии малого и среднего бизнеса в целях повышения качества жизни населения и доходности территории;

- развитие индустрии отдыха и лечения в г. Горячий Ключ;

- вопросы конкуренции на рынке минеральной воды;

- перспективы развития производства и переработки продуктов предгорной зоны;

- проблема социальной защиты населения г. Горячий Ключ;

- перспективы развития лесопромышленного комплекса в г. Горячий Ключ;

- развитие местного сообщества на основе реализации стратегии международного экономического сотрудничества.

В проведении круглого стола участвовали представители администрации г. Горячий Ключ, Центра университетской поддержки развития местных сообществ, преподаватели Кубанского государственного университета факультета управления кафедры государственного и муниципального управления, руководители предприятий г. Горячий Ключ, руководство управления дистанционного обучения КубГУ, а также студенты и преподаватели филиала КубГУ в г. Горячий Ключ.

В результате работы круглого стола были намечены проекты дальнейшего сотрудничества с целью активизации учебного процесса студентов, а также установления более тесного взаимодействия студентов, представителей бизнеса и администрации для решения вопросов местной экономики.

ДИССЕРТАЦИЯ В ПОДАРОК

Как вы относитесь к защите диссертации? Для многих ответ на этот вопрос неоднозначен. Здесь наряду с рациональным пониманием состоявшегося кардинального шага в профессиональной карьере, чувства радости за действительно признанные результаты научных сомнений и поисков всегда присутствует ощущение личной победы, состоявшегося триумфа самопреодоления. Защита — это всегда итог огромного напряжения, труда, цену которого невозможно определить количеством бессонных ночей и потраченных усилий.

Состоявшаяся в конце февраля защита докторской, особенно не только потому, что защита проходила сразу по двум направлениям: педагогика и психология и присутствующим на ней не хватало мест, она была начисто лишена присущей любой защите чопорности и официозности. Это было событие, на которое пришли и студент и проректор, аспирант и профессор, понимая, что эта защита — одна из самых знаменательных в университетской жизни. Блестящая речь докторанта и столь же интересные и зажигающе актуальные выступления оппонентов, сложнейшие, вызывающие полемику вопросы, огромное количество отзывов выдающихся ученых России — все это создало необыкновенную атмосферу рождавшегося на глазах праздника.

Пора сказать имя именинника, точнее именинницы. 28 февраля состоялась защита докторской диссертации одного из самых ярких педагогов университета, блестящего ученого, замечательного человека Веры Петровны Бедерхановой. Работа длиной в десятилетия закончилась монументальным трудом, за которым стоят интереснейшая

творческая деятельность, более десятка аспирантских защит, множество книг и публикаций. И все же Вера Петровна — это Вера Петровна, второй такой на свете нет. Это прежде всего — человек огромной доброты, таланта, сердечности, искрометного юмора, берущий на себя груз забот и ответственности за всех, кого «приручил». В отзыве на диссертацию доктора психологических наук, крупнейшего ученого Н.В. Кузьминой звучат слова: «Я горжусь своей ученицей». Хотелось бы присоединиться к этим словам: «Мы гордимся Вами, Вера Петровна, тем, что мы — Ваши ученики!» Спасибо за подаренные понимание, идеи, поддержку, **спасибо за подаренный праздник!**

*От имени многочисленных учеников Веры Петровны
кандидат педагогических наук Е.Ю. Аронова*

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

АЛЕКСЕЕВА Татьяна Алексеевна — д-р филос. наук, проф., зав. кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД РФ.

БАРАНОВ Андрей Владимирович — д-р ист. наук, проф. кафедры политологии и политического управления КубГУ.

БОДАЛЕВ Алексей Александрович, д-р психол. наук, проф., академик, действительный член Российской академии образования.

ДЖАКУБОВА Татьяна Николаевна — канд. экон. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления КубГУ.

ЗАХАРЮТА Нина Васильевна — канд. психол. наук, доц. Армавирского государственного педагогического института.

КОМАРОВ Владимир Борисович — канд. филос. наук, доц. кафедры экономики труда и управления персоналом КубГУ.

КОМАРОВА Лина Георгиевна — канд. филос. наук, доц. кафедры политологии и политического управления факультета управления КубГУ.

КУЗЬМИЧЕВА Надежда Ивановна — канд. экон. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления КубГУ.

МЕНЬШИКОВ Валерий Владимирович — канд. филос. наук, проф. кафедры политологии и политического управления КубГУ.

МОРОЗОВА Елена Васильевна — д-р филос. наук, проф. кафедры политологии и политического управления КубГУ.

ОКУЛИЧ-КАЗАРИН Валерий Петрович — канд. техн. наук, доц. ИПК (Москва).

РОМАНОВА Ирина Васильевна — аспирант кафедры экономической, социальной и политической географии КубГУ.

САМАРКИНА Ирина Владимировна — преподаватель кафедры политологии и политического управления КубГУ

УЛЬКО Елена Васильевна — канд. психол. наук, доц. кафедры психологии факультета управления КубГУ.

ЧИСТЯКОВ Валентин Иванович — канд. геогр. наук, проф., зав. кафедрой КубГУ.

ЮРЧЕНКО Инна Вадимовна — канд. ист. наук, проф. кафедры КубГТУ.